

5 | Александр Солженицын

СОБРАНИЕ

Александр
Солженицын

СОЛЖЕНИЦЫН

5

INDEX

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Собрание сочинений

В ШЕСТИ ТОМАХ

*С приложением критических статей
о творчестве автора
и документов по так называемому
«делу Солженицына»*

*Фотографии автора, а также его портрет
работы московского художника В. Сидура,
отпечатаны на меловой бумаге*

Обложка и суперобложка работы художника Адама Русака

*Сверка авторских текстов и редактирование приложений
проведены А. Н. Артемовой*

**АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН**

Собрание сочинений

ТОМ ПЯТЫЙ

Пьесы

*

Рассказы

*

Статьи

ПОСЕВ

© 1969 Possev-Verlag, V. Gorachek KG
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Пьесы

Олень и шалашовка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

З э к и :

РОДИОН НЕМОВ, недавний фронтовик

ПАВЕЛ ГАЙ, тоже; бригадир каменщиков

ЛЮБА НЕГНЕВИЦКАЯ

ГРАНЯ (АГРАФЕНА) ЗЫБИНА

БОРИС ХОМИЧ

ТИМОФЕЙ МЕРЕЩУН, врач з о н ы

НИКОЛАЙ ЯХИМЧУК

МАКАР МУНИЦА   литейщики

ГРИШКА ЧЕГЕНЕВ

ДИМКА, 14 лет

ЧМУТА, бригадир штукатуров

КОСТЯ, нарядчик

ПОСОШКОВ, комендант з о н ы

СОЛОМОН, старший бухгалтер з о н ы

БЕЛОВОТНИКОВ, бухгалтер

ДОРОФЕЕВ, нормировщик на производстве

ЗИНА, машинистка там же, лагерная жена Посошкова

КАМИЛЛ ГОНТУАР, бельгиец

ШУРОЧКА СОЙМИНА

БЭЛЛА

1-я СТУДЕНТКА

2-я СТУДЕНТКА

ФИКСАТЬИ

ЖОРИК   блатные

ЛЕНЬЧИК

ЖЕНЬКА, тенор
ВИТЬКА, конферансье
АГА-МИРЗА, фельдшер зоны
АНГЕЛ, дневальный Планово-Производственной Части
ЗАВ. БАНЕЙ
СТАРШИЙ ПОВАР зоны
1-я, 2-я, 3-я, 4-я ЖЕНЩИНЫ ИЗ НОВОГО ЭТАПА
1-й, 2-й, 3-й, 4-й КАМЕНЩИКИ
1-й, 2-й, 3-й БРИГАДИРЫ
ДОХОДЯГА С КОТЕЛКОМ
1-й ДОХОДЯГА
РАБОТЯГА из бригады Чмуты

Вольные:

КАПЛЮЖНИКОВ, главный инженер треста
ГУРВИЧ АРНОЛЬД ЕФИМОВИЧ, старший прораб строительного-
монтажного объекта
БРЫЛОВ ВАСИЛИЙ ОНУФРИЕВИЧ, начальник литейного цеха
ФОМИН, десятник
1-й и 2-й ДЕСЯТНИКИ
МАСТЕР МЕХЦЕХА

Охрана:

ЛЕЙТЕНАНТ ОВЧУХОВ, начальник лагерного пункта
МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ КОЛОДЕЙ, старший надзиратель
НАДЗИРАТЕЛЬНИЦА с буйными кудрями
ПРИЕЗЖИЙ НАДЗИРАТЕЛЬ с лесной подкомандировки
СЕРЖАНТ КОНВОЯ
РАБОТЯГИ. БРИГАДИРЫ. ПРИДУРКИ. АРТИСТЫ КВЧ. НАД-
ЗИРАТЕЛИ. ВАХТЕРЫ. КОНВОИРЫ. ЧАСОВЫЕ НА
ВЫШКАХ

Время действия — осень 1945 года.

Промежутки между актами — по несколько дней.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛАГЕРНОГО ЯЗЫКА

(Приложение к театральной программке)

Б а ц и л л ы (блатн.) — жиры.

Г а р а н т и й к а — гарантированная (при отсутствии работы) хлебная пайка. Колебалась в то время от 450 до 650 граммов в день. Осмысливая это трудное слово, называли ее и **к а р а н т и й к о й** (за то, что давали ее, в частности, и в карантине).

Г У Л А Г — Главное Управление Лагерьей МВД и подчиненный ему архипелаг островков-лагерей, разбросанных по стране в те годы.

Б ы т ь в з а к о н е (блатн.) — жить по воровскому закону, а, в частности, — «законов» не работать.

Ж и т ь в з а к о н е — т. е. в лагерном «браке» — не таясь, при молчаливой снисходительности начальства.

З э к — от официального сокращения з/к («зэ-ка») — заключенный.

З о н а — 1) пространство, огороженное колючей проволокой. В частности и особенно — жилая зона; 2) самый забор с запертой полосой.

К а н т о в а т ь с я, ф и л о н и т ь — жить «день до вечера», отбывая срок, стараясь не работать.

К В Ч — Культурно-Воспитательная Часть (отделение лагерной администрации).

К о с т ы л ь (блатн.) — пайка (в смысле: то последнее, что еще поддерживает жизнь).

М а н т у л и т ь, в к а л ы в а т ь — работать по-настоящему.

О Х Р А, В О Х Р А — лагерная полувоенизированная охрана.

П а р а ш а (одно из значений) — непроверенный лагерный слух.

П П Ч — Планово-Производственная Часть (отделение лагерной администрации).

П р и д у р к и [1] в жилой зоне; 2) на производстве] — заключенные, не работающие физически.

С о с а л о в к а, д о х о д и л о в к а — безнадежно-голодное место.

Столypин — железнодорожный тюремный вагон.

УРЧ — Учетно-Распределительная Часть (отделение лагерной администрации).

Фашисты — так с 1941 года ругали и дразнили всех политических.

Фитиль (блатн.) — сильно ослабший человек (глагол: фитилить).

На цырлах — почти непереводаимо. Одновременно: на цыпочках, стремительно и со всем усердием.

ЧТЗ («Челябинский Тракторный Завод») — наскоро сшитая из автомобильной резины грубая обувь, оставляющая после ног человека как бы автомобильный след.

Шалашовка — лагерница легкого поведения, способная на любовь в непритязательных обстоятельствах.

Шизо — штрафной изолятор.

Шмон (блатн.) — обыск (глагол: шмонать).

Из освещенного фойе зрители входят в темный зрительный зал, где желто неярко светятся только фонари под жестяными колпаками, посаженные как бы на верхушки столбов по всему полукругу барьера оркестра. Столбы выдаются невысоко, чтобы не мешать видеть действие. Они оплетены колючей проволокой, уходящей в оркестровую яму. На среднем столбе — указатель, разделяющий поле наблюдения двух соседних вышек. Охранные лагерные вышки приставлены справа и слева к portalу сцены. На вышках весь спектакль стоят часовые.

Раздвигается (и больше не используется до конца спектакля) обычный театральный занавес, обнажая второй занавес: ткань, грубо разрисованную в плакатный индустриальный пейзаж с мускулистыми румяными веселыми мужчинами и женщинами, трудящимися безо всякого напряжения. В одном из углов этого занавеса еще — радостное шествие с цветами и детьми, с портретом Сталина.

Начиная пьесу, репродуктор дает на гармошке: «Нам песня строить и жить помогает». При поднятии занавеса эта мелодия переходит к гармонисту, сидящему в глубине сцены у лагерных ворот.

Из-за занавеса — резкие удары ломом о рельс.
Фонари «зоны» гаснут на время всего спектакля, до последней картины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

РАЗВОД

Утро. Скоро взойдет солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине она кончается колючей изгородью с предзонником. В ней — двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Правее ворот — тесовая будка вахты. Еще глубже, за изгородью — рабочая зона, там — высокое строящееся кирпичное здание, кран «Пионер» сверху на нем, кое-где переносные леса штукатуров. Видна еще кузница, дымящая литейка и другие подсобные постройки.

Откуда-то слева, наискосок к вахте, ведет линейка развода, густо заполненная ЗАКЛЮЧЕННЫМИ, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках. У некоторых женщин брюки, а поверх них юбка. У самых ворот, где ВАХТЕР с одной стороны и румяный, похожий на боксера нарядчик КОСТЯ с другой пропускают пятерки, хлопая счетными фанерными дощечками крайних по спинам, — развод походит на строй, бригады в ответ на выклик нарядчика докладывают номера бригад и численность. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только ЧЕГЕНЕВ в шутку возится с ДИМКОЙ. Кто-то увязывает обувь, другой доминает утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жметя. В самом хвосте развода выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них — «шикарно» одетая машинистка ЗИНА и низенький толстый нормировщик ДОРОФЕЕВ. У ворот сидит на табуретке и лениво, не всё время наигрывает марш из «Веселых

ребят» ГАРМОНИСТ. О бок развода стоит в белом халате черный фельдшер АГА-МИРЗА, у ног его сидит на земле 1-й ДОХОДЯГА.

Справа — угол стандартного лагерного барака, уходящего своей длиной за кулисы. У торца барака — столб, на нем на проволоке — рельс. Около стоят низенький надзиратель КОЛОДЕЙ и высокий НЕМОВ в долгой, еще новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом.

Слева близко выступает из-за кулис угол другого барака, в переднем краю его — маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Еще ближе — тщательно окрашенный дощаной ящик с крышкой и надписью: «Для отбросов».

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны — плакаты: «ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА», «ТРУД ИЗ ЗАЗОРНОГО ВРЕМЕНИ, КАКИМ ОН БЫЛ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ, СТАЛ ДЕЛОМ ЧЕСТИ, ДЕЛОМ СЛАВЫ, ДЕЛОМ ДОВЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА» (СТАЛИН).

«КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!»

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать.

Вахтер. Взяться под руки! Первая! Вторая! Третья!..

К о с т я (громко). А ну, пятый барак, не фитили! Что, с дрыном давно не заходил? Зайду!

К линейке спешат новые РАБОТЯГИ.

Я х и м ч у к (от вахты). Чегенёв. Шпана!

Ч е г е н е в (у него фуражка надета по-шпански).

Я шпана! (Догоняет бригаду.)

Я х и м ч у к . Малолетка!

Д и м к а . Я малолетка! (Догоняет.)

Д о р о ф е е в (вышел из строя, подходит к Немову).

Родион Павлыч, дельце одно...

К о л о д е й . В армии служил?

Дорофеев. Но ведь здесь не армия, гражданин начальник...

Колодей. Раз-говорчики! Здесь почище армии! Шапку!

Дорофеев (*обнажает лысую голову*). Гражданин старший надзиратель, младший сержант Колодей! Дозвольте обратиться к зав. производством заключенному Немову!

Колодей. Во-от, давно бы так... не позволяю! Дорофеев отходит. Немов идет за ним к строю, там разговаривают.

Ага-Мирза. Давай градусник!

1-й доходяга. Доктор, десять минут надо мерить.

Ага-Мирза. Ты давно такой умный стал? Права качать? (*Берет градусник.*) Нормальная, иди!

1-й доходяга (*не вставая с земли*). Гусейн Байрамович! В уборную сколько раз бегал...

Ага-Мирза. На кухне работал? Слабинку щупаешь, падло? (*Намеревается ударить, тот встает поспешно.*) Гражданин надзиратель! Тут — отказчик, куда его?

Колодей. В шизо, куда.

Ага-Мирза бьет доходягу ногой, тот уковыливает вслед своей бригаде. Другой ВАХТЕР вызывает Колодея направо. КОЛОДЕЙ уходит. От ворот ленивые вздохи гармошки.

Из ленты развода слышится:

— Зинка, шлюха, юбку новую надела.

— А юбка-то Маруськина. Комендант с Маруськи снял, как ее на этап отправляли.

— Житье, девочки, с комендантом! (*Поет.*)

Я любила бригадира,
Коменданту угодила
И с нарядчиком спала —
Так стахановкой была!

— Ну всё, с паечкой рассчитался.

— С карантинкой чего не рассчитаться! Вон как бригадир себе и своей гумовнице по килу взял!..

— Бригадир! Развалились лапти! Смотри, лапти развалились, в чем пойду?

— Завтра подкую. ЧТЗ получишь.

Развод подходит к концу. Из двери ближнего барака на ступеньки вышел, потягиваясь, МЕРЕЩУН, полный, солидный человек, еще полуодетый. К нему подходит Ага-Мирза.

Ага-Мирза. Доброе утро, Тимофей Кириллыч! Мерещун. Ох, что-то я рано сегодня встал. Без бабы не спится!

Ага-Мирза. Сами прогнали, Тимофей Кириллыч.

Мерещун. Надоела, поносница. Ну, чего там в больнице? Полы драили?

Ага-Мирза. Драили всю ночь, правильно драили.

Мерещун. Смотри!.. И еще: в какую тумбочку загляну, если крошки найду — не обижайся.

Ага-Мирза. Валька умрет, наверно, сегодня.

Мерещун. А Матвеев?

Ага-Мирза. С копыт. Уже в морге.

Мерещун. Ну еще б, с такой высоты!.. Потом это, Ага-Мирза! — простыни чтобы подвернуты были. Терпеть не могу, когда простыни не подвернуты. (Смотрит направо.) Что это? Этап, что ли?

За их спиной, слева к ящику с отбросами, прокрадывается ДОХОДЯГА С КОТЕЛКОМ. Он — в шинельном бушлате, перепопсанном веревкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок. Развод окончился, ворота закрыты. На верхних кирпичах стройки играет первое солнце. Нарядчик с вахтером ведет подсчет, каждый по своей дощечке, нарядчик растолковывает вахтеру.

Справа входит КОЛОДЕЙ с парой бумажонок. Следом фырчит автомашина, подаваемая сюда.

Колодей. А ну, кто там? Зав. производством! Ко мне. (Кому-то.) Коменданта сюда! И этого... банщика! (Тот убегает.) Сейчас та-ак... Há вот, прочти. (Дает Немову бумаги.) Этап привезли.

Немов. Много? (Читает.)

Колодей. Четыре машины будет, пока одна пришла.

Медленно задом входит сперва трехтонка с высокими бортами, по видимости пустая, только в передней части кузова стоят, отделенные решеткой, два автоматчика. Они соскакивают и уходят.

Немов. Продаттестат. Удовлетворены по восемнадцатое включительно.

Колодей. По сегодня? Порядок, не кормим. Еще чего?

Немов. Ну, баланды-то бы можно...

Колодей. Как это — баланды? Баланда денег стоит. Вот на работу ты их выведи.

Немов. Сегодня?

Колодей. Неужели завтра? Пусть проценты несут.

Шофер открывает задний борт кузова. Из кабины выходит СЕРЖАНТ КОНВОЯ с пачкой тюремных дел.

Немов. Да ведь надо по специальностям разобрать, по бригадам раздать, гражданин начальник... Списки составить.

Колодей. Ты — человек или ты чурка с глазами? С утра они у нас, а вечером, может, на лесоповальный участок? Так пусть поработают. У меня не как у других надзирателей, простоев не бывает. Отмеришь двадцать человек, старшего — и шагом марш! А то на-

чальник лагеря воротится — знаешь, взгрёбка будет?
(Подходит к грузовику.) Сла-азь!!

Из кузова начинают подниматься ЗЭКИ, до сих пор сидевшие на дне его и не видимые за высокими бортами. Они спрыгивают с вещами, разминают затекшие ноги.

Не ходи! Садись!

ШУРОЧКА, молодая дамочка в яркой городской шляпке, садится по этой команде не на землю, как все, а на чемодан, и выпшаётся. Колодей с неожиданным проворством подбегает и носком сапога пробивает чемодан.

Ся-адь!!

Шурочка садится на землю. Слева появляется краснорожий отъевшийся БАНЩИК.

Б а н щ и к . Гражданин начальник! По вашему вызову зав. баней явился!

К о л о д е й . Ты... вот что... Белья нет?

Б а н щ и к . Откуда белье?!

К о л о д е й . А мыло?

Б а н щ и к . Не подвезли.

К о л о д е й . Вода-то есть?

Б а н щ и к . Где есть! Перекрыли...

К о л о д е й . Гм-м...

А г а - М и р з а . Еще лучше, гражданин начальник, быстрее вымоем.

К о л о д е й . И то правда. Прожарку топи, прожарку. Как, доктор, ничего, что без воды?

М е р е щ у н . Ничего-о. (Этапу.) Сколько дней в дороге?

Г о л о с . Вторую неделю.

М е р е щ у н . Ничего.

БАНЩИК убежал. С грузовика сошло человек тридцать, грузовик уходит направо.

Н е м о в (внимательно оглядывает прибывших).
Ваша фамилия — как?

Хомич (встает. Он в ярко-красном джемпере).
Инженер Хомич.

Немов. Вот и угадал. Будете старшим мужской двадцатки. Список составите, мне дадите.

Хомич. Есть! (Садится.)

Немов (так же внимательно оглядывает женщин). А — ваша?

Граня (приподымаясь). Зыбина.

Немов. Вы — среди женщин старшая!

Гул среди ЖЕНЩИН.

Что такое?

Одна из женщин. Как в воду смотрел.

Другая. Она бригадирша и была.

Немов. Вы что? — все из одного лагеря?

Хомич. Из подмосковского. Фрицев военнопленных привезли, а нас расформировали.

Нарядчик, кончив с вахтером считать по дощечкам, подходит. Слева, из-за барака, входит маленький, очень подвижный ПОСОШКОВ в большом картузе.

Посошков (отдавая приветствие). Посошков, шесть вершков!

Колодей (смеется). Хвастаешь при бабах... Сейчас, комендант, вот что: мы их — выкликать по делам, а вы с нарядчиком сразу шмонайте, я вам доверяю. Только правильно шмонайте!

Посошков (кричит). Женщинам — от пояса раздеться!

В этапе смех.

Сержант конвоя. На, вычитай!

Колодей. Я не читатель. Ты вычитай.

Мерещун наблюдает от своей двери. Нарядчик и комендант становятся к нему спиной, лицом к этапу. Среди них всех доходяга с котелком продолжает ковыряться в отбросах. Немов

— около Колодея. По мере того, как сержант выкликает, этапники проходят обыск и переходят налево.

С е р ж а н т . Не... гне... не... гне...

Л ю б а . Негневицкая?

С е р ж а н т . Понавыдумают фамилиев.

Л ю б а . Негневицкая Любовь Степановна, 23-го года, пятьдесят восемь-десять, восемь лет.

К о л о д е й (враждебно). Агитация?

Л ю б а (Посошкову, который при обыске берет ее за грудь). Не лапай, не купишь.

С е р ж а н т . Сойкина.

Ш у р о ч к а . Соймина Алексан-на Пал-л-на! 1917-го, пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!

К о л о д е й (угрюмо). Недоносительство?

С е р ж а н т . Зыбина.

Г р а н я . Аграфена Михална, 20-го года, сто тридцать шестая, десять лет.

К о л о д е й (кивая). Убийство.

С е р ж а н т . Х... Хомач.

Х о м и ч . Хомич Борис Александрович, 10-го года, закон семь восьмых, десять лет.

К о л о д е й (широко улыбаясь). Сколько хапанул?

Х о м и ч (уже со шмона). На передачи хватает, гражданин начальник!

К о л о д е й . Моло-одчик.

П о с о ш к о в (берет Граню за грудь). А здесь чего насовала!

Граня резко ударяет его локтем, заставив пошатнуться. Проходит. Выкликание продолжается беззвучно.

М е р е щ у н (Любе, которая села на вещах неподалеку). Девочка!

Л ю б а . А?

М е р е щ у н . Давно сидишь?

Л ю б а . Хватает.

М е р е щ у н . Подженимся?

Л ю б а . Так и сразу?

М е р е щ у н . А что теряться?

Л ю б а . Я не дешёвка.

М е р е щ у н . Я не дешево и дам. Вот здесь я живу. Кабинка моя. Чтоб ты знала.

Л ю б а . Ну и живите.

М е р е щ у н . Скучно.

Л ю б а . Санитарок мало? *(Отворачивается.)*

Мерещун некоторое время смотрит на нее, потом замечает
Хомича.

С е р ж а н т *(сияясь прочесть)*. Тьфу, будь ты проклят, где вас берут!.. Гоп.. Гоп...

Г о н т у а р *(это широкоплечий старик с серебряной сединой, хотя и остриженный)*. Гонтуар Камилл Леопольдович, 1890-го года рождения, статья пятьдесят восемь-один «А», через девятнадцатую, десять лет.

М е р е щ у н *(Хомичу)*. Свитер у вас хороший. Цвет мне нравится.

Х о м и ч *(еще не одевшись после обыска)*. И вообразите — не линяет! Попробуйте матерьяльчик! *(Дает пощупать.)* Заграничный! Знаете, кто его носил? Сын шведского миллионера!

М е р е щ у н . Да что вы?!

Х о м и ч . Представляете, такой интересный номер: сидим на Куйбышевской пересылке, жара, сто человек в камере, я — в одних трусах, он — в свитере и шерстяных брюках, говорит: изнемогаю, где бы мне в Советском Союзе достать трусы? Я говорю: для сына миллионера у меня есть запасные, немножко рваные, махнём на свитер, не глядя? Махнули. А вот попробуйте, оденьте. Тепло, мягко.

М е р е щ у н . Давайте примерю, интересно, сын миллионера... *(Надевает.)*

С е р ж а н т . Семенов! Семенов!!

Молчание.

Ф и к с а т ы й *(одетый пестро, франтовато, без вещей, встает, подходит с медленной раскачкой)*. Наверно, буду я.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Макаров.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Балтрушайтис.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Прибыленко.

Сержант. Статьи!

Фиксатый. 162-я, 165-я, 136-я, пятьдесят девять-три.

Сержант. Срок?

Фиксатый. Пять лет.

Колодей. Работать будешь?

Фиксатый (*нараспев*). В посылочной — могу... Сам знаешь, начальничек, по субботам мы не ходим на работу, а у нас суббота — каждый день.

Немов (*командно*). И спрашивать нечего — будет! Куда он денется?

Фиксатый обертывается к Немову, смотрит молча, проходит к нарядчику.

Посошков (*вытряхивая на землю чемодан Гонтуара*). Смотри, гражданин начальник, книг понапихано, бумаги. Его — работать прислали, или что?

Колодей идет на зов, начинает оглядывать книги.

Фиксатый (*нарядчику*). А ты кто? Сука?

Костя. В законе? (*Дает ему знак пройти без обыска*).

Хомич. Вообще этот сын миллионера имел на пересылке бледный вид. Такой интересный номер — ему хотели помочь перековаться, отмежеваться от западного мира вообще и от отца-кровопийцы, в частности.

Колодей. И буквы какие-то не наши. Ты не шпион?

Гонтуар. Я — ветеран и инвалид двух мировых войн!

Колодей. Немец?

Гонтуар. Я?? Я даже такого слова не знаю — «немец». Мой родной город сожгли боши!!

Колодей (не дослышав). Наши? Значит, надо было, раз сожгли... (Погружается в раздумье.)

Хомич. Нет-нет, не снимайте, возьмите себе. У меня барахла хватает.

Колодей. Ты к чему это сказал, что — инвалид? Чтоб не работать? Я в Спасском лагере был, так там четверых одноруких соберут, чтоб у двоих — правая рука, у двоих — левая, и — носилки им с камнями. Ничего, носят...

Мерещун. Ну, спасибо, хороший свитер. Вас как зовут, не спросил.

Хомич. Борис.

Мерещун. Вы вечерком зайдите ко мне в кабину, поговорим. Надо вам устраиваться.

Хомич (легко). Очень благодарен. Но я трагедии не делаю. Талантливый человек нигде не пропадет!

Фиксатый (доходяге с котелком). Ты!

Доходяга по-прежнему роется в мусорном ящике.

Ты!

Доходяга роется.

Человек!

Доходяга оборачивается.

Этот в шинели — что за Рокоссовский?

Доходяга с котелком. Новый. Неделя, как приехал.

Фиксатый. Вольняга?

Доходяга с котелком. Какой вольняга! Зэк. (Продолжает копать.)

Фиксатый (глядя на Немова). Зэ-эк? (С угрожающими жестами.)

Немов видит их.

У, фашистская морда, глаза выколю!

Ч м у т а (кричит с той стороны ворот). Зав. производством! Опять фронта работ нету! Опять люди сидят!

НЕМОВ спешит в производственную зону.

З а в . б а н е й (входит слева перед бараком, бьет доходягу ногой). Опять копаешься, зараза?

ДОХОДЯГА падает от удара, ухрамывает.

Товарищи бытовики и господа фашисты! Прожарка готова! Пошли!

Движение, начинают уходит налево с вещами.

Г о н т у а р . Кому мешают мои книги? Книги не запрещены.

К о л о д е й . Ка-ак это книги не запрещены? Кто-о это тебе сказал, что книги не запрещены?..

Разрисованный занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИТЕЙКА

Высокое помещение литейки. Подходит к концу плавка. Большая часть плаца — в гудах обгорелой земли, в ней мало заметны готовые детали. Сизо, курится легкий дым от отливка.

Под потолком гудит труба вентилятора.

Справа в глубине — круглая рыже-железная вагранка, уходящая в прорезь железного потолка; ближе — кирпичная нештукатуренная сушилка с железной дверью в сторону зрителя. На плоской крыше сушилки набросан хлам, проволочная арматура, старые опоки, худые ведра, дырявые валенки. Перед сушилкой — дверь направо.

Еще двери: слева — наружный вход, в центре сзади — в склад

кокса и чугуна (при открытии этой двери видна лестница к верху вагранки).

На низенькой скамеечке у сушилки сидит БРЫЛОВ и непрерывно курит сигарки. На нем синеватый форменный сюртук и затасканная зимняя шапка. Литейщики — огромный лысый ЯХИМЧУК, толстый низенький МУНИЦА, юркий гибкий ЧЕГЕНЕВ и мальчишка ДИМКА работают быстро, слаженно, понимая друг друга без слов. Бегают без суеты. Лопаты, ломы и счищалки как будто разбросаны, но они — на нужных местах, и каждый знает — где. Все в изорванных брезентовых брюках, голы до пояса, на Чегеневе — лихо надетая рваная фуражка. При раскрытии занавеса Яхимчук большим ломом, как пикой, пробивает заткнутую лётку вагранки. Чугун струей огня выливается по жёлобу из вагранки в ковш. Когда ковш полон, Яхимчук другой пикой затыкает лётку. Чегенев снимает счищалкой шлак. Они подхватывают ковш за ручки длинного рогача, несут к опокам. Муница выбивает готовое литье из опок, Димка относит опоки, штабелюет. Вторая из опок, заливаемых после поднятия занавеса, «закипает»: металл выбрызгивает. Муница заслоняет лопатой лицо Яхимчука, Димка — лицо Чегенева. Брылов кричит не слышное при гуле, машет руками, встает, пошатываясь.

В левую дверь, быстро входит ГУРВИЧ, стройный черный, с развевающимся плащом, за ним усталым шагом — НЕМОВ. Металл перестает выбрызгивать, опоку заливают до конца, уносят ковш.

Муница (на опоку). А, проститутка! Закыпила!
Яхимчук (перекрывая гул). Я вам казав, шо шишка сырая!

Муница. Ни, нэ сыра! Ни, нэ сыра!

Яхимчук. Так от чого? от чого?

Муница. То мэні видбомо, от чого.

По знаку Гурвича вентилятор выключают.

Чегенев. Макар, не спорь, сам виноват. Ведь я говорил — еще сутки посушим.

Брылов. Ну, Чегень, ну с кем ты заводишься? Макар и не прав, так прав.

Муница (*запальчиво*). А я вам казав: на ци дѳлги балки мусим вѳпоров бильш давать и воздух!

Гурвич. Так почему не дали? Почему не дали? Что тут, старшего нет? Ты, Брылов, тут что? — для мебели?

Брылов. Я, Арнольд Ефимыч, свою линию веду, я — руководитель.

Гурвич. Ай, ты сегодня норму перехватил, вторые поллитра дербанул.

Брылов. Не на ваши деньги.

Гурвич (*зорко оглядывая плац*). Та-а-ак. Швейную машину опять отлили? Утюгов сколько?

Муница (*с запалом*). А ни жодного! А ни жодного!

Гурвич. Макар! Проверю! Здесь — что? (*Показывает на залитую, но не выбитую опоку.*)

Муница. Ролики.

Гурвич. А здесь?

Муница. Ролики.

Гурвич (*энергично*). А ну-ка выбей! Выбей! (*Немову.*) Слушайте, как вас там, зав. производством! Вы чем в нарядах копаться да по пятам у меня ходить — вот смотрите: литейщиков прикрутить надо, это тѳ халтурщики, заелись, каждую плавку из государственного чугуна налево отливают!

Немов (*сдержанно*). Хорошо, выясню.

Брылов. А ты поймал хоть раз? Хоть раз поймал? Эх, Арнольд Ефимыч! Кабы на твою хитрость да не наша простота!

Муница, осторожно выбив опоки, вытягивает кочерѳжкой из земли еще краснеющие детали: ролики и тонкие плиты.

Брылов. Ну что? Взял?

Гурвич молчит.

Зря литейщиков не хай! Не хай! Тут я смотрю! Я не допущу!

Гурвич. Да, ты смотришь! Месяц пьян, день на ногах. А если не твои литейщики льют, так откуда утюги во всем поселке, в какой дом ни зайди?

Брылов. Чего ж, снабжение улучшается! Может, ОРС завез. Или потребкооперация...

Гурвич. Потребкооперация завезет, жди!

З а к л ю ч е н н ы й (в дверях). Арнольд Ефимыч! Вас к телефону! Из треста.

ГУРВИЧ стремительно уходит, развевая плащом. Яхимчук снова выбивает лётку вагранки. Но чугун течет чуть-чуть и прекращается.

Я х и м ч у к . Э-э, плавка вся. На те опоки не стало. (Выбивает подпорку из-подо дна вагранки.)

Брылов (вслед Гурвичу). Мальчишка! Указывать он мне будет! Моя кляча, куда хочу, туда и пячу. Вишь ты, зав. производством, на литейщиков какая худая слава! Чтоб я, Брылов, позволил ребятам налево лить? Да ни в жисть! Это ж подсудное дело.

Я х и м ч у к . А пойдёмте, зав. производством, я вам покажу, какая тут техника безопасности. Тонны чугуна на высоту пять метров поднимаем ведром, от руки. Кому-то голову пробьёт, это точно. (Уводит Немова в заднюю дверь.)

Брылов (едва они вышли, живо). Макар! Вó Арнольд — волкодав! Вó нюх у него! Точно кинулся! Под землей чует.

Муница (смеется). Ще вин молодый мэнэ схопить! Димка! На стрёму! Чегень!

ДИМКА выбегает в левую дверь, Чегенев с лязгом открывает дверь сушилки, и они с Муницей в том самом месте, где показывал Гурвич, яростно выкапывают из земли второй скрытый слой опок, вытаскивают из них узорчатые детали станка ножной швейной машины, два паровых утюга, несколько простых

и быстро сносят всё на крючках и кочерёжках в сушилку, чернеющую глубиной. Захлопывают ее. По свисту Чегенева возвращается ДИМКА. Он хлопочет около кастрюли, в которой что-то варится у него на отлитой детали. Муница подсаживается к Брылову.

Муница. Ще такой человек нэ родывсь, щоб Макара тутаки в литейке попутать.

Брылов. Машина швейная — хорошая?

Муница. Перший кляс! Макар формував!

Брылов. Сегодня ночью ту, окрашенную, заберут, а эту вы приготовьте к субботе. Сколько ж я вам должен? Сорок, да за три утюга...

Чегенев. Вы, Онуфрич, масла нам купите и крупы.

Брылов. Масло, ребята, сейчас только конопляное. Вы думаете, в поселке как? Тоже сосаловка. В магазинах водка да спички. И спички-то такие, что не горят. Из чего их делают?

Чегенев. Ну, крупы, крупы!

Брылов. Как выбросят, так бабу в очередь пошлю, сделаем... Что это зав. производством ваш — гордо себя ставит?

Димка. На всю дорогу не хватит!

Включает вентилятор. Чегенев моется из бочки в глубине. Из заднего помещения возвращаются НЕМОВ и ЯХИМЧУК, в левую дверь все так же стремительно входит ГУРВИЧ. Собираются у сушилки, но разговор слышен лишь, когда Димка по знаку выключает вентилятор.

Брылов. Бронзу, Арнольд Ефимыч, плавить нам не в чем. Графитовые тигли, какие от английской концессии остались, прохудились, а сварные все текут.

Гурвич. Но выход должен быть? Эскаваторы на резерве стоят, фронтные втулки полопались!

Брылов. А я что вам тигли — рожу́, что ли? Давайте командировку на Урал, толкачом поеду.

Гурвич. Какую тебе командировку? Тебе пять рублей дать нельзя, ты пропьешь.

Брылов. Ну, пишите! Отношения пишите! Пришлют вам тигли на тот год в эту пору...

Немов. Гражданин прораб! Я решительно...

Гурвич (отводя Брылова). Слушай, Брылов, ты же — паразит, понимаешь, гнусный паразит! Ты получаешь полторы тысячи за руководство цехом, ты сверх того две с половиной тысячи отгребашь за литьё — за что?

Брылов. Позавидовала кошка собачьему житью!..

Гурвич. Ты не формуешь, не льешь, всё ребята делают — неужели ты за это время не мог заранее позаботиться? Душа у тебя не болит за производство!

Брылов. У меня не то что душа, Арнольд Ефимыч, — все печёнки уже болят... Вот сон мне давеча нехороший приснился...

Гурвич. Да пошел ты вон со своим сном! Ты...

Немов (приступая). Гражданин прораб! Я решительно обращаю ваше внимание на средневековую технику подъема чугуна. Разбитое ведро, из которого куски чугуна прямо вываливаются, — да вы считаете, что заключенные — это не люди?

Гурвич. Слушайте, вы — не занимайтесь агитацией! Не читайте мне морали! Я здесь на производстве три года...

Немов. Тем хуже!

Гурвич. ...а вы — три дня, и не суйтесь указывать! Вы должны по-мо-гать работать, а вы мешаете! Вы пойдите проверьте строительные бригады, вы поднимитесь на крышу — лежат, сукины дети, не работают! Вот кровное дело! А здесь без вас обойдется.

Немов. На крышу я пойду...

Гурвич. Вот и идите!

Немов. Но и здесь не оставлю! Напишите акт и закроем литейку.

Муница (взрываясь). А нам — шо? З лопатами — траншеи копать? А хто мэні пайку кило двести вы-пишэ?

Чегенев (отзываясь из бочки). Фамилия! Килодвести. Имя-отчество? Два-Дополнительных.

Брылов (Немову). А ты что за птица литейку закрывать?

Гурвич. Черт возьми! Да я до вашего акта напишу записку в лагерь — вас завтра на лесоповал пошлю! Тут экскаваторы стоят, а вы про ведро! Так что будем делать, литейщики?

НЕМОВ растерян дружным отпором. Некоторое время он стоит молча. Потом нерешительно идет к выходу. Передумав, уходит опять в заднюю дверь.

Муница. У нас за Румынию на заводи була пичь для бронзы, робыла на солярке. Сто килограмм за яких два часа плавала.

Гурвич. Ну вот! Ну вот! Значит, можно сделать? Чтоб Макар да не смог! Макар! Сложишь печку?

Муница. Чому не сложить. Складу.

Гурвич. Макар! Премию получишь! Большую премию!

Брылов. Ох, Макар, берешься! За всё берешься. Сколько литейками руковожу, еще никогда такой печи не видел.

Гурвич. Ты — кто? Ты начальник цеха или кто? Ты что у людей инициативу убиваешь? Давай, Макар, а? Макар?

Муница. Ну, добре, складу вам пичку! Складу!

Гурвич. В каком месте поставим? Вон там. (Показывает.)

Входит ГАЙ. Он не высок, но могуч. Он, как и Немов, в военном еще обмундировании, но потертом и попачканном, в брюках галифе и сапогах.

Гай. Арнольд Ефимыч! Растворомешалка-то опять стоит. Не могу ж я...

Гурвич. Как стоит? Почему стоит? (*Устремляется к выходу.*) Давай, Макар, давай! Премия будет!

Гай направляется за Гурвичем, но Чегенев останавливает его свистом. Они выходят вперед.

Чегенёв. С Игорьком — связь.

Гай. Он — в шизо?

Чегенев. Да. В одиночке. Сегодня мой дружок дневалил там и...

Гай. Надо ему хлебца подбросить.

Чегенев. Уже. И бумагу с карандашом, как он просил.

Гай. Мотают? Второй срок?

Чегенев. Мотают.

Гай. Кто его заложил, — ты узнал?

Чегенев. Фельдшер, Ага-Мирза. В больнице из-под подушки что-то у него вытащил — куму отнес.

Гай. И из больницы, туберкулезника — в подвал?!

Чегенев. Еще и Посошков показания дает.

Гай. Сколько сволочей, Гришка! Сколько сволочей!

Чегенев. Не выживет Игорёк. Письмо написал домой. Прощается.

Гай. Жене?

Чегенев. Сестре. Жены еще не было. Отца в тридцать седьмом расстреляли. Мать в лагере умерла... Ну, за горло берут. Что ж делать, Пашка?

Гай. А что мы можем делать? Запоминать...

Чегенев. Сейчас письмо отправлю.

ГАЙ уходит. Чегенев ловко взбирается на сушилку, роется.

Муница (*Яхимчуку*). Як, Николай, складём? Хбдко складём! (*Хлопает себя по ляжкам.*)

Я х и м ч у к . Та то вы темите, вы и кладить. Я нэ хтив, браться. Мэни прэмия нэ потрібна.

Чегенев на сушилке достает запятанный конверт, спрыгивает.

Б р ы л о в . Я не знаю, что ты за человек, Макар? Вот уж говорят: сдуру, как с дубу. Ребята! Ну неужели мы плохо живем? Нормы я вам отхлопотал божеские. Пятнадцать лет я по лагерям работаю, одиннадцать новых литеек поставил и всегда с заключенными хорошо жил. Ну чего вам не хватает? Пайка у вас в лагере первая, каши — две, двести один процент, утюги налево гоним, шмотки казенные загнать на волю? — я никогда заключенным не откажу. Письмо бросить? — давай хоть сейчас.

Чегенев подает конверт, Брылов прячет в карман.

Вы работаете — и мне хватает. Нос помочить.

Ч е г е н е в . Макар в сталинские лауреаты метит.

Б р ы л о в . Не, правда, ребята: на Игарке я литейку ставил, в Тайшете ставил... Ведь как хорошо: нет тиглей — и спросу нет. Пока кокос есть, чугун есть, льем себе помалу, и вам хватает, и мне. Лёжа кнута не добудешь. А поставь ты печь, да пойдя бронза — так Арнольд со спины не слезет: давай да давай! Ведь я-то знаю, ребята! Я-то знаю! На неделю будешь пять раз лить, закружишься — то втулки, то хаюлки, а процента не будет...

Димка устанавливает посреди литейки подставку вроде столика и вокруг нее — опоки, как стулья.

Ч е г е н е в . Какой процент! Заплатят по весу, как за чугун, это ясно. Так балка — полтонны, а втулка — полкило. Попухнем мы, Макар, на твоей печке. Брось.

Б р ы л о в . Да никто такой печи!.. А какие мастера были! Бабушкин был, Царство ему Небесное! Уж теперь таких... В двадцать третьем году меня из литейки выгнал за то, что я под Пасху у старух куличи выби-

вал. Потомственный пролетарий, ничего не боялся. (Закашлялся сильно.) Вот сон мне, ребята, худой приснился...

Я х и м ч у к . А вы, Онуфрич, пойдите поспите, может, хороший увидите.

Б р ы л о в . Пойду, правда. (Поднимается.)

Я х и м ч у к . Так насчет масла, Онуфрич!

Б р ы л о в . Будет! Сказал — будет! У Брылова — святое слово. Спросит меня Арнольд — скажите, в Первое СМУ пошел... Или во Второе...

Я х и м ч у к . Скажу, по профсоюзным делам вызвали.

БРЫЛОВ уходит.

Сегодняшнюю швейную машину, друзья, не обрабатываем, подзадержим. Что-то Брылов с деньгами резину тянет.

Д и м к а . Крупу принес вонялую, наверно — для свиней держал.

Сзади входит НЕМОВ. Он подавлен. Он нерешительно идет в сторону выхода. Димка выносит чугунок на середину.

Я х и м ч у к . Что, зав. производством, вы приуныли?

Н е м о в . Да что-то я, товарищ Яхимчук... (Берется за голову.) Что-то я... Честное слово, на фронте, оказывается... легче.

Д и м к а . Ну, семейство! Каша готова!

Н е м о в . Семейство?

Д и м к а . Это — мой батя, это (на Муницу) — моя мамка, а это (на Чегенева) — братуха. Житуха!

Я х и м ч у к . Садитесь с нами кашки поесть.

Н е м о в . Да нет. Спасибо...

Я х и м ч у к . Чего спасибо? Кто в лагере есть не хочет? (Берет за плечо.) Садитесь, не обидите. Мы себе живем потихоньку, перебиваемся.

Немов по ошибке едва не садится на горячую деталь.

Д и м к а (кричит). Э! Прожжетесь!!

Все садятся, кроме Муницы, разглядывающего место будущей печи.

Я х и м ч у к . Ну, Макар! Сидайте. Желтэнька магара, як мамалыга.

М у н и ц а *(не идет)*. Нибы вы добру мамалыгу колы йилы...

Ч е г е н е в *(Немову)*. Ты — с фронта прямо?

Н е м о в . Да.

Ч е г е н е в . Балалаечник?

Н е м о в . Называют.

Ч е г е н е в . Трень-брень, антисоветская агитация?

Н е м о в . Я так не считал. Посчитали так.

Я х и м ч у к . Ну, Макар, починаем без вас.

М у н и ц а *(идет)*. Як то без мэнэ? Як то без мэнэ?
(Садится.)

Начинают мерно черпать кашу. Немов ест с трудом.

Я х и м ч у к . Вы — ешьте, ешьте! Кто в лагере задумываться начинает, тот срока не доживет.

Н е м о в *(роняя ложку)*. А как тут дожить? Как вообще тут можно — жить?! *(Застывает.)*

Литейщики мерно черпают кашу.

Разрисованный занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

РЯБИНА

Дальний уголок строительной зоны. Слева, чуть наискось, идет строящееся кирпичное здание без следов плотницкой работы в оконных и дверных проемах, — то здание, которое с другой стороны зритель уже видел в 1-й картине. Сейчас оно близко, и что выше трех этажей — уходит в высоту. На втором этаже, из глубины его иногда — мигающие вспышки электросварки. По-

зади сцены — столбы, колючка зоны и предзонника, на повороте забора, на углу — безобразная тесовая вышка с часовым — всё так же, как и с нашей стороны. Еще дальше, сквозь все проволоки, сколько хватает глаза — голая степь, по небу — редкие высокие облака. Где-то далеко работает экскаватор — сюда доносится его характерное повизгивание.

Слева, у самого здания, — большая кучка строймусора, ближе — невысокий штабель горбыля, на котором сидит около десятка женщин нового этапа, уже переодевшихся в грубые рабочие одежды. Справа — штабель бревен, и на них — десятка два мужчин из нового этапа, все — в изнеможенных телоположениях. Посреди — большой предмет, вроде ковша экскаватора, ржавый, обросший травой.

Разогретый октябрьский день после полудня. Солнце светит справа.

Л ю б а (тоскливо поет при раскрытии занавеса).

А через дорогу, за рекой широкой,
Тоже одинокий дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине, к дубу перебраться?
Я б тогда не стала гнуться и качаться.

Ж е н щ и н ы (не поднимаясь, не шевелясь, подхватывают).

Тонкими ветвями я б к нему прижалась
И с его листвою день и ночь шепталась.

Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Видно, сиротине век одной качаться.

О д н а и з ж е н щ и н . Мне почудилось — журавли улетают, а это экскаваторы курлычат.

Д р у г а я ж е н щ и н а . А и нехитрое дело, если журавли. Зима, девоньки, зима, припасайте потеплее.

Ш у р о ч к а (ни к кому). В третий лагерь я приезжаю, и вот этот первый день — самый страшный. Не день, а год... Двигаться — нет сил...

З - я ж е н щ и н а . Вот завезли... Вот завезли...

2 - я ж е н щ и н а . Это еще — не завезли. Где картошка в поле растет — это еще лагерь считается б л и ж н и й . Тут железная дорога близко, сюда — посылки круглый год и на свидания приезжают. Подожди, в Норильск отправят — там навигация полгода, закон.

Г р а н я (Любе, продолжая). Я ведь даже семи классов не кончила, а он об-ра-зо-ван-ный! доцент! И какая-то наука у него — египетские вазы разные, кувшины... У нас и дома много стояло. Такой он был нежный, а я что? — баба рязанская.

Л ю б а . А, брось. Нежных мужчин не бывает. Им только это нужно, больше ничего.

Г р а н я . Не говори, Люба, это тебе попадались такие... Ну, война началась, всё у нас навыворот: мужа не взяли на фронт, а меня по комсомольской линии да по авиахимовской, — я стрелок ужасный. За два года он мне писем написал — тысячу!

Л ю б а . Ты кем же была?

Г р а н я . Снайпером, потом командиром взвода, младшим лейтенантом.

Л ю б а . Фу, так ты на фронте...

Г р а н я . Нет! Именно нет! Поверишь?

Л ю б а . Никогда не поверю!

Г р а н я . Ведь я же понимала, что такого счастья второй раз мне не будет!.. И вдруг соседка пишет, что он связался с какой-то шлюхой опереточной. Меня как обожгло! — да не поверила я! У комдива отпросилась, на самолет, в Москву! Рано-рано, только солнце всходило, прямо вышибла дверь и вошла в комнату. И на м о е й постели он с ней лежит. Я даже подумать не успела, только выхватила ТТ и — трах его на подушке!

Л ю б а . Насмерть?

Г р а н я . Пять минут жил.

Л ю б а . А я бы — ее! ее!

Г р а н я . Нет, именно его, раз понимать не может!.. А сейчас жалею... Плохим-то я его знала, только в то утро...

Люба. Вот я и говорю, что им только это нужно.

Граня. Не может быть! не может быть!

Слева входят: стремительный ГУРВИЧ, развевая плащом; десятник ФОМИН — низенький старик с большими усами; и ХОМИЧ. За ними — НЕМОВ, в шинели.

Гурвич. Фомин! Почему люди сидят? Что, у нас работы нет? Я сказал — дать работу!

Фомин. Какую я им работу?..

Гурвич. Ну, хоть... траншеи копать.

Фомин. Поставил десять человек, больше лопат нет.

Гурвич. Почему ж нет? Странно.

Фомин. Странно было б, если б были! Сейчас черенки насадят — еще пять будет.

Немов (*подавлен, говорит через силу*). Товарищ прораб. Как же мне людей процентовать? Я тогда акт простоя составляю.

Гурвич (*резко*). Ну, и пойдете с ним в уборную, я не подпишу! Мы заявки на дополнительных людей не давали?

Немов. Но люди приехали...

Гурвич. Да какое мне дело? Мы их не просили. Вообще слушайте... Учтите — такие законники, как вы, — долго в лагере не живут!.. Фомин! Вот эту кучу мусора перенести... (*Озирается.*) Вон туда! (*Показывает вглубь, в правый угол.*) Вот этих женщин поставишь.

Фомин. Да носилки все у каменщиков!

Гурвич. Почему запасных нет?

Фомин. А вы мне тёсу расход подписали? Трясетесь над каждой доской.

Гурвич. Бухгалтерия жмет, что я могу сделать? Возьми у каменщиков четверо носилок.

Ф о м и н . А кирпичи чем подносить?

Гурвич отмахивается. ФОМИЧ, ГРАНЯ и еще две ЖЕНЩИНЫ уходят.

Г у р в и ч . Мужской бригады кто старший — вы?

Х о м и ч . Инженер Хомич.

Г у р в и ч . Вы инженер?

Х о м и ч . Строитель.

Г у р в и ч . Это хорошо. Впрочем, у меня инженеры тоже землю копают, что поделаешь. Даже академик тут один был. Заболел.

Н е м о в . Я слышал — умер.

Г у р в и ч . Не знаю, не знаю. Забирайте своих мужчин и вон туда (*показывает налево*) идите. Найдем сейчас работу, найдем расставим.

Х о м и ч (*резко командно*). Ар-тисты!! Кон-чай Ташкент! Пошли вкалывать!

Мужчины тяжело поднимаются.

Г о л о с а . Три дня должны в карантине держать!
— Не должны на работу гнать!

Уходят все МУЖЧИНЫ и НЕМОВ.

Г у р в и ч (*описал круг около ковша, всё зорко оглядывая*). Алё! Девушка! Подойдите!

Люба подходит.

Вы из нового этапа?

Л ю б а . Сегодня привезли.

Г у р в и ч . У вас как... ноги... хорошие?

Л ю б а . А... в каком смысле?

Г у р в и ч . Мне нужна посыльная в контору. Будете бегать по всем этажам, по всему двору. Кабинет мне уберёте. Обед сготовите. Я в перерыв не успеваю домой. Сумеете?

Л ю б а . Я — всё умею!

Г у р в и ч . Вы мне нравитесь. Пошли сразу, в курс дела введу.

Слева быстро входят ЧМУТА и ФОМИН.

Ч м у т а (*кричит*). Я по новой штукатурить не буду! За два раза оштукатурили с перетиркой!..

Ф о м и н . Ну, не загибай, Чмута, — без перетирки.

Ч м у т а (*громче*). Как без перетирки?! Давайте комиссию по качеству!!

Г у р в и ч . Да что случилось? Замолчи ты, Чмута!

Ч м у т а (*еще громче*). Никогда я не замолчу!! Я — горой за работягу! (*Тихо, спокойно.*) Дай закурить, десятник.

Ф о м и н (*дает*). Что прораб по электромонтажным смотрит? Скрытой проводки не сделали в срок, теперь электрики пришли и в штукатурке канавки рубят для проводки, панели дверные поцарапали, а они окрашены...

Ч м у т а (*опять горячась*). ...за два раза!

Ф о м и н (*отмахиваясь*). ...за один раз!

Ч м у т а (*кричит*). Всю дорогу бардак! Еще сантехники придут батареи переставлять, шлямбурами стенку долбать, точно!!

Г у р в и ч (*Любе*). Ищите, ищите Кузнецова!

Л ю б а (*мгновенно входя в роль, громко кричит, убегая*). Кузнецо-ов! Кузнецо-ов!!

Г у р в и ч . Разболтай! Халтурщики! Пьяницы!

Стремительно уходит, за ним ФОМИН.

4 - я ж е н щ и н а (*вскочив проворно*). Бригадир! Дай докурить!

ЧМУТА еще затягивается, отдает, шлепает ее, уходит.

Ш у р о ч к а . Спаси нас, Боже, от такого бригадира! «Горой за работягу» — а сегодня, видели? — свалил работягу и ногами бил.

2 - я ж е н щ и н а . А почему, думаешь, бригадиры по пятнадцать лет в лагерях выживают? На нас они и выживают.

1 - я ж е н щ и н а . Вот Любке повезло! И — филонить, и будет чего пожрать.

4 - я ж е н щ и н а . Повезло! Чего ж тебе не повезло?

3 - я ж е н щ и н а . С ее жизнью — еще год-два, на нее уж и смотреть не будут.

4 - я ж е н щ и н а . А ей два и осталось: зима-лето, зима-лето.

3 - я ж е н щ и н а . Ну, а на волю выйдет?

1 - я ж е н щ и н а . Катенька! До воли дожить надо.

4 - я ж е н щ и н а . Она и на воле не пропадет. Это всегда так. Как после войны мужиков ни мало, у одной всегда будет в ó (*показывает по горлу*), у другой — ни одного.

Возвращаются ГРАНЯ с двумя ЖЕНЩИНАМИ, неся трое носилок, лопаты, деревянную и совковую.

Г р а н я . Ну, девчата, день — до вечера, давайте ковыряться. Шесть носят, двое нагружают... А кого нет?

3 - я ж е н щ и н а . Любку прораб в контору забрал.

Г р а н я . Чего делать?

2 - я ж е н щ и н а . Не понимаешь?..

Женщины разбираются и начинают носить мусор помалу, похоронно-медленными движениями, подолгу останавливаясь у мест загрузки и разгрузки. Сперва еще слышны разговоры.

О д н а и з ж е н щ и н . Ну что этой лопатой делать, что? Она в кучу не лезет.

Г р а н я (*садясь у ковша*). Да как-нибудь, черт с ней, меняться будете. Уголком цепляй.

1 - я ж е н щ и н а . Девчата! Неужели ужинать не дадут?

Ш у р о ч к а . Конечно, нет. Ты слышала, ОХРА сказала, что столыпинский конвой оформил нам, будто мы удовлетворены по сегодня.

1 - я ж е н щ и н а . Но как это можно? Мы ж не получали!

2 - я ж е н щ и н а . Посидишь — узнаешь.

4 - я ж е н щ и н а . В лагере — всё можно!

3 - я ж е н щ и н а . Подавились бы они этим селедочным хвостом, гады!

Входит ХОМИЧ, идет к задумавшейся Гране, садится неподалеку от нее.

Х о м и ч . Ну, Граня, как тебе лагерёк?

Граня молчит.

Доходиловка подходящая. Хотя, как говорится, если работяга в ложке нуждается — это еще лагерь хороший. Доходиловка — когда миску пьют через бортик.

Граня молчит.

Попухли мы на этом этапе. Всё производство обошел — ничего не могу выдумать. Придется там, в зоне, комбинировать. Уже врач у меня на крючке.

Г р а н я . Зачем ты мне это всё говоришь?

Х о м и ч . А кому мне говорить? (Пауза.) Четыре года я в лагерях сижу — дня н а о б щ и х не работал и не буду! По трупам пройду — но устроюсь.

Г р а н я . Я знаю.

Х о м и ч . Ты таким тоном, будто меня упрекаешь. На твоей совести, наверно, побольше.

Г р а н я . Может, и больше. Но как-то н-не так. Я не могу объяснить, но н-не так...

Х о м и ч . Да то же самое! Война ваша проклятая!

Подлый предрассудок! Десятки людей ты подстрелила — тебе за это ордена на грудь, и ты фасонишься. А первого лично хлопнула — тебе десять лет. *(Не давая возразить, горячо.)* Оставь эту дурацкую честность! Еще никто честный срока не досидел. Ты — первый год, ты еще не поняла. Сегодня же вечером я начну действовать. Я сделаю всё — для своих!

Г р а н я . Делай — для одного...

Х о м и ч . Я выставлю тебе лагерь так — ты не заметишь, что здесь проволока! Тебе еще десять лет сидеть, Граня, подумай! Ты на воле б только рот разинула, когда б я мимо тебя на машине пронесся. Я инженер, я талантливый человек, я концентрированная энергия, блестящий собеседник, ты не понимаешь этого, — кем бы я был, если бы не сел!

Г р а н я . На что мне твой ум? На что мне твой ум?

Х о м и ч . Ты фронт забудь! И волю забудь! Здесь — свои законы жизни. Здесь — ГУЛАГ, незримая страна, которой нет в географиях, психологиях и историях, та знаменитая страна, в которой девяносто девять плачут — один смеется!! Я предпочитаю — смеяться!

Г р а н я . А мне — не смешно.

Х о м и ч *(глядя ее руки)*. Мне будет жаль тебя упустить. Но — обойдусь. А ты? Ты пока бригадиршей была, ты еще не отведала общих работ! Ты скоро-скоро потеряешь эту гордость, этот румянец и за пятьсот грамм слипшегося хлеба ляжешь в постель к такому ничтожеству... Граня!

Г р а н я *(отнимая руку)*. Ладно. Сдохну под сосной. Я запуталась. Я сама не могу понять... Уйди, пожалуйста... Уйди!

ХОМИЧ подымается, некоторое время стоит, потом медленно уходит. Граня опускает голову на руки. Женщины похоронно-медленно носят носилки с мусором.

Разрисованный занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЧ

Маленькая голая комната в здании барачной постройки. Единственное окно — в задней стене, на нем — марлевая занавеска. Справа — дверь из свежей, неокрашенной фанеры. Один стол — наискось, в левом углу (на стене — дощечка: «Зав. производством»), другой — у задней стены (дощечка: «Нарядчик»). Две три табуретки да нелепая скамейка посреди комнаты, на дороге.

Электрический свет. За окном темно.

Сидят: за левым столом — НЕМОВ в шерстяной гимнастерке, ПРИЕЗЖИЙ НАДЗИРАТЕЛЬ, старик в истертой шинели с голубыми погонами и лычками сержанта; за правым столом — нарядчик КОСТЯ, тоже в новой офицерской гимнастерке с широким офицерским ремнем. Он не выпускает изо рта папиросы и похож на Маяковского.

Надзиратель. Ну, поищи, поищи! С малыми сроками. Понимаешь... Не положено тебе об этом говорить, да вы и сами всё знаете... Командировка у нас, лесная, глушь, охрана слабая, всё инвалиды вроде меня, демобилизации не дождемся... Десятилетников я не могу брать.

Немов (*раздраженно*). Откуда я вам, сержант, наберусь малосрочников? Я виноват, что трибуналы меньше десяти не дают? Ну вот, пожалуйста, восемь лет. Берёте? (*Просматривает список*.)

Надзиратель. Восемь? Ладно, давай.

Немов (*записывает*). Калашникова Акулина Демьяновна.

Надзиратель. Специальность какая?

Немов. Никакая. Домохозяйка. Лес валить — какая специальность!

Надзиратель (*вздыхает*). Старуха, наверно.

Немов. Тысяча девятисотого года, сорок пять лет. (*Пишет*.) Статья... пятьдесят восемь-восемь...

Надзиратель (*живо*). Чего-чего? Террор?

Немов. Террор. Да через девятнадцатую — намеревалась только... Наверно, на базаре чего сболтнула.

Надзиратель (*пальцем не дает Немову писать*). Не-не, террору не могу. Вычеркивай.

Немов. Ну, сержант, я тоже так не могу. Мне надо сейчас ночью весь новый этап по бригадам разбить, в продстол — разнарядку, утром — на работу. Когда мне с вами возиться? Выбирайте сами! (*Сует ему список.*)

Надзиратель. Слушай, я без очков не вижу. И вообще неграмотный. Ну, я тогда с нарядчиком...

Немов. И нарядчик занят, не трогайте.

Надзиратель. Да, вот еще что! Ты мне парикмахера обязательно дай. Был у нас хороший парикмахер, грузин, дезертир, дай Бог ему здоровья, ну — по амнистии освободился. Теперь третий месяц лохматые все ходим — и зэки, и охрана.

Костя. Парикмахера? Подожди-ка. (*Подходит, берет список.*) Вот что, старина, ты уваливай на вахту, тут сейчас с работы придут, шум, бригадиры, я к тебе на вахту приду — за полчаса отберем. Лапа будет? Две пачки «Беломору».

Надзиратель. «Прибоя».

Костя. За шестьдесят работяг — две пачки «Прибоя»?

Надзиратель. А парикмахер будет?

Костя. Еще «Катюши» пачку прибавишь. Не темни! Из посылок берешь.

Надзиратель. Ну, лады, только приходи побыстрей, машины вот-вот... (*Уходит.*)

Немов. Костя! Тут и так работы с новым этапом, на хрена ты связался?

Костя. Вот ты еще... о л е н ь ! Ты еще ничего не понимаешь. Я ему доходяг спихну, и из нового этапа, и из своих. Зима подойдет — все в санчасть, к о с и т ь ,

дрыном не отгонишь. Я знаю! Пусть едут. (*Хлопает в ладоши.*) Ангел!

В дверях появляется АНГЕЛ — молодой однорукий
дневальный.

Немов. За что его Ангелом зовут?

К о с т я . А он по лагерю летает и рукавом пустым махает, как крылом. Ангел! Из нового этапа вызови ты мне... (*Смотрит в список.*) Негневицкую. Любка зовут. На цырлах!

А н г е л . Есть Негневицкую Любку на цырлах!
(*Убегает.*)

К о с т я . Вот она — парикмахер. Я пошел. (*Из дверей, подмигивая.*) Курить — будем!

Соткнувшись с ним в дверях, входит бухгалтер БЕЛОБОТНИКОВ, хромой старик в валенках. Еще не прикрыв за собой двери, он громко говорит.

Б е л о б о т н и к о в . Тут строёвку подписать, Родион Павлыч! (*Закрыв дверь, хромает к столу. Оглядываясь, тихо.*) Против вас заговор, Родион Павлыч! Соломон, Титок, потом Рубен-кладовщик, Посошков-комендант и этот... Ка-Вэ-Че. Я инвалид, меня не об щ и е не погонят, только сердце горит, Родион Павлыч! В бухгалтерии сижу — всё слышу. Начальника лагеря ждут, чтоб на вас н а к а п а т ь . Книгу приказов у Соломона отберите, отберите книгу приказов! И нарядчику не доверяйте, он и нашим и вашим. Аморальный человек!

Немов (*оживляясь*). Спасибо, папаша! Я их — накаточкой! гусеницами! по-танкистски!

Б е л о б о т н и к о в . Но — осторожней. Они и срок пришить мастера. В нашем лагере вторые срока клепают — у-у!

Немов угасает.

Входит пышная БЭЛЛА, восточной наружности.

Б э л л а . Вы разрешите?

БЕЛОБОТНИКОВ ухрамывает.

Будем знакомы. *(Протягивает руку.)*

Немов пожимает.

Бэлла. *(Плавно садится.)*

Немов *(над бумагами, нервно.)* Быстренько, — что?

Б э л л а *(ничуть не торопясь)*. Вы не представляете, как приятно видеть за этим столом не какого-нибудь лагерного хама, а образованного интеллигентного человека. Все лучшие люди нашего лагеря просто вострепнулись при вашем назначении.

Немов. Какой я интеллигент! Четыре года — солдат, теперь — арестант.

Б э л л а . Ах, оставьте, ведь я же вижу человека! Я сама из хорошей семьи.

Немов. Очень прошу вас, ближе к...

Б э л л а . Вам на первых порах необходимо поставить на все ключевые посты с в о и х людей. Без этого у вас не будет реальной силы. В частности, речь идет о хлеборезке. Я раньше уже там работала. Меня сняли на общие работы по нелепому обвинению, будто я недовешиваю пайки. Вы можете полностью на меня рассчитывать. Если я буду работать в хлеборезке, то минимум три килограмма в день всегда ваши.

Немов. Слушайте, мне лично...

Б э л л а . Не вам, не вам лично! Конечно, вы не станете кушать черного хлеба! Но — продать, но поменять на водку, но кого-то, так сказать, премировать — ведь вам же надо будет расплачиваться с преданными вам людьми. А как же? Вы еще молодой лагерник, вы поймете это потом.

Немов. Простите, вы — по какой статье?

Б э л л а . Какое это имеет значение? По сто седьмой.

Немов. Спекуляция?

Бэлла. Боже мой, какая спекуляция! Пенициллин, патефонные иголки. Очень выгодно, чистенько. (Кладет на стол Немова что-то в бумажке.)

Немов. А это что?

Бэлла. Это так.. вам... На начало жизни. П о л - к у с к а .

Немов (не разворачивая). Какого куска?

Бэлла. Боже мой, ну, кусок — значит ты - с я ч а .

Немов. Ни в коем случае! Ни в коем случае! Возьмите сию минуту! (Силой отдает.)

Стук.

Да-да!

Робко входят 1-я и 2-я СТУДЕНТКИ, еще прилично одетые.

Обе. Разрешите, товарищ начальник?

1-я. У нас к вам большая просьба...

2-я. Нас только сегодня привезли...

1-я. И уже ходят слухи, что отправят дальше.

Немов. Да, отправят.

1-я. У нас очень большая просьба — оставьте нас здесь!

2-я. И главное — не разлучайте!

БЭЛЛА уходит с достоинством.

Немов. Статья?

2-я. Пятьдесят восьмая, конечно.

Немов. Пятьдесят восьмая? Хорошо, оставлю. Вы — кто, девочки, будете?

1-я. Студентки.

Немов. Какого института?

1-я. Высшего Историко-Философско-Литературного, потом влился...

Немов. Ах, МИФЛИ! Запорожская сечь свободной мысли?! Германа Никитича Медноборова знали?

1-я. Ой, как же! Он у нас читал.

2 - я . Какая встреча! А вы..?

1 - я . Среди студентов после войны такие аресты! Немов . Ты-ш! Вы не думайте, что здесь — можно говорить свободно. У вас — по десятке?

Обе *(вместе)*. Нет, по пять лет!

Немов . Так тем более берегитесь! Лагерный срок навесят — не оглянетесь.

Люба *(быстро входит)*. Вы меня звали?

Немов . Фамилия?

Люба . Негневицкая.

Немов . Звал. Ну, хорошо, девочки, мы еще поговорим.

1 - я и 2 - я студентки *(вместе)*. Большое, большое спасибо! *(Уходят.)*

Немов . Вы... *(Потерял мысль.)*

Люба . Я...

Немов . Парикмахер?

Люба . Часовой мастер.

Немов . Как так? А в списках... *(Роется.)* Да, черт, списки забрали. А в списке написано, что вы — парикмахер?

Люба *(пытливо, стараясь угадать)*. Я... и парикмахер.

Немов . Ай да молодец! На все руки?

Люба . Но здесь, я слышала, парикмахер есть?..

Немов . Не здесь, на лесную подкомандировку.

Люба *(живо)*. Так я не парикмахер, я — театральный, парики делаю.

Немов . Театральный? Да вы сами-то кто? Негневицкая. Вы полька, что ли?

Люба . Нет, почти русская. Только прадед мой был польский ссыльный в Сибирь, за восстание. Нет, не посылайте меня, пожалуйста!

Немов . Милая, да я бы никого не посылаю, всех жалко, но кого-то надо?

Чмута *(врываясь и ведя за собой доходного работягу)*. Слушай, начальник производства!! Что за по-

рядки?! Надоело это гадство! Падлы сидят, задницы греют!

Немов. Тихо, тихо, в чем дело?

Чмута (*всё так же кричит*). Ботинки привезли, зажимают в каптерке! Вó работяги ходят, вó, покажи!

Работяга поднимает по очереди ноги и хлюпает почти нацело оторванными подошвами чуней. ЛЮБА тем временем скрывается.

Сволочь бухгалтерская! Счёты ему об морду избобью! Для придурков ботинки з а н а ч и л и ! И ты — с ними, зав. производством?

Немов (*повелительно*). Сядь, Чмута! (*Хлопает в ладоши.*) Ангел!

ДНЕВАЛЬНЫЙ в дверях.

Старшего бухгалтера — быстро ко мне!

АНГЕЛ исчезает. Чмута садится.

Сколько ботинок получили, точно знаешь?

Чмута (*уже не кричит*). Пятнадцать пар.

Дверь приоткрывается и колеблется.

К р и к и . Очередь! Куда без очереди?

Хомич. Ти-ха! (*Закрывает за собой дверь, развязно входит.*) Что ж у вас кабинет такой скромный, зав. производством? Свои строители, отделали б шик-блеск-траля-ля! (*Садится.*) Знакомиться пришел. Угощайтесь, — «Казбек».

Немов берет, закуривает.

Хомич, не вставая, издали едва протягивает коробку в сторону Чмуты.

Кури, бригадир.

Чмута (*не шевельнувшись*). Иван, подай папиросу.

Работяга подходит к Хомичу, берет одну папиросу и несет своему бригадиру.

А н г е л (*входит*). Товарищ начальник! Старший бухгалтер занят.

Н е м о в (*переклоняясь вперед, гневно-командно*). Я сказал — в ы з в а т ь старшего бухгалтера!!

АНГЕЛ исчезает.

Х о м и ч . И давно вы в лагере?

Н е м о в . В этом — пятый день. А вы?

Х о м и ч . Вообще — пятый год. А вы?

Н е м о в . Этим летом осужден.

Х о м и ч . Были в плену?

Н е м о в . Нет, с фронта... А вы?

Х о м и ч . Хуже фронта. В наркомате работал. Москва, сорок первый, бомбежки, кошмар. И — в каком звании?

Н е м о в . Капитан. И — по какой статье?

Х о м и ч . Семь восьмых. Машина сахара.

Н е м о в . Броню имели?

Х о м и ч . Да, бронь. Понимаете, такой интересный номер: жену сослали в Нарымский край, а я остался в Москве. Если к ней поеду — бронь ломается, возьмут на фронт, все равно не вместе. Так и не поехал.

Н е м о в . Она что же? — по пятьдесят восьмой?

Х о м и ч . Собственно, семь-тридцать пять, социально-опасный элемент. Она — дочь служащего с КВЖД, воспитывалась за границей. Меня НКВД предупредило: молодой человек! вы ее очень любите? У вас биография кристальная, не советуем жениться. Надо было послушаться, но знаете, что делает с джентльменом хорошенькая женщина! Теперь она там с ребенком, ребенка порвали эскимосские собаки, кругом тундра, врачей нет...

Ч м у т а (*вновь повышая голос*). Слушай, зав. производством! Ты у себя хозяин или нет?

Немов порывается выбежать, но тут же входит с большим достоинством СОЛОМОН. Он в новенькой хлопчатобумажной спецовке, по-лагерному франтовской.

Соломон. Что случилось? Земля перевернулась?

Немов. Во-первых, случилось то, что если вы хотите остаться старшим бухгалтером, то надо являться на вызов. Во-вторых, сколько пар ботинок вы получили и почему не доложили?

Соломон (очень медленно). Мы их еще не заприходовали.

Чмута. Соломон Давыдыч, не раскидай чернуху! Зав. баней одел — раз, зубтехник одел — два.

Немов. Сколько пар вы получили?

Соломон. Двенадцать.

Немов (резко). Пятнадцать! Я с вами не в бирюльки играю. Розданные пары немедленно с придурков снять! Через десять минут получите от меня разнарядку, раздадите по ней.

Соломон. Вы не имеете права так действовать. Вы отрываете от людей!

Чмута. От придурков, а не от людей!

Соломон. То пайки дополнительные сняли с бухгалтерии, то — пятнадцать пар на пятьсот человек! Капля в море! Начальник лагеря сам будет распределять, когда приедет.

Немов. Начальник лагеря оставил своим заместителем — меня!

Соломон (сдержанно). Товарищ Немов. Но вы же не глупый человек! На зав. баней они не порвутся, а на работяге в три дня порвутся.

Чмута (кричит). Для того и ботинки, чтоб их рвать!

Соломон (указывая на обувь работяги). Вот так рвать, как ты порвал? Когда сюда шел — сам порвал?

Ч м у т а (*остывая*). Не будь слишком умный, Соломон Давыдыч.

С о л о м о н (*Немову*). Зима еще не наступила. Когда снег — тогда и ботинки.

Н е м о в . Когда работяги уже простудятся? Восемнадцатое октября. Не лето. У меня всё.

С о л о м о н (*спокойно*). За это самоуправство вы будете отвечать перед начальником лагеря! Люди тут годами живут, а вы — неделю и все переворачиваете.

Н е м о в (*кричит*). Да я вас завтра же выгоню на о б щ и е !

С о л о м о н (*невозмутимо Хомичу*). У вас — «Казбек»?

Х о м и ч (*поднимаясь и предлагая*). Да, да, пожалуйста, Соломон Давыдыч.

СОЛОМОН закуривает и степенно уходит.

Соломон Давыдыч, один вопросик! (*Нагоняя, уходит за ним.*)

Н е м о в (*некоторое время смотрит им вслед. Потом отрывает бумажку, пишет*). Тебе, Чмута, — две пары.

Входит степенный крупный ЯХИМЧУК, сверкая лысиной.

Ч м у т а (*враждебно*). Зав. производством!..

Н е м о в . А блатных возьмешь в бригаду?

Ч м у т а . На хрена мне твои блатные? Своих кормить нечем.

Н е м о в . Ботинок две пары. Всё. Можешь идти.

Ч м у т а . Смотри, круто гнёшь, обломишься! Пошли, Иван. Две пары! На тридцать пять человек! (*Уходит с работягой.*)

Н е м о в . Яхимчук! Ты — старый лагерный волк. Скажи, значит, все годы, что мы воевали, защищали, — а здесь было так?

Я х и м ч у к (*сидит*). Хуже было гораздо. Вместо хлеба зерно выдавали. Смешаешь со снегом — вот и

суп. На разводе читали списки, кто расстрелян вчера. Сейчас — курорт.

Пауза.

Немов. Хоть одного блатаря — возьмите.

Яхимчук. Сколько лагеря стоят — никогда блатари не работали. Бригадиров, нарядчиков — убивали...

Немов. Сегодня обещали и мне...

Яхимчук. Им — всё можно. Блатных Сталин любит. Они — «социально-близкие».

Немов. Да, почему — «социально-близкие»?

Яхимчук. Так по УРЧу пишутся. Мы — социально-чуждые, значит, они — социально-близкие. Так с двадцатых годов.

Немов *(в волнении)*. Великолепно получается! Кто убежал с фронта, дезертир — теперь по сталинской амнистии прощен! Кто не бежал, а дрался и в плен попал — враг. Я на фронте фашистов четыре года бил — значит, я здесь — фашист! А кто в тылу воровал и убивал — тот «социально-близкий»! А? То-то и литература наша так блатных любит, всегда они благородные, всегда перековываются. *(Отмечает.)* Ботинок вам одна пара. Бригада мала.

Яхимчук. Родион Павлыч, вы не смотрите, что Чмута — на горло, а я тихий. То главное — горят ботинки, горят. Чугун жидкий летит — прожигает, на деталь горячую станет — подошва горит. Процент у нас двести, стахановцы. На литейку и кузню — четыре пары дайте.

Немов. Да что вы? — четыре! Чмуте дал две! Две и вам, ладно. *(Записывает.)*

Яхимчук. Добрó, не пожалеете. *(Идет к двери, потом возвращается.)* В общем, так: сидите здесь — хорошо, погорите — возьму в литейку, ничего не бойтесь.

Немов. Спасибо, Николай... Захарович. Пока — сижу.

ЯХИМЧУК уходит. Немов один.

Пока... Что с моей головой? Я в каком-то злом сне... Зачем я полез в начальники? Я думал, это как в армии: офицер! приказ... — хо-го!.. Какой-то гадливый ужас — чтобы только самому не попасть на общие. Об щ и е — это смерть! (Пауза.) Но начальником здесь быть — еще хуже смерти...

Несколько раз в дверь стучат. Наконец, Немов слышит.

Да!

Входит ШУРОЧКА. Она в модной шляпке, цветном пальто.

Ш у р о ч к а. Разрешите? Здравствуйте. Простите, что я вас беспокою...

Немов. Да. Что вам? Остаться?

Ш у р о ч к а. Как! А еще будут увозить?

Немов. Конечно. Куда нам столько.

Ш у р о ч к а. Тогда — остаться! остаться! И так завезли!.. Я всю жизнь прожила в Москве.

Немов. Какая статья?

Ш у р о ч к а. Об щ е д о с т у п н а я, какая!

Немов. И вы занимались политикой!

Ш у р о ч к а. Что вы, что вы! — я театралка! я поклонница всего изящного! Просто слышала разговор и не донесла... Как мне устроиться на какую-нибудь... канцелярскую работу?

Немов. Нич-чего нет.

Ш у р о ч к а. Я работала секретарем. Немножко машинисткой. Немножко бухгалтером. Меня зовут Шурочка.

Немов (кивая). Я представляю... Вы на премьерах выбегали к рампе и, надев сумочку на локоть, кричали «браво» Остужеву. Этот билет, обязательно на премьеру, вы на долгие сбережения покупали у пере-

купщиков, да? Увы, я сам тут без году неделя и ничего не могу вам... зайдите в КВЧ, в бухгалтерию. Может быть, сумеете понравиться.

Шурочка. Понравиться? Вы хотите сказать...

Немов (печально). Я не это хотел сказать. Но получается...

Шурочка (с порывом). Скажите! Почему в лагере люди становятся такими ужасными?! Неужели они и на воле были такими, только скрывались?..

Входит ПРИЕЗЖИЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Надзиратель. Ну, слушай, зав. производством! Парикмахера нашел?

Немов. Парикмахерша, только театральная.

Надзиратель. Баба? Вот эта?

ШУРОЧКА вспыхивает и уходит.

Ничего, лишь бы ножницы из рук не вываливались.

Немов. Где ж она есть? (Хлопает.) Ангел!

АНГЕЛ в дверях.

Вот эту первую девушку, что ты звал, резвую такую, — давай её сюда!

АНГЕЛ исчезает.

Ну, подобрали этап?

В дверь стук. Входят 1-я и 2-я СТУДЕНТКИ.

Надзиратель. Подобрали. Кота в мешке купил, не знаю, кого. Оглядеть некогда, уж машины на вахте.

1-я студентка. Товарищ начальник!

2-я студентка. Простите нас!

Немов. Что такое?

1-я студентка. Мы хотели бы уехать. Говорят, этап хороший.

Надзиратель. Это мой этап? Конечно, хороший. В лесу. Летом смолой пахнет. Как на даче.

Немов. Но сейчас к зиме.

Надзиратель. И зимой хорошо: конвою не хватает, на работу зэков не выводим, ле-е-жат себе на нарах. Пиши их, пиши! (Сует Немову список.)

Немов. Жалеть будете, девочки!

Обе. Не будем, не будем, пишите!

Немов вписывает.

Надзиратель. За вещами и — на вахту, быстро!

СТУДЕНТКИ с возгласами убегают.

Вот дурочки! — болота, комары, лесоповал — на что они годятся? Ну, может, какая лейтенанту понравится, он у нас на баб разбойник. Баб нет у нас, мужики одни, тоже-ть изголодались. И парикмахершу возьму. Вот радость будет!

Входит ЛЮБА.

Немов. Ну, куда ж вы убежали? Тут и так голова затуркана. (Надзирателю.) Вот она!

Люба. Да, но я не знаю, гожусь ли я?

Надзиратель. Годишься-годишься. Такая девка-коза!

Люба подходит ближе и протягивает руки. Ее пальцы — в черных волдырях.

Немов. Что у вас с руками?

Люба. Не знаю, не говорят. Лечат. Может, заразное...

Надзиратель. А может, пройдет?

Люба. Да уж больше года мучаюсь.

Надзиратель. Ай, беда, такая девка славная... Как же нам?.. Еще чуток волосы отпустим — шерсть валять будем, валенки катать. Ну, иди, что ж. У нас там и санчасти нет.

ЛЮБА уходит.

Немов. Как же без санчасти?

Надзиратель. А ничего, обходимся. У нас без врача как-то не болеют. Жив-жив, потом — смотришь — умер. Без хлопот. (*Уходит.*)

Входит ГАЙ. Немов подымается и здоровается с ним за руку.

Гай садится.

Немов. Павел Тарасович! Четверо блатных. Куда девать?

Гай. Четверо — много. А двоих давай, что ж делать.

Немов. Работать — не хотят.

Гай. У меня — будут.

Немов (*записывая*). Геройский ты парень, Павел Тарасович. Ты кем был на фронте?

Гай. Спроси — кем не был. Наводчиком зенитки был. В штрафной был. Командиром взвода сорокапятков был. Своими руками двух мессершмиттов сбил.

Звон отбоя во дворе.

Немов. Ах, и поговорить некогда, разобраться...

Гай. У меня — бурлит всё! Сидел я во фронтовой контрразведке СМЕРШ — орлы были в камере, ну просто орлы! Когда нам рассказывали про лагеря, мы думали — это пятьдесят восьмая стала такая затруханная, рахитики, мы поедем — всё повернем. А приехали сюда — как топор в тесто влип.

Немов. Что же нам делать? Как это всё понимать?..

Костя (*в дверях*). Р-разойдись, приема нет! Атбой был! Зав. производством занят.

Слышен ропот голосов.

Ангел! Никого не пускать! (*Входит.*) Ну, порядочек, отравили, спихнул фитилей десятка два.

Немов. Двух блатных Гаю отдаю.

Гай прощается с обоими за руку.

К о с т я . Как закон!

ГАЙ уходит. Костя кладет перед Немовым пачку папирос.

Твой «Беломор». (Хлопает.) Ангел!

АНГЕЛ появляется.

Беги на кухню, чтобы быстро котлетки или мясо поджарили, на двоих.

Н е м о в . Стой, стой, Костя! Это — для нас?

К о с т я . Ну, а для кого же?

Н е м о в . Иди, Ангел, не надо.

АНГЕЛ уходит недовольный.

Костя! Парень ты — симпатичный, но — никогда и ни в коем случае!

К о с т я . Ты — тот еще керя! Фраер зеленый! Как же ты жить будешь в лагере? Баланду лопать?

Н е м о в . Как все — так и я.

К о с т я . Ну и подохнешь через неделю.

Н е м о в . Люди ж не дохнут...

К о с т я . Дохнут! Еще как дохнут! Или в центральную больницу или в братскую яму сразу. Я строевки пишу, знаю. Нет уж, попал на это место — так слушай меня. Иначе на о б щ и е слетишь в момент.

Н е м о в . Нет, ну их к черту, о б щ и е !

К о с т я . То-то. (Достает из кармана пол-литра и, спиной к двери, наливает в глиняную кружку.) Тут я принес по десять капель на зуб, пей! Чем теперь закусывать будем?

Н е м о в . Ну что за человек? Откуда? (Пьет.) В лагере ж она запрещена...

К о с т я . Тут-то ее и пьют, тюря! (Выпивает остатальное, прячет в свой стол пустую бутылку.) О! Салашматочек! Я и забыл. Закусывай. (Режет.) Это один литовец принес за то, что я его в другую бригаду перевел.

Немов. И ведь ты скажи, на фронте у меня бочка его была, трофейного спирта, ребятам я каждый день выдавал — сам не пил. А здесь приятно.

Костя. Вообще ты — тяжелый тип.

Немов. Слушай, когда ж мы новый этап по бригадам разобьем?

Костя. Успеем, ночь большая.

Немов (*хмелея*). Я блатарей двух Гаю отдал... Или говорил?.. Костя! Ты прости меня... А ты сам немножко не из блатных?

Костя. А что? Похож?

Немов. Да есть чуть-чуть.

Костя. Я — сука.

Немов. Как-как?

Костя. Сука, говорю, сука.

Немов. Это что ж значит?

Костя. А это значит — от блатных откололись, ссучились, нарядчиками работают, бригадирами, комендантами, то есть начальству помогают, — а блатным не положено. Живем так: трое сук, один блатной — зарежем; трое блатных, один сука — зарежут.

Немов. Ну, а я по-лагерному — кто?

Костя. Ты? Я ж тебе говорю — олень. Сидор Поликарпович, вот ты кто. Как человека я тебя не одобряю. Но рубишь ты их правильно, за это я тебя полюбил. Тут придурки — кубло, вó кубло. (*Показывает переплетение.*) И я тоже из того кубла, учти. Только мы с Рубеном-кладовщиком бабы не поделили. Так или я его на лесоповал, или он меня на лесоповал. Поэтому я с тобой могу. Могу вместе. Учти, я надежный парень, выручка в бою, порядок морской. Сейчас нам — что?

Немов (*совсем опьянев*). Да, — что?

Костя. Кухня: старший повар — мой человек, порядок. Раз. (*Загибает палец.*) Хлебореза своего поставить — два. Вещ. каптера своего — три... (*Загибает.*)

Разрисованный занавес

В антракте, не тотчас, — смена часовых на вышках у сценического портала. Сменив одного часового, развод военным шагом спускается, проходит перед первым рядом партера (если там толпятся зрители, РАЗВОДЯЩИЙ грубо кричит: — Ат-тайди от зоны! Р-разойдись!) и сменяет часового другой вышки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

НАЧАЛЬНИК ЛАГЕРЯ

Просторный кабинет начальника лагпункта. Середина комнаты вся пуста, устлана красной дорожкой. У левой стены — десяток рядом стоящих стульев, глубже — дверь, за ней в углу — большая скульптура Сталина на подставке. Сзади — дощатая перегородка, в ней — проём с расходящимися занавесками и видна кровать. Справа — два окна, за ними пасмурно, это единственное освещение. Справа же — письменный стол с высоким чернильным прибором в виде кремлевской башни, этажерка с приемником, диван.

В тишине хорошо слышен бой дождя в водосточные трубы.

За перегородкой — тяжелое кряхтение, спускаются с кровати сапоги. Держа в руках еще не надетый китель, выходит лейтенант ОВЧУХОВ.

Бродит.

О в ч у х о в . Где я мог?.. Где?.. Вот неприятность!.. И на хрена его нам дают — что мы, на фронте, что ли? Я его и не чистил три года... Доложить — пропал. Не доложить — еще больше пропал. (У окна.) Это ж вторые сутки без передыху льет и льет. Кто там работает!..

(У стола. Не садясь, перебирает бумажки.) О! Не успел от них сам, а уж почта здесь. Что они ее, по воздуху, что ли, перекидывают? Насажали в управлении сто машинисток — им же надо хлеб отрабатывать. *(Зажигает настольную лампу, разрывает конверт.)* Пожалуйста. Постановление развернутого совещания... Пункт тридцать четвертый: «Предупредить лейтенанта товарища Овчухова, что если он не добьется крутого подъема производительности труда, он будет переведен в дальние северные лагеря». В ссылку, значит. На Колыму куда-нибудь. Ой, мама, вот жмут! вот жмут! *(Опускается за стол.)* Один выход: доложить, что личное оружие потерял, пускай из органов выгоняют, что я себе — работы не найду?.. А где их найдешь, эти тысячи? Да продукты со склада?.. А еще ну-ка за потерю оружия — под суд?.. Не, не выгонят. Тягать, прорабатывать, а не выгонят! *(Звонит в колокольчик.)*

В дверях — АНГЕЛ.

А н г е л . С приездом, гражданин начальник! Прикажете завтрак подать?

О в ч у х о в . Да. Давай. И этого... зав. производством.

А н г е л . Он там, на строительстве, гражданин начальник.

О в ч у х о в . Вот и вызови.

А н г е л . Есть! *(Исчезает.)*

Овчухов с подпертой головой сидит за столом. Стук.

О в ч у х о в . Да.

Входит СОЛОМОН. Выглядит очень аккуратно.

С о л о м о н . Разрешите? С добрым утром, гражданин начальник! С приездом!

Овчухов мычит.

Гражданин начальник! К завтраку вам. (*Ставит на стол в свет лампы пол-литра.*)

О в ч у х о в . И откуда ты, Соломон, всё достаешь? Откуда ты достаешь?

С о л о м о н . Живем потихоньку, гражданин начальник.

О в ч у х о в (*показывая за перегородку*). Там стакан, налей.

Соломон заходит за перегородку.

Свет зажги.

Зажигается яркий свет. Стук. СТАРШИЙ ПОВАР в белом вносит поднос, накрытый кисеей, и ловко закрывает дверь ногой.

П о в а р (*ставя поднос на стол*). С приездом, гражданин начальник!

О в ч у х о в . Тьфу, чтоб ты пропал, сговорились вы, что ли? Хоть бы новое что сказал.

П о в а р (*откидывая кисею*). Бефстроган, гражданин начальник!

О в ч у х о в . А вон то?

П о в а р . Котлетки рисовые. Соус плюм.

О в ч у х о в . Плюм — это хорошо. Ты всё ж таки готовить умеешь. Не то б я тебя да-а-вно на общие послал.

П о в а р . За что, гражданин начальник?!

О в ч у х о в . Вали, вали, сам знаешь.

ПОВАР уходит. Соломон, крадучись, подносит стакан. Овчухов пьет, начинает завтракать.

Смотри, хорошее мясо. Неужели с общего котла? Здорово мы вас кормим! Какая у нас норма мяса заключенным?

С о л о м о н . Вообще-то — пятнадцать грамм, но если субпродуктами третьей категории — легкими пикальными, мясокостными хвостами, пищеводом обработанным, то выходит больше. А то заменяем мясо — рыбой или горохом.

О в ч у х о в . Просто хорошее мясо! Налей еще, что ли.

Соломон подносит.

Ну, что тут нового, докладывай. Зав. производством как? Справляется? Чего улыбишься?

С о л о м о н . Гражданин начальник! Вы его сами выбрали, назначили, — значит, он хороший.

О в ч у х о в . Раз я назначил — конечно, хороший. Я в людях разбираюсь. А — чего, все-таки?

С о л о м о н . Гражданин начальник! Он себя тут ведет, как будто он бог и царь — ваш заместитель!

О в ч у х о в . Правильно ведет. Я ему так и велел, он за меня остался.

С о л о м о н . Ну, совершенно верно. Но остаться за вас — это не значит нарушать вашу волю, отменять ваши приказания.

О в ч у х о в . Мои приказания?!

С о л о м о н . Ну, например, на днях перераспределил дополнительные пайки, вообще распоясался. Зуботехника послал на общие. Прижимает обслугу лагеря...

О в ч у х о в . Обслугу лагеря не только прижать, а всех пошлю на общие! Довольно процент мне снижать! Тебя одного в бухгалтерии оставлю, да повара одного, а всех каптёров, парикмахеров, помкомандантов — всех на работу! Я из-за вас в северные лагеря не поеду.

С о л о м о н . Гражданин начальник! Так если вы мне скажете: Соломон! днем работай в бухгалтерии, а ночью иди землю копай — я первый побегу кирку захватывать. Но — он? Потом ботинки без вас самочинно раздал.

О в ч у х о в . Ботинки — это зря.

С о л о м о н . Я ему говорил, чтобы вас подождать. Потом — взятки берет с нового этапа: кого послать на лесоповал, кого оставить.

О в ч у х о в . Лапу берет? Молодчик! Дурак бы был, если б не брал.

Соломон. Ну, совершенно верно. Но вообще, гражданин начальник, это не такой человек, какой вам нужен, чтобы поднять производительность труда. Среди нового этапа есть один инженер — талантливый энергичный человек, хорошо знает произ...

Овчухов. Что значит — талантливый? Что он, Лемешев, что ли? Я твоих талантливых, знаешь, всех...

Стук.

Да!

Входит НЕМОВ. Он в мокром.

Немов. Гражданин начальник! По вашему вызову зав. производством Немов прибыл.

Овчухов. О! вояка! Сразу видно. Так на что, Соломон, ты жалуешься? В чем он неправ?

Соломон. Я вовсе не жалуюсь, гражданин начальник.

Овчухов. А не жалуешься — тогда иди! Иди!

СОЛОМОН уходит.

Ну, что ты тут без меня? Самоуправничаешь?

Немов (четко). Я действовал точно по вашим инструкциям: всё для повышения производительности труда.

Овчухов. Ну, и насколько повысил?

Немов. За истекшую декаду производительность труда поднялась на восемь процентов.

Овчухов. Ч-чудеса! Как это ты исхитрился?

Немов. Ну, во-первых, за счет того, что я вмешался в работу нормировочного бюро. Мне удалось обнаружить, что производство нас обманывает: то неполное описание работ по нарядам, то неправильное истолкование единых норм.

Овчухов. А Дорофеев куда смотрел, подлюга лысая? Выгоню на общине! Наш, лагерник, — должен за лагерь болеть, а не за производство!

Немов. Гражданин начальник! Как раз Дорофеев сам ничего не может сделать — ведь он на службе у Гурвича! Ну, Гурвич его через день прогонит — какая нам выгода?

Овчухов. И ведь ты скажи, — я чувствовал, что производство меня обгрёбывает! И на сколько, ты говоришь, повысил?

Немов. На восемь процентов.

Овчухов. Мало. Мало! Надо на пятьдесят восемь!.. Нет, на пятьдесят восемь не надо... на шестьдесят! Я тебя научу, ты еще неопытный, не с того конца берешься. (Раздельно.) На-да за-ставить заключенных работатъ!! Вот сегодня дождь, ты — пошел, проверил? На открытых работах, ручаюсь, никого нет! Так пойд и выгони! Они душой работе не отдают, а надо всю душу отдать! Заключенный — он падло ленивое, готов от кровной пайки отказаться, с голоду подохнуть — только б ему не двигаться. А ты его, гада, — подними, направь! И по шее можно. Это можно.

Немов молчит.

А ты (берет бумажку на столе, швыряет) Гурвичу с охраной труда голову морочишь. Чихнй это всё. Не твое дело. Теперь — от нового этапа хороших вещей набрал?

Немов. Не понимаю.

Овчухов. Ну, джемперов там, пóльта кожаные, юбки шелковые... Сам зажать хочешь?

Немов. Позвольте, как и зачем я могу брать чужие вещи?

Овчухов. Чтобы жить, дурак! «Подохни ты сегодня, а я завтра» — закон лагерный знаешь? А на фронте трофеи брал?

Немов (смущенно). Брал...

Овчухов. Так не одно и то же? Не-ет, ты — Сидор Поликарпович, извиняюсь, не зацепил ли я вас

рукавом. Та́к ты в лагере не проживешь, не-е. Ты бы пришел и сказал: вот для вашей жены юбочка или там чего другое... Я б тебя любил. И тебе б оставалось.

Не м о в (подавлен). Гражданин начальник! Я в самое первое знакомство вам заявил, что я — фронтовой офицер, опыт руководства людьми имею, в делах производства постараюсь разобраться, — а больше я вам ничего не обещал.

О в ч у х о в . Ну, ладно. Поднимешь мне производительность труда на шестьдесят процентов — буду тебя любить. В общем, ты ж м и , а я тебя поддержу!

Не м о в . Есть, гражданин начальник! Потом я хочу представить вам сокращение вдвое хозобслуги лагеря — этих нахлебаев! У нас в зоне болтается много лишних людей — в бухгалтерии, на кухне, потом зачем-то два хлеботора, три банщика, а баня никогда не работает, разных дневальных тридцать пять тысяч, какой-то зуботехник, ни одной коронки никому не вставил, потом в санчасти этих санитарок...

Постучался и, не дожидаясь ответа, входит МЕРЕЩУН. Он свеж, выбрит, плотен, из-под белого халата виден ярко-красный свитер Хомича.

М е р е щ у н . Добрый день, гражданин начальник. (Проходит и садится у стола Овчухова.)

Немов всю сцену стоит.

О в ч у х о в . Здравствуй, доктор. Вот зав. производством говорит — у тебя санитарок много, надо сократить.

М е р е щ у н . Зачем завидовать? Пришел бы, сказал, какую ему — Маню? Клару? — пожалуйста, я бы отдал.

Овчухов хохочет.

А вообще у меня штатных две санитарки — дневная и ночная, а остальных же шесть держу по другой графе

— как больных, да будет известно зав. производством.

Немов. То есть каждый день шесть больных вместо того, чтобы лечь в постель, идут за зону — оправдывать ваших санитарок?

Овчухов (*отмахивается*). Ну уж, зарапортовался! Люди идут на работу — государство на этом не теряет! (*Мерещуну.*) Но вообще я буду его любить. Если он мне поднимет производительность труда. В общем, зав. производством! Иди — и жми! И — нажимай! Я тебя всегда поддержу.

НЕМОВ поворачивается по-военному, уходит.

Свитер у тебя хороший, красный.

Мерещун. Кажется, начальник, магарыч не с меня, а с вас. Вы ничего не потеряли?

Овчухов (*встрепенувшись*). А что я мог потерять?

Мерещун. Не потеряли?

Овчухов. Нашел?!?

Мерещун достает из кармана маленький сверток. Овчухов быстро разворачивает, потрясает над головой пистолетом, бросается обнимать Мерещуна.

Друг! Керя! Спаситель! Где нашел??

Мерещун (*смакуя*). Перед тем, как уехать в Управление, вы с вахты ко мне в кабину зашли?

Овчухов. Зашел!

Мерещун. Выпили...

Овчухов. Порядочно!

Мерещун. И заснули.

Овчухов. Точно!

Мерещун. Утром — когда вы встали? — я не слышал, спал. Подхожу к постели — а он лежит...

Овчухов. Из кобуры выпал, цыпочка! (*Ласкает пистолет.*)

Мерещун. Я — в кабинет, я — на вахту, — говорят: уехал.

О в ч у х о в . А я сейчас по всей дороге на землю смотрел.

М е р е щ у н . Вот я перепугался! Тут предоктябрьского шмона жди, в кабине держать нельзя! Пришлось в тряпочку и — под порог. Получите!

О в ч у х о в . Ай да Мерещун! Вот спасибо! А я уж думал — из органов выпрут. Решил пока до зарплаты не признаваться. Ну, полцарства проси — чего тебе надо? Да тебе ничего не надо. Ты же живешь лучше, чем на воле. На жратву ты не смотришь, баб у тебя хватает, спирта сам я у тебя беру. Ну, что? В областной город без конвою на неделю хочешь? Цени, ведь ты — П я т ь д е с я т в о с ь м а я !

М е р е щ у н . В областной город? Это можно.

О в ч у х о в . Не то, что можно, — никак нельзя! Но — сделаем! Я же знаю, ты вернешься, лучше рая не найдешь. Еще тебе что?

М е р е щ у н . Спасибо, начальник, пока мне ничего не надо. Разве что — вам помочь?..

О в ч у х о в . Скажи, скажи.

М е р е щ у н . Вас в Управление зачем вызывали? Небось, насчет производительности жмут?

О в ч у х о в . То есть не то что жмут — давят! Косточки хрустят! Сказали: будем вынуждены послать за Полярный Круг. Квартира, семья, дом начал строить... Да я рад, хоть пистолет нашелся.

М е р е щ у н . Так вот, если вы хотите производительность труда — я вам человека нашел — ай-ай-ай! Не пролей капельки! Ради производительности труда родного отца на лесоповал пошлет.

О в ч у х о в . Иди ты! Такого мне и надо! Где взял?

Мерещун звонит в ручной колокольчик. Вбегает АНГЕЛ.

М е р е щ у н . Инженера Хомича. Он сейчас в зоне. По болезни.

АНГЕЛ убегает.

Деловой, требовательный, в производстве собаку съел. Он вам дело поставит — а!

О в ч у х о в . Гм-м... Значит, этого — что? снять?

М е р е щ у н . Кого? Рокоссовского? Его блатные Рокоссовским прозвали.

О в ч у х о в (смеется). Рокоссовским? Точно!

М е р е щ у н . Я — сам офицер и вижу: в армии он, может, и хорош, но здесь не годится. Здесь надо душу лагерника понимать. За пятьсот грамм черного хлеба Беломорканал построен.

Стук.

О в ч у х о в . Душу, верно. Зайди.

Входит ХОМИЧ.

Х о м и ч . Инженер Хомич по вашему приказанию.

О в ч у х о в . Инженер — какой? По строительству?

Х о м и ч . Так точно.

О в ч у х о в . А по механизации?

Х о м и ч . То же самое.

О в ч у х о в . А по электрике?

Х о м и ч . Три года работал.

О в ч у х о в . Сантехника?

Х о м и ч . Свободно разбираюсь.

О в ч у х о в . Смотри, золото, а не человек.

М е р е щ у н . Еще одно он от вас скрывает: он еще инженер человеческих душ.

О в ч у х о в . А вот мы сейчас проверим. Если я тебя назначу начальником производства и скажу: повысь мне производительность труда, — с какого края начнешь?

Х о м и ч . С хлеба! Например, гарантийку давать не за сто процентов, а за сто один! Тогда все повременщики станут переходить на сдельщину! Нам выгода. И так же все высшие пайки — сдвинуть шкалу!

О в ч у х о в . Подожди, но шкала — ГУЛАГа, мы не можем...

Х о м и ч . Можем! Да не беспокойтесь, за это ничего не будет! Я это уже применял в том лагере, где был прорабом. Блестящий результат!

О в ч у х о в . Смело придумано.

Х о м и ч . Второе: так же изменить и шкалу к а ш — чтобы на одну и на две каши нужно было бы перевыполнить больше процентов.

О в ч у х о в . Это мы и сами догадались. Повышали, уж некуда. Д о й д у т работяги.

М е р е щ у н . Не дойдут! Как доктор говорю: не д о й д у т .

Х о м и ч . Третье: разрешить свидания только за сто пятьдесят процентов, ночные свидания — только за двести один, а за двести пятьдесят — две ночи. Четвертое: не принимать с почты продуктовых посылок для заключенных, вырабатывающих ниже ста двадцати процентов.

О в ч у х о в . Да разве мы имеем право?

Х о м и ч . Слушайте! Пока родственники разберутся, пока напишут жалобы, пока пошлют в Москву, а Москва — к нам, — мы хотя бы на три зимних месяца схватим за горло тех, кто живет на своих продуктах, кто не нуждается в лагерной кухне! Или вкальвай как вол — или подыхай! Очень важно! Пятое — оборудовать комнату ночных свиданий и разрешать: за двести один процент — одну ночь, за двести пятьдесят — две ночи. Шестое — нормировщик. Ну, этого я сам... Седьмое...

О в ч у х о в . Это всё верно. Это всё правильно. Много еще?

Х о м и ч . Пятнадцать мероприятий наберу.

О в ч у х о в . Ну, тогда скажи — а шестнадцатое?

Х о м и ч . А шестнадцатое? За счет общего повышения производительности выделить строительную

бригаду для окончания к праздникам вашего собственного дома!

О в ч у х о в . Угадал! Угадал! У меня там столярные работы, малярные...

Х о м и ч . Знаю, знаю.

М е р е щ у н . И выходит — кругом шестнадцать.

О в ч у х о в . Деловой! Опыт имеешь. *(Звонит.)*

Тотчас же входит СОЛОМОН, держа руки за спиной.

Ты как догадался, что я — теб я ?

С о л о м о н . Ангел отлучился, гражданин начальник, и я зашел, чтоб не ждать.

О в ч у х о в . Книгу приказов — тащи!

С о л о м о н *(выводя книгу из-за спины)*. Пожалуйста.

О в ч у х о в *(пораженный)*. Ну, ты настоящий царь Соломон! Как же ты догадался, что мне — книгу приказов?

С о л о м о н . Угадывать ваши мысли — моя обязанность.

О в ч у х о в . Золотые люди меня окружают! Вот что значит — я умею людей подбирать. Как правильно товарищ Сталин сказал: «Кадры решают всё». «Люди — самый ценный капитал». У нас этот лозунг висит во дворе?

С о л о м о н . В столовой висит, гражданин начальник.

О в ч у х о в . Вот дурак этот Культурно-Воспитательная Часть, только знает щепки со строительства домой возить, всё забываю ему сказать «Кто не работает, тот не ест» в столовую перевесить, а «ценный капитал» — во двор.

С о л о м о н . Передам, гражданин начальник.

О в ч у х о в . Садись пиши.

Соломон присаживается, надевает очки.

Приказ номер... Какой там номер?

Соломон. Двести тридцать шестой.

Овчухов. Так. Параграф первый. Зав. производством зэ-ка... как его?

Мерещун. Немова...

Овчухов. ...зэ-ка Немова за необеспечение крутого подъема производительности труда...

Соломон. Может, глаже сказать — за снижение производительности?

Овчухов. Катай! За снижение произво...

Мерещун. Уж тогда — за резкое снижение.

Овчухов. ...за резкое снижение производительности труда — снять! Параграф второй: назначить зав. производством зэ-ка...

Мерещун. Зэ-ка инженера Хомича!

Разрисованный занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

НОРМИРОВОЧНАЯ

Высокая просторная грубо оштукатуренная комната в строящемся здании. Огромный нелепый стол у левой стены, глубже — дверь с табличкой «старший прораб». В задней стене — дверь в маленькую кухню, где стряпает Люба, и дверь на лестницу. В правой стене — два окна, за столом сидит ДОРОФЕЕВ, обложенный справочниками и бумагами. Лысая голова его обмотана по лбу полотенцем. Еще стоит ничей стол впереди посередине.

Грубые скамьи, табуретки целые и ломаные.

День процентки. Нормировочная гудит от ДЕСЯТНИКОВ, заполняющих наряды, и спорящих с ними БРИГАДИРОВ. По одежде и обуви видно, что на дворе — дождь и грязь. Входят, выходят, пишут стоя и сидя, где попало, тащат у нормировщика бланки и портят их, тормозят обессиленного ДОРОФЕЕВА, бе-

рут с его стола книги. В спорах оживленно участвует и НЕМОВ.

Пасмурно. Неопрятно. Накурено. Душно.

Из общего гула вырываются реплики.

Г а й . А изготовление раствора?

Ф о м и н . Входит в норму кладки. Ты ж не вручную — растворомешалка.

Ч м у т а (кричит Фомину). Обгрёбываете православных! На хрена мне ваша растворомешалка? Час работает — сутки току нет!

Из кабинета прораба выходит ХОМИЧ. Он медленно проходит к переднему столу и садится на него, спиной к зрителю.

1 - д е с я т н и к . Надо горбить, а не тухту писать! За сто двадцать процентов вы должны так работать, чтоб на карачках ползали!

1 - й б р и г а д и р . Как? И разметка и сверловка по ноль восемнадцать за дырку? А ты учиываешь, что я на вертикально-фрезерном сверлю?

Д о р о ф е е в . Ну, нормы, ну, единые государственные расценки, милый человек, не сказано — на каком станке.

2 - й б р и г а д и р . План, план! — задницей планируете! Сказали лаги поставить — я поставил, сказали полы настелить — я настелил, а потом срывать? Я виноват, что вам цементный захотелось? Зав. производством! Мне за работу не платят, я бригаду сажаю, составляйте конфликтную комиссию!

Н е м о в . Слушайте, десятник! За ошибки вашего руководства мы не отвечаем. Вы извольте платить!

Д о р о ф е е в . Ну кто взял справочник по бетонным работам? Ну кто взял? Не могу я в такой обстановке...

М а с т е р м е х ц е х а (паренек комсомольского вида). Какие «крутильщики станков» — шестнадцать человеко-дней? Это же в «Крокодил» — крутильщики станков!

1 - й бригадир. А когда день току не было, а втулки срочные — заставили токарные станки вручную крутить! Тогда о «Крокодиле» не думали?

Мастер мехцеха. Так это же иначе, иначе как-то надо записать. Нельзя же такой позор для истории оставлять! *(Идет с нарядами в кабинет прораба.)*

Немов. Короче: за установку лаг, потом за срыв этих же лаг, за подноску досок и относку этих же досок — платите?

1 - й десятник. Из каких средств я платить буду?

Входит БРЫЛОВ. Он неторопливо толкается меж других, потом садится около Дорофеева, где и сидит до своего ухода.

Гай. А подноска инертных к растворомешалке? Дорофеич! В чем дело?

Дорофеев. Да ведь там десяти метров нет? Не платим.

Гай. Ну восемь метров А два человека на носилках целый день...

Дорофеев. Государственными расценками не предусмотрено. Но дают работать!..

Чмута. Дай наряд! Дай наряд! *(Выхватывает у десятника наряд и рвет в клочки.)* Пошли вы все на хрен к трёпаной матери! Штукатурка отвалится — мне передельвать? Поставили печку — оплачивайте человека!

Гай. Федор Иваныч! Имей ты совесть. Доходят люди. Это целый день с носилками, придут в лагерь, на-вара капустного похлебают и — ложись. Хоть бы вечером я им мог по кашке прибавить.

Фомин. Всё понимаю, милый, сам заездился — нос да борода. Нам велят резать наряды, не давать лагерю денег. Подпишу тебе кусочек тухты, а меня с работы...

Голос. Как ты бетонировал? Вся арматура выпадала!

Дорофеев. Не трогайте справочники! Не трогайте!

1-й десятник. Дорофеев! Зачем журналы бригаирам даешь? Тут двадцать было, а он ноль добавил — двести!

3-й бригадир. Кто добавил? Твой почерк!

Дорофеев. Они сами берут, как им не дашь? Ну нельзя работать!

2-й бригадир. А лаги я им поставил? Лаги?

1-й десятник. А вот подправлено. И вот.

Яхимчук. Кузнецы и так ничего не зарабатывают с этими нормами.

Мастер кузни. А сколько ты на цепях заработал? По три нормы в день?

Чмута (кричит). Портачи! Халтурщики!

Немов. Значит, вы не платите?

2-й десятник. Нет!

Немов (2-му бригадиру). Тогда — сажай бригаду! Произвол этот надо кончать.

2-й бригадир направляется к выходу, но в дверях остановлен властным окриком Хомича.

Хомич (сидя на столе, к нам спиной, не шевелясь). Алё! Бригадир! Куда пошел?

2-й бригадир. Бригаду сажать. Тебе что?

Хомич. Спокойно. Американская забастовка, что ли? Кто разрешил?

2-й бригадир. Зав. производством. А ты кто такой?

Хомич. Кто зав. производством?! Я — зав. производством!!

Бурный шум внезапно сменяется полной тишиной и неподвижностью. Из кухни выглядывает и замирает ЛЮБА, она в белом фартуке.

Немов. То есть... как это... вы?..

Хомич. А очень просто.

Немов. Позвольте, кто вас назначил?

Хомич. Начальник лагеря.

Немов. Я полчаса, как от него.

Хомич. А я — десять минут.

Немов. Как это может быть, чтобы меня не вызвали, не сказали?..

Чмута. Может! Немов! В лагере — всё может!

Немов. Да что ж это?.. Это на людоедских островах... и то так не делают... Я пойду проверю... Ничего не сказали...

Хомич. Никуда вас вахта не пропустит. Идите до вечера в бригаду. Норму выполняйте. (Громко.) Внимание, бригадиры! Этот вечный шалман в нормировочной — прекратить! Кто зайдет сюда без моего разрешения — будет иметь бледный вид!

Чмута. А Чмуту — три министра десять лет бьются — не перевоспитают, не то что ты!

Хомич (прежним тоном). Что это за номера? Забастовки, базар, а работяги от дождя попрятались? Идите — и выгоняйте! Всех до одного!!

БРИГАДИРЫ молча, не торопясь, начинают расходиться.

Дорофеев. У-ух, как тихо стало... (Косясь на Хомича.) Вот хорошо теперь работать будет. Сразу видно, что порядок. Голова у меня, Онуфрич, болит, вот болит...

Брылов. И у меня, старик, болит.

Дорофеев. Так у меня от болезни болит.

Брылов. Сон, понимаешь, мне приснился, какой день прочнуться не могу...

Яхимчук. Ну что ж, Родион? Пойдемте ко мне в литейку.

Брылов. Что эт' ты литейкой распоряжаешься? Литейке — я хозяин! Там ртов хватает. Кóкоса мало, на что жить будем?

Яхимчук. Не шумите, Онуфрич, кто кого еще кормит.

Немов. Я очень благодарен вам, товарищ Яхимчук, но это теперь зависит... (Смотрит на Хомича.)

Хомич. А я по убеждениям своим — джентльмен. Лично мне вы дороги не перешли. Если Яхимчук берет — пожалуйста.

Брылов. Чего — пожалуйста? Я не беру? Литейке — я хозяин!

ЯХИМЧУК уводит НЕМОВА. ДЕСЯТНИКИ, оставшись без бригадиров, тоже расходятся. Хомич спрыгивает со стола, выходит на авансцену.

Хомич. Алё. Дорофеев.

Дорофеев (поспешно вставая). Слушаю вас! (Подходит.)

Хомич (неслышно для остальных). Начальник лагеря ставит перед тобой такую задачу: поднять производительность труда всех бригад в два раза!

Дорофеев. Т-товарищ зав. производством! Если в справочнике рубль — как же я могу два написать?

Хомич. Ты глупей себя не ищи, чернуху не раскидывай. Конечно, за метр штукатурки тридцать две копейки, все знают, а какую-нибудь там коническую шестерню отфрезеровать — десять часов или пятнадцать — кто понимает?

Дорофеев. Но ведь это ж подсудное дело, я не хочу второй срок... Ведь это ж единые расценки, государство...

Хомич. Какое государство, дурак? Ты в ГУЛАГе живешь!

Дорофеев. Арнольд Ефимыч меня через три дня выгонит...

Хомич. Гурвич выгонит — мы тебя в зоне пригреем, но уж мы тебя выгоним — под сосной подохнешь. Ясно?

Справа входит разряженная ЗИНА с бумагами, направляется в кабинет Гурвича.

З и н а . Борис! Поздравляю! (*Жмет руку.*) Я еще вчера слышала!

Х о м и ч (*отходя от Дорофеева*). Как вчера? Только сегодня назначили.

З и н а . Мой Посошков еще вчера знал. Он всё на свете узнает раньше начальника лагеря. Сегодня справляем вечеринку в честь тебя. Ты еще без жены? Обзаводись!

Х о м и ч . Ах, красивая жизнь, где ты?.. «Милое глупое счастье с белыми окнами в сад...» (*Уходит направо.*)

Навстречу Зине из кабинета резко выходит ГУРВИЧ с пачкой нарядов в руке и МАСТЕР МЕХЦЕХА.

Г у р в и ч . Дорофеев!

Дорофеев вскакивает.

Ты что слесарям тухту зарядил? (*Швыряет наряды Дорофееву через всю комнату.*)

Дорофеев поспешно поднимает.

Ты почём слесарям шайбы расценил?

Д о р о ф е е в . По три копейки, Арнольд Ефимыч, как в справочни...

Г у р в и ч . А ты посмотрел, что их — четыре тысячи штук? Это сколько они отметут?!. Переделай по три десятых копейки!

Д о р о ф е е в . Арнольд Ефимыч! Но единые государственные нормы...

Г у р в и ч . Ты про государство будешь много разговаривать — я тебя на кирпичную кладку выгоню и вольного посажу. Меньше с лагерем шушукайся! Тебе уже бригадиры на голову садятся. В нарядах — подделки... Смотри, за это судят!.. (*Проглядывает бумагу, поданную Зиной.*) Что такое?.. «Зэ-ка Матвеев оступился в колодец из-за отсутствия заграждения»... Что за чушь? Перепечатать немедленно: «Несмотря на имев-

шиеся около лифтного колодца ограждения, заключенный Матвеев бросился в колодец, имея, по-видимому, цель...»

З и н а . Но инспектор техники безопасности...

Г у р в и ч . Дурак он, а не инспектор! Всё согласовано! В четырех экземплярах! (Отстраняет Зину.)

ТА уходит.

Брылов! Как бронза?

Б р ы л о в . Кладем, кладем, Арнольд Ефимыч, простое дело! Я много таких печей по литейкам видел, сам Макару показываю. Вó бронза будет!

Г у р в и ч . Когда, когда будет?

Б р ы л о в . Дня через три.

Г у р в и ч . Надо завтра, завтра плавку!

Л ю б а (преграждая ему дорогу). Обед готов, Арнольд Ефимыч.

Г у р в и ч . Да разве тут до обеда!

Л ю б а . Пересохнет, выкипит, когда же?

ГУРВИЧ машет рукой, уходит с МАСТЕРОМ МЕХЦЕХА.

Б р ы л о в . Завтра ему плавку! Блоха тоже быстрая! Я на Арнольда в комбинат кляззу буду писать: привязался, чтоб я сортность чугуна выдерживал. А как? Амбулатории нет — раз, шихтовка на глазок — два, обмазка некачественная — три, марганца нет — четыре. Напишу, а?

Дорофеев молча сидит, обхватив голову. Медленно входит КОЛОДЕЙ. Оглядывается.

К о л о д е й . Ну?.. Как у вас тут?.. Порядок?.. Режим не нарушаете?

Молчание.

Дорофеев! Чем карандаши заостряешь?

Дорофеев. Бритвочкой, гражданин начальник. Поломанная вот тут есть.

Колодей. А ты знаешь, что колющее-режущее в лагере не положено?

Люба. Чем же мне Гурвичу картошку чистить?

Колодей. Да хоть зубами. А ножа не имей. Есть на кухне нож?

Люба. Нету.

Колодей. То-то. *(Садится, закуривает.)* Негневицкая! Кто из вашей комнаты по ночам в мужской барак бегают, а?

Люба. Откуда я знаю, гражданин начальник! Я ночью сплю.

Колодей. Все вы спите. А поднимешь одеяло — там чучело. Или двое лежат. А потом в больничку тянутся, рожать. А работать кто будет?

Люба. Не понимаю, как можно запрещать любовь? Ведь человек же не из дерева, ведь десять лет дают.

Колодей. Раз запрещают — значит, можно. Не надо было преступления совершать.

Люба. Хотя правильно. И детей этих, лагерных, по-моему, надо уничтожать.

Колодей *(встрепенувшись)*. Это почему?

Люба. Ну как же? Он — преступник, она — преступница, какой же может быть ребенок? Только преступник. И что он в анкете будет писать, когда вырастет?

Колодей. Да-а... Получается так. Верно.

Люба. А с другой стороны — неверно. Ведь сын за отца не отвечает. Может, наоборот, радоваться надо, что в лагерях дети рождаются? Если б все рожали, это б сколько миллионов солдат лишних, а?

Колодей. То-оже верно... *(Вздыхает, встает.)* Ну, как скажут, так и — будет. Ох, тяжело товарищу Ста-

лину обо всем самому думать. В общем, вы тут это... работайте. (Уходит.)

Д о р о ф е е в (в отчаянии). И кто это нормирование проклятое выдумал, Онуфрич? Работал я мальчишкой у казенного десятника — ни нормировщиков, ни бухгалтерии, а уж как дом построили — без ремонту сто лет. Помнишь?

Б р ы л о в . Амбулатории нет, весов нет, обмазка некачественная — напишу! (Уходит.)

Л ю б а (замерев у окна). Дождь ли, снег ли — работайте, бедные зэки, вкалывайте! Придёте в зону, снимете мокрое и положите просыхать — под себя... Что, Дорофеич? — болит?

Д о р о ф е е в . Доченька ты моя! Да лучше б я сейчас лопату взял и в эту грязь пошел, чем здесь мучиться. С двух сторон меня стиснули, дышать не могу...

Л ю б а (садится на передний стол лицом к зрителю). Нет, Дорофеич, нет. На зиму — лучше здесь! Как задует буран, да землю эту скованную без рукавичек ломом долбать... Нет.

Д о р о ф е е в . Наверно, помру я скоро... Говорят, к празднику амнистия будет вторая, для пятьдесят восьмой статьи, а? Говорят, у Сталина уже на столе лежит, подписать осталось...

Л ю б а . Эх, Дорофеич! Одна нам будет амнистия — амнистия на тот свет...

Пауза.

А мне его жалко...

Д о р о ф е е в . Кого?

Л ю б а . Да вот этого... Немова...

Д о р о ф е е в . А себя тебе не жалко?

Л ю б а . Себя??. Уже — нет...

Разрисованный занавес

В а н т р а к т е — смена часовых на вышках (та же процедура).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

БРОНЗУ ЗАКОЛОДИЛО

Литейный цех, как в картине 2-й, но формовочная земля собрана конусом. Кое-где начата новая формовка. Слева в глубине — печь для бронзы: круглая кладка, жестяной колпак с дымоходом в потолок. Справа, из вагранки, непрерывно доносится постукивание, под вагранкой стоят чьи-то ноги.

Впереди прямо на полу сидят МУНИЦА и ЧЕГЕНЁВ.

Чегенев. Мало тебе дали — десять лет! Таким дуракам надо по двадцать пять давать! Ну, теперь выбивай сам, я не буду!

Муница удрученно молчит. Входит БРЫЛОВ, садится близ них на пол.

Брылов. Ах ты пакостник, Макар, вот пакостник! Ты думаешь — в одной твоей Румынии печи, а в Рассее-матушке печей нет? Да я этих печей больше забыл, чем ты их видел, но — молчу. Почему молчу? Потому что без их спокойней, никто не дергает, пока кокос есть, чугун есть, льем помалу, вам хватает, нам хватает — чего надо, а? Ребята, чего нам надо?

Чегенев. Нам вот масла надо, а ты кислое принес.

Брылов. Что ты, очумел, что ли? Как это — масло, и вдруг кислое?

Чегенев. А так вот, редкое, как творог, и пыхтит. Комбинируешь, Онуфрич? С этого не разбогатеешь.

Брылов. Да что вы, ребята! Опять плохо?.. Ну, может, по пьянке баба ошиблась, не того купила.

Чегенев. Да что она, тоже пьет?

Брылов. Милый, кто теперь не пьет? Первая жена крепилась, а эта закладает. Да как ей удержат-

ся? — у меня под кроватью ящик с водкой не перепустевает. Я не усну, если он пустой, что ты!

Муница. А що Гурвич кáжэ?

Брылов. Из-за тебя и я: Брылов бронзу сорвал, Брылов экскаваторы остановил. А когда я обещал? Я всегда говорил, что твоя печь — дурная.

Муница. Алэ мўсит быть бронза! Мўсит!

Брылов. Смотри, укусит!.. Москва молодцов видала! Умней тебя люди на свете живут — еще такой печки не придумали. Если б это так просто было — каждый бы дурак такую печку строил. Ты вот думай теперь, как ломать. Сорок килограмм бронзы испортил, сожѐг — да это шут с ним, мы ее не покупали, — а печку ту как ломать? Бронзу заколодило!

Муница. Ходко сломаем.

Справа входит ЯХИМЧУК.

Брылов. Николай! Он опять печку хочет строить.

Яхимчук. Що ж? З умом, так возможно и збудовать.

Муница. Алэ як? Як?

Яхимчук. Нибы вы вже не тямитэ? Вы хтїлы сами.

Брылов. Да вы что — все против меня? Ну, я вас разгоню, новых наберу! Вот еще Рокоссовского этого (*кивает в сторону вагранки*), дармоеда, на мою голову взяли. Кбкос кончается, чугунок кончается — чем жить будем?

Муница (*вскипая*). На що вин мэни потрибен, проститутка, ничего робыть нэ можэ!

Чегенев (*тянется за лопатой*). Эй, мамалыга! Смотри, я казак донской!

Муница (*Яхимчуку*). Алэ як? Як?

Яхимчук. А я прэмии нэ потрибўю.

Муница. Як нэ знаэтэ, так и нэ кажить.

Яхимчук. А як знаю?

Муница. А як нэ знаетэ?

Брылов. Да, ребята, чтоб я этой печки и в глаза...

Чегенев. Не говори ему, батя! Не говори, а то он сто тысяч получит!

Яхимчук. Голова ваша дурья! Форсунку трэба ўцэ зробыць! Воздуходувные отверстия трэба замьне, на якій бис гэнде во каки глотки здоровы?

Быстро входит ГУРВИЧ.

Гурвич. Ну что, литейщики, летучий митинг? Провалили бронзу, теперь митингуете? Хвастался, Макар?

Муница. Чекайтэ, будэ бронза!

Гурвич. У тебя всё будет! — утюги, сковородки, котелки — ширпотреб наладили, в Москве такого нет! Я вот вас на лесоповал отправлю!

Брылов. А чем ребята виноваты? Такой печки нельзя сложить. Спросите инженеро́в. Я вот с таких лет по литейках, не люблю по-пустому говорить. Давайте мне командировку тигли толкать. На Урал.

Гурвич. Я тебе не Урал, я тебе аврал устрою! Строгальный станок не успевает детали обрабатывать, всё утюги ваши строгают... *(Подходит к Яхимчуку, кладет ему руку на плечо.)* Яхимчук! Как человека тебя прошу! Ну придумай, помоги! Экскаваторщики на простое стоят, ничего не зарабатывают! Ребята! Ну хоть временную печь! Хоть на одну плавку!

Муница. Арнольд Ефимыч! Форсунку переробым, фурмы переробым — и будет бронза — пэрший кляс!

Мастер мехце́ха *(входит)*. Арнольд Ефимыч! Прессножницы ведь опять стоят.

Гурвич *(ужаленно)*. Как опять? Как опять?.. Ну, Яхимчук, будь человеком, помоги! Давай, Макар, премия будет! *(Стремительно уходит с мастером мехце́ха.)*

Брылов. Не соглашайтесь, ребята. Мол, не мо-

жем — и взятки гладки... В общем, ковыряйтесь помалу, я пошел. Если Арнольд спросит меня, скажите — в Первое СМУ пошел... Или во Второе... *(Уходит.)*

Чегенев. Про утюги такого настучали, чего и не было. Ну не стало, батя, жизни от стукачей *(Уходит.)*

Я х и м ч у к . Ну як? Прэмия пополам?

Муница молчит.

То я жартую, жартую... Николы б я вам нэ сказав, алэ скрыбно мэни дывыться, як вы усэ дило губитэ. Закрутылысь з Гурвичем докупы. Дэ оливэц? Ходимте, я вам начерчу.

Муница. А класть удвох будэмо?

Я х и м ч у к . Удвох, удвох.

Уходят направо. На сцене никого. Стук внутри вагранки прекращается. Слева входит ЛЮБА.

Люба. Арнольд Ефимыч, вас к телефону!... Только заскочил, где ж он?.. *(Заглядывает в помещение направо, возвращается.)*

Из-под вагранки кто-то вылезает.

Ой, кто там?

Это НЕМОВ, он распрямляется. Его до невероятия изодранная брезентовая спецовка с прорезами до голого тела, лицо и рваная фуражка — в серой пыли. На глазах — целлулоидовые са- модельные очки, в руках — зубило и молоток.

Немов. Я. Не узнаете?

Люба. Это вы-ы?! На кого вы похожи!! *(Заливчато смеется.)*

Немов поднимает очки, улыбается, чешет голову молотком.

Как вы там поместились, внутри?

Немов. Тесновато, правда. Но я теперь худой. Вот пыли много... Люба. Так вас зовут?

Люба. Вы запомнили? Мне казалось, когда вы были зав. производством — вы людей не замечали.

Немов. Отчасти было... Я тянулся — попасть в милость. С такой высокой лестницы скатился, а на последней ступеньке хотел удержаться. Гнуть других, только б не гнуться самому... А оказывается, куда вольней простому чумазому.

Люба. Простые чумазые — умирают...

Немов. Ну вот же — долбаю шлак и песни пою.

Люба. Это потому, что в литейке. Здесь пайка высокая.

Немов. Слушайте, а я, знаете, иногда что думаю?.. Может быть, шкура наша все-таки не самое дорогое, что у нас есть?

Люба (очень внимательно). А — что же?..

Немов. Да в лагере как-то сказать неудобно... Может быть, все-таки... совесть?

Люба (пристально смотрит). Вы — думаете?..

Пауза.

Немов. Ну, а как ваши руки? Я помню.

Люба. Руки? (Протягивает их.)

Немов. Что такое? (Роняет зубило и молоток, берет Любу за руки.) Совершенно беленькие? Всё прошло?

Люба (хохочет). А ничего и не было!

Немов. Как не было? Я своими глазами видел — вот тут волдыри были черные...

Люба. Так это ж мостырка!

Немов. Что это значит?..

Люба. Ну, я замостырила, чтоб на этап не ехать. Мостырка — это в лагере называется, если снарошки делают — опухоль, глаз слепой, температуру...

Немов. И это всё — можно?

Люба. Он не верит! Конечно. Вот вас же я обманула.

Немов. Удивительно, как вы надзирателя тогда обманули!

Люба. А он, по-моему, немножко догадался. Но пожалел. Вы бы не пожалели?

Немов. Наверно — нет...

Люба. Вы... осмотрели мои руки? Теперь отпустите их...

Немов. Они мне нужны...

Люба. Зачем?..

Немов целует ей руки.

Не притворяйтесь. Я вам не нравлюсь.

Немов. Как вы можете так..?

Люба. Когда нас привезли, новый этап, и посадили на землю, вы подошли к женщинам, оглядели всех и выбрали — Зыбину. Помните?

Немов. Подождите! А что вы подумали?

Люба. Почему — не меня?..

Немов. Да просто потому... Я совсем по другому принципу...

Люба. Но у вас глаза были открыты? Как вы могли выбрать не меня!?

Немов. Люба! Мне нужна была боевая бригадирша.

Люба. Я тогда очень обиделась.

Немов. Я сразу заметил, что вы... хорошенькая.

Люба. А зачем на лесоповал посылали?

Немов. Но им нужен был парикмахер!

Люба. А я должна страдать?

Немов. Вы... не только страдать... Вы должны быть одеты в легкое белое платье... а вот здесь, на груди, приколоть... ландыши. Но даже и в лагерной телогрейке вы... Дайте мне ваши руки!

Люба. Зачем?

Немов. Я их еще поцелую!

Люба. Кто же целует — руки?..

Немов. Я больше не смею.

Люба. Какой ты чудак.

Немов целует ей руки.

У тебя все-все руки поранены.

Немов. Шлак острый. А то молотком промахнешься.

Люба. Плохо тебе жить, да? Тяжело?

Немов. Вот скоро год, как арестовали, — только было мрачно, так тяжело! А сейчас первый раз хорошо.

Люба. Хорошо? На общих?

Немов. Ты пришла...

Люба. Я приходила и когда ты был начальником.

Немов. Как хорошо быть не начальником! Тогда я мог бы подумать, что ты ищешь устроиться. А сейчас...

Люба. А сейчас я пойду. Пусти.

Немов. Не надо!

Люба. Так и будем стоять?

Немов. У-гм...

Люба. Приходи вечером в КВЧ. Будет концерт. А ты — прямо за сцену. *(Медленно отходит, спиной к выходу.)*

Немов *(медленно следуя за ней)*. Так я приду, Люба?..

ЛЮБА кивает. Немов стоит и смотрит вслед.

Разрисованный занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

НА КРЫШЕ

Верх строящегося здания на фоне неба — не крыша, но очередное междуэтажное перекрытие. Задняя наружная стена выведена только на полметра над перекрытием. По углам ее, еще на метр выше, — широкие квадратные пилястры со ступенчато-

опускающейся развязкой. От левого пилястра по направлению к зрителю идет внутренняя стена, которую две пары каменщиков кладут с подмостей. Она немного не доходит до занавеса — и здесь проход налево. Такая же поперечная внутренняя стена начата и справа, но брошена кладкой вначале. Правее правого пилястра, не видимый зрителю, стоит кран «Пионер», только бывает виден его поворачивающийся хобот, когда он поднимает и переносит через заднюю стену площадку, всякий раз с двумя тачками. Тачечные ходы — досчатый настил — уложены поверх долгих балок перекрытия и идут от крана, поднимаясь к подмостям левой стены. ГРАНЯ и ШУРОЧКА, обе в ватных брюках, отвезят туда тачки, выворачивают раствор в ящики четырем КАМЕНЩИКАМ, возвращают тачки на площадку крана, перецепляют крюк крана с полной площадки на пустую.

Справа пара подносчиков-РАБОТЯГ носят на левую стену кирпич носилками, штук по тридцать. На возвышении в правом ближнем углу первое время после открытия занавеса стоит ГАЙ, молча мрачно наблюдая работу. Теплый солнечный день. Один из последних хороших дней осени. Кран поднимает очередную площадку с двумя тачками. Справа появляются с носилками же пара блатных ФИКСАТЬИИ и ЖОРИК, они до пояса раздеты, мускулисты, смуглы, исписаны татуировкой. Они не идут, а пританцовывают, несут в носилках три кирпича. Сбросив их на подмость, уходят, так же танцую и напевая, поглядывая на бригадира.

1 - й ка мен щ и к (*после их ухода*). Павел Тарасович! Дайте других подносчиков! Мне класть нечего. Что ж они, смеются?

Гай молчит. Граня и Шурочка, отвезя тачки, вернулись к правому пилястру.

Ш у р о ч к а (*понишла*). Боже мой, как тяжело... Хоть бы перерыв скорей.

Г р а н я (*смотрит вдаль*). А во-он телега едет. С соломой.

Шурочка. Отсюда видишь, что солома?

Граня. Я — зайца за километр вижу. А ветерок, чуешь, палым листом во-он из того леса... (Вдыхает.)

Шурочка. Неужели пахнет? Ой, как на волю хочется! Всё забыть, отдохнуть!

Граня. А мне — так и нет.

Шурочка. Что ты!

Граня. Я здешним воздухом надыхалась, столько здесь подлости навидалась — мне теперь ни на какой воле покою не будет.

Кран подает новую площадку. Граня перецепляет крюк и с грохотом укатывает тачку налево за сцену, куда тоже ведет тачечный ход. Шурочка с трудом катит вслед свою.

2-й каменщик (1-му). Пришло мне извещение на посылку, а саму посылку, говорят, назад отослали. Пока, мол, сто двадцать процентов не будет. Своих же харчей! Может такое быть? Хочу к начальнику сегодня пробиться.

1-й каменщик. А почему — не может? Где ты правду видел? Вон работяги ищачат, а блатные хоть бы что. Думаешь, им бригадир меньше твоей пайки дать?

2-й каменщик. Наш? Наш им ни хрена не дать! Никогда не уступит, увидишь.

4-й каменщик — он работает подсобником, вид у него истощенный — ослабев, опускается, садится.

3-й каменщик. Мишка! Мишка! Что с тобой?

4-й каменщик. Голова кружится. Дай посижу. Не могу...

2-й каменщик. Ну, пусть посидит.

3-й каменщик. Чего — пусть? А мне за двоих мантулить?

2-й каменщик. Ну, я подмогну. Доходит парень. Кипятка не пьет — с чего сила будет?

Работают. Подносчики-работяги почти бегом проносят перегруженные носилки и, опростав их, уходят снова. Появляются ФИКСАТЫЙ и ЖОРИК, опять покачиваясь, пританцовывая, на этот раз с единственным кирпичом. Они минуют Гая, поглядывая на него, бросают носилки, садятся. Граня и Шурочка продолжают возить.

Жорик. Ладно! Загораем! (*Ложится загорать.*)
Фиксатый садится. Потрясывая корпусом и кривляясь, поет противную песенку, прославляющую блатных.

Песенка

Гай неподвижен. Слева входит НАДЗИРАТЕЛЬНИЦА с буйными кудрями из-под военной фуражки. Заметив отдыхающего 4-го каменщика, подкрадывается и бьет его по шее.

Надзирательница. Работать надо, не сидеть, чурка!

4-й каменщик встает с трудом, начинает подавать третьему. Все каменщики работают живее. Фиксатый продолжает петь свою песенку и кривляться.

Надзирательница (*минуя блатных, Жорик*). Ну, чего пузо выставил? Красиво, да?

Жорик (*лежа*). Слушай, краля! Иди сюда! Иди полежим!

Надзирательница. Многого захотел! (*Уходит направо.*)

Фиксатый. Ну, ладно, покурим, что ли? Бригадир, дай бумажку.

Гай все так же неподвижен. Скала.

Фомин (*проходя*). Гай! Гай! Медленно эту стену кладешь. (*Показывает на левую.*) Из-за нее задержка.

Гай неподвижен.

Жорик (*приподнимаясь*). Бригадир! Иди покурим. Поговорить надо. Вообще.

Гай сразу крупными шагами сходит к ним и садится подле.

Фиксатый. Вот что, бригадир. Ты лагерный закон еще не знаешь. Нам работать — не положено. Это что мы работали — так, из уважения. Носилки забирай, другим давай, пусть мантулят.

Жорик. Короче, мы — в законе. Ясно?

Гай. В законе?

Жорик. В законе.

Гай. А — пайка вам положена?

Фиксатый. Да. Костыль — первый. А баланду нашу можешь работягам отдавать, нам с кухни носят, у нас и бациллы всегда.

Гай. Кто ж будет работать?

Жорик. Горбить? Мужики. Всякая мелочь. И — господа фашисты.

Гай. Что ж мы заработаем? Чем я буду кормить людей?

Фиксатый. А это пусть у тебя голова болит, как с начальничком рассчитываться.

Жорик. Вообще-то бригадир прав. Тут сосаловка. Ну, фраером не будешь — будешь с нами кушать, с людьми.

Гай. Так если вы в законе и работать вам не положено, — чтоб не понижать бригадного процента, вы оставайтесь там, в зоне.

Жорик. Ты что, маленький?

Фиксатый. Глупей себя ищешь?

Жорик. Мы не отказчики, век свободы не видать! Отказчиков в военное время на разводе — шлепали.

Фиксатый. Мы еще жить хотим.

Жорик. Умри ты сегодня, а я завтра!

Фиксатый. Процент подсчитаешь, на то ты бригадир.

Гай, приподнявшись, резким взмахом бьет в лицо одного блатного так, что тот опрокидывается, и тотчас же — второго. Они

пытаются вскочить, он наносит им еще удары, не давая подняться.

Фиксатый. Ты что, сука позорная?!

Жорик. Ты что делаешь, гад? Падло!

Гай. Кто падло? (Бьет.)

Фиксатый. Фашистская морда!

Гай. Кто фашистская морда? (Бьет.)

Жорик (отбегая). Караул! Фашисты бьют!

Быстро входит ГУРВИЧ, за ним — ФОМИН и ХОМИЧ. Они будто не замечают драки. В руках у Гурвича развернутый чертеж. Хомич поигрывает логарифмической линейкой.

Гурвич. Где полтора кирпича? Где полтора? Ты что — слепой? Чертежей читать не умеешь? (Показывает на левую стену.) Гай! Ломай стену! Ломай всю!

БЛАТНЫЕ угрожающе уходят направо. Фомин чешет затылок.

Хомич. Сэр! Ничего не выйдет! Пишите наряд на ломку стены.

Гурвич. Как это — на ломку стены? На скамью подсудимых, что ли? Половина десятников — пьяницы, половина — неграмотные...

Хомич. Эт-то ваше частное дело! Хотите, запишем строймусором?

Гурвич. Вот, из его (показывает на Фомина) зарплаты оплачу.

Фомин, протирая очки, понурился над чертежом.

Хомич (считая на линейке). С отноской мусора вручную на расстояние свыше ста метров, с подъемом десять метров, всего кубометров...

Гурвич. С каким еще подъемом? За три года по нарядам проверили: мы отнесли строймусора объемом больше, чем всё это здание!

Хомич. Значит, уже высокая куча, потому и подъем десять метров.

Гурвич. Я вам снег напишу, отоска снега.

Хомич. Снег дешевый, снегом вы и кубическим километром не рассчитаетесь.

Гурвич. Зато снег был, потаял — никакая ре-визия не придерется. Давай ломай, Гай, ломай всю стену и в два кирпича снова перекладывай.

Гай (*мрачно, в сторону крана*). Женька! Крикни там, ломá и большие молотá пусть поднимут. Раствор пока не надо.

ГУРВИЧ уходит, за ним ХОМИЧ. Справа выглядывает ЖЕНЬКА, он раскатисто кричит вниз.

Женька. Э-эй! Ар-тисты! Идите в инструменталку, возьмите два лома, два больших молота, тащите на подъёмник! (*Скрывается.*)

Фомин. Павел! Ты хоть ломай так, чтобы кирпичи целые оставались.

Гай. Ну, покажите — так, чтоб целые?

ФОМИН машет рукой, уходит.

(*Подносчикам-работягам.*) А вы пока носите — на ту кладку. (*Показывает налево.*) Шура, иди и ты туда, кирпич перекидывай.

ШУРОЧКА уходит. Подносчики начинают носить кирпичи налево. Гай садится.

Граня. А мне куда, Паша?

Гай. Сейчас. И тебе работу найдем.

Граня. Смел ты! Один на двоих, да еще таких.

Гай. А с ними иначе нельзя. Этих блатарей, паразитов, я с первой пересылки бью и до последнего лагеря буду бить. Мы — «враги», а они — «друзья народа»! Наверно, их начальство для того и держит, чтоб нашу кровь сосать. Отдали им пятьдесят восьмую терзать, не отделяют ни в камерах, ни в этажах... А наши — боятся.

Кран подымает ломы и молоты. Каменщики разбирают их и начинают бить стену. Она поддается — кирпичами и слитками их. Гай сидит мрачно.

Г р а н я . Ты всё хмуришься. Как бригаду накормить?

Г а й . Пропади оно, это бригадирство, зачем я за него взялся! Если работяга ослаб и нормы не одолевает — что мне остается? По спине его?

Г р а н я . Павел! Ну, бригадир всё равно будет, не ты, как другой. Да стерва попадетсЯ. Работягам только хуже.

Г а й . Так рассуждать — знаешь... *(Задумывается.)*

Долгая пауза. Рабочие шумы стройки.

Моя дивизия на Эльбе войну кончила, а я — здесь... Теперь дезертиров отпустили, фронтовиков держат. Куда всё — идет? Как это понять? И что надо делать?

Г р а н я . Ну почему, Паша, это всё твоей голове решать?

Г а й . А кому? *(Вздыхает.)* Были у меня друзья по камере в контрразведке — разбросали нас. Кого на Енисей, кого в Джезказган, кого черт знает...

Г р а н я *(берет его за плечи)*. У тебя и здесь друг.

Г а й . Ты — женщина и бытовичка.

Г р а н я . Я фронтá прошла, как и ты. Я немецкого разведчика врукопашную заколола. И те самые переправы видела, что ты. И на тех плацдармах землю грызла.

Г а й . Дадут тебе амнистию — ты через год всё забудешь.

Г р а н я . Ну и ты забудешь.

Г а й . Нет, я не забуду.

Входит ХОМИЧ, но, увидев их, отступает.

Слушай, был у нас в камере человек, говорил так: если б не жили люди семьями — ни один тиран не удержал-

ся бы на троне. Снесли б его, как водой! То-то и оно, что нам шею ломают, а мы всё семьями обзаводимся.

Г р а н я . Паша! Ну что ты сравниваешь — ну какая тут семья?

Г а й . Всё равно, эта любовь нам все руки-ноги путает. Теперь завели моду при КВЧ танцевать под баян. Так что? Танцуют! Десять лет им вlepили ни за хрен, дуракам, — танцуют!!

Г р а н я . Э-э-эх, горюшко ты мое, горе... Пожалеешь когда-нибудь и ты обо мне...

Где-то за зданием внизу раздаётся звон об рельс. Каменщики бросают работу. Справа входит ЖЕНЬКА.

Ж е н ь к а . Таш-кент! Наша бригада на обед последняя!.. (Ложится.)

2 - й к а м е н щ и к . Правда, братцы, ночью был шмон, не доспали, давайте поспим!

Каменщики располагаются на подмостках. Гай идет на середину сцены, ложится навзничь, неподвижен. Вместо него к Гране садится ШУРОЧКА, она рассматривает себя в карманное зеркальце.

Ш у р о ч к а . Годы идут, Граня... Надо в лагере замуж выходить. Кому мы потом на воле?.. (Пауза.) Правду говорят, тебе Борис хлеборезку предлагал, а ты отказалась?

Г р а н я . Предлагал.

Ш у р о ч к а . Ну знаешь, ты в гнилого интеллигента превращаешься. Это редкий в лагере человек, кто б от хлеборезки сам отказался. Сыта, к зиме тепло, в юбочке, в блузочке, — а тут вата вон из брюк вылезает, да машина ОСО, две ручки, одно колесо...

Г р а н я . С какой душой можно работягу обвесить хоть на грамм?.. Я для себя решила: по-лагерному не жить. Лишь бы мне сволочью не стать! — а жива-нежива — какая разница?

Снова появляется ХОМИЧ, проходит впереди.

Х о м и ч . Здравствуй, Граня.

Пауза. Граня поднимается ему навстречу.

Слушайте, леди, давно хочу вас спросить: с бригадиром уже... у-гм? Нормально?

Г р а н я (с догадкой). Да ты не на этап ли его метишь?..

Х о м и ч . Что это, от меня зависит? (Хочет пройти, она его задерживает.)

Г р а н я . Слушай... Давно и я хочу тебя спросить... А ты... в оперативной части... подрабатываешь?

Х о м и ч (отшатываясь). Ты обнаглела! Пусти!

Г р а н я (держит его.) Ты, может, на него... материальчик оформляешь? (Трясет его.) Слушай! Если только опер начнет ему м о т а т ь ... Или на этап его отправят... я тебя — убью!!

Х о м и ч . Ты с ума сошла. При чем буду я?

Г р а н я . Смотри, я словами не бросаюсь. Не тако-го, как ты, убила, а тебя мне убить — что гусеницу раздавить... зеленую... (Отталкивает.)

Х о м и ч . Ты какая-то заклятая. Я таких женщин не встречал никогда. У тебя сердца нет...

Никем не замеченные справа бесшумно вбегают ЖОРИК и ФИКСАТЫЙ и бросаются душить и бить спящего Гая. Первый их замечает ХОМИЧ — убегает налево, еще остановясь, чтоб оглянуться. Граня коротко вскрикивает, Шурочка — пронзительно, разбудив всех. Работяги поднимаются, однако, никто не решается приблизиться, некоторые притворяются спящими
опять.

Г р а н я . Ну что же вы! Спасайте бригадира! Вы, пятьдесят восьмая дерьмовая, черт бы вас драл!

Граня впиивается в одного из блатных. Хрипение. Стоны и бес-связные выкрики борьбы. Гай мучительно-постепенно начинает подыматься, и все четверо беспорядочной кучей заваливаются

направо, скрывшись от зрителя. Все остальные только наблюдают, Шурочка взвизгивает.

Справа на сцену влетает и валится, отброшенный мощным ударом, ЖОРИК. Отступая под частыми ударами короткой тесины из рук ГАЯ, — ФИКСАТЫЙ падает на шлак между балками и тщетно пытается встать. За ними — ГРАНЯ, пошатываясь. Гай стоит между упавшими и, задыхаясь, измученно-ленными движениями бьет поочередно по голове того и другого. Тесина ломается. Гай ищет другую, в этот момент слева вбегает ЛЁНЬЧИК. Он бежит балетно, легко перепрыгивает через сидящего работягу, при этом налету оборачивает фуражку козырьком на затылок. Граня только успевает крикнуть: «Сзади! Сзади!» Едва обернувшись, Гай встречает Лёньчика, они катятся, вскакивают уже на парапете задней стены и пытаются столкнуть друг друга с крыши. Фиксатый сидит, очумев, в крови. Жорик поднимается с ножом и метит Гаю в спину. Граня ударяет его тесиной по голове, подхватывает выроненный нож, взбегаёт на левый пилястр. Жорик снизу толкает ее длинной тесиной за стену, Граня, едва не сорвавшись, перехватывает доску, они борются за нее.

Л ё н ь ч и к . Фашист, падло!

Г а й . Кто фашист? Кто фашист?

Упав, борются на парапете. Висящая люлька подъемника показывает обрез стены. Фиксатый встает, подхватывает лом и идет к ним. Но справа вбегает в своей изорванной спецовке и лихой шапчёнке ЧЕГЕНЁВ и, сразу оценив обстановку, догоняет Фиксатого, вырывает у него лом уже на размахе и ломом бьет. Фиксатый падает с криком. Жорик обернулся, покидает Граню, бросается на Чегенева. Тот сильно размахивается ломом, но Жорик уворачивается, и, спецившись, они катятся. Гай ухватывает Лёньчика за горло обеими руками, перетягивает за стену и держит на весу.

Г а й . Опустить? Опустить, гад, с четвертого этажа? Кто фашист? Говори, кто фашист? (За шею же поднимает Лёньчика на стену, оставляет на парапете.)

Граня, убежав с пилястра по разрушаемой стене, сверху бросает
Гаю нож.

Г р а н я . Держи, Паша!
Г а й (*поймав*). Хор-рошая финочка!

Фиксатый встает, Граня прыгает на него, сбивает с ног. Жорик одолел Чегенёва, душит. Гай бежит, сваливает Жорика вниз, наступает на него, заносит нож.

Ну, господин блатной, молись своему богу!

Ж о р и к (*гадко*). Прости, Паша!

Л ё н ь ч и к (*сидя*). Павло! Друзья будем. Слово вора, век свободы не видать! Мир.

Г а й (*торжествующе оглядывая всех троих*). Что-о, социально-близкие? Теперь честное благородное? (*Жо-рику и Фиксатому*.) Там (*указывает направо*) осталось четыреста кирпичей, — чтобы к концу перерыва они были (*указывает за сцену налево*) на рабочем месте! Марш!

ФИКСАТЫЙ и ЖОРИК берут носилки и уходят направо. Че-генёв сидит отдуваясь.

Г а й (*Чегенёву*). Спасибо, казак!

Л ё н ь ч и к (*щупая шею*). Ну и грабли у тебя.

Г а й . Это что, по вашему з а к о н у — на сонного нападать?

Л ё н ь ч и к . Они без меня напали.

Г а й . Только за то я тебя и со стены не спустил. Ты у них — пахан, пойдн политбеседу проведи.

Л ё н ь ч и к . Всё! Друзья, сказал. (*Каменщикам*.) А вы, мужики, (*грозит*) молчите, что воров побили! Молчите! (*Уходит направо*.)

Ш у р о ч к а (*молитвенно*). Вы — античный герой, Павел Тарасович!

Г а й . Сволочи! Если б не на сонного, я б их не так измолотил...

Гай всё еще не может отдышаться. В опущенной руке его —

нож. Грания подходит к нему сзади, обнимает, кладет голову на плечо. Справа появляется ЖОРИК и ФИКСАТЫЙ с носилками, где штук пятьдесят кирпичей. Пока они пересекают сцену, закрывается

разрисованный занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

КОНЦЕРТ

Просторная комната с временными полами и неоштукатуренными, только одранкованными стенами. В задней стене — два высоких окна, за ними — густая ночь. В комнате — яркий свет. У левой стены — несколько приступков наверх, к двери на «сцену». Ближе — ширмочка из декорации к какой-то пьесе, поставленная для переодевания женщин. Около ширмочки, почти на авансцене — скамья, прислоном, на ней сидят НЕМОВ в черном, лагерном, и ЛЮБА, одетая для концерта.

Комната наполнена возбужденной суетой: переодеваются, репетируют, ищут не достающие по ходу представления вещи, убегают на «сцену» и возвращаются, дверь туда часто остается открытой, и тогда слышны отрывки водевиля, действующие лица которого:

- глупый немецкий офицер — нарядчик КОСТЯ
- его денщик-идиот
- старуха в платке
- ее дочь-подпольщица — ШУРОЧКА
- внук пионер — ДИМКА
- страшный чернобородый партизан, идущий на «сцену»
только к развязке.

Небольшой эстрадный оркестр и с ним ЖЕНЬКА сбились справа в глубине, пытаются тихо репетировать, но получается громко. Больше всех носится расторопный рыжий конферансье ВИТЬКА.

Конферансье (оркестру). Тихо, орлы!
Кто-то. Витька! Ужин артистам будет?

Конферансье. Сигнальщик передал — повар в бухгалтерии! (Убегает.)

Входит ГОНТУАР.

Гонтуар (устало). Пионер! Неси ружье.

ДИМКА уходит с бутафорским ружьем.

Женька (проверяя голос).

Мы летим, ковыляя во мгле,
На честном слове и на одном крыле.

Голос Кости со «сцены». Их верде вас всех перестрелять, руссише швайне!

Конферансье (вбегая). Где макитра? Что вы делаете!

Несут бутафорскую макитру.

Кто-то. Витька! Повтори, кто за кем.

Конферансье. Женька! Вот лейтенант записку прислал: «Песню американского бомбардировщика» не пускать!

Женька. Почему не пускать? Союзники!

Конферансье. Ну почему, почему! Были когда-то! Почему! Дуй «Синий платочек». Внимание, друзья! После водевиля «Глупый немец» — сразу оркестр, «Песню о родине», вторым номером Негневицкая, потом Женька — «Синий платочек», потом Димка — «казачок», опять Негневицкая, марш, оркестр уходит и — «Волки и овцы».

Гул среди артистов.

Шурочка. Камилл Леопольдович, ну как идет?

Из «зала» — громкие аплодисменты.

Гонтуар. Вы же слышите сами... «Допущено внутри ГУЛАГа»!

Конферансье. Не знаю, не знаю, не знаю!
(Убегает.)

Со «сцены». Ты думаешь, как я старуха, так я ваших танков испугалась? Переведи ему, внучек, — да здравствуют колхозы!

Аплодисменты.

Гонтуар (говорит безо всякого иностранного акцента). О таком ли искусстве мечтали мы, когда в девятнадцатом году ехали в молодую Россию энтузиастов создавать неотеатр, невиданный в истории человечества?!

Мы радугу тебе — дугой!
А Млечный Путь — на сбрую! —
О, вывези наш шар земной
На колею иную!

Садится гримироваться под Лыняева. ШУРОЧКА уходит на «сцену».

Женька (поет печально).

Мы летим, ковыляя во мгле,
На честном слове и на одном крыле...

Люба. Мне было шесть лет тогда. Я смутно помню огромную баржу с раскулаченными. В трюме не было ни перегородок, ни этажей, просто лежали люди на людях. Может, потому, что я была маленькая, — стены баржи казались мне высокими, как утесы, — и там, на самом верху, ходили часовые с винтовками. Ссылали всю нашу семью, но два старших брата уже не жили с нами, их не коснулось. От последней пересылки они догоняли нас в лодке и всё искали случая выручить семью. Это не удалось, но начальнику конвоя они отдали рубашку с застежкой «молния» — тогда такие только входили в моду — и он продал им меня.

Как меня брали — не помню, не помню... Ехали потом в лодке, и очень сверкала вода от солнца.

Не м о в . А родители?

Л ю б а . Все умерли в тундре, Родя, умерли с голоду, их пустили без ничего в голую тундру — как же проживешь?

К о н ф е р а н с ь е . Братцы, внимание! От советского информбюро! Ужин — утвержден! Содержание выясняется.

Оркестр негромко играет туш.

Л ю б а . А как мы жили потом! Комнаты не было, пять лет в темных проходных сенях, нет даже окна, чтобы готовить уроки. В школу всегда иду одетая, как нищая, есть хочется. И нельзя жаловаться, нельзя просить помощи, чтоб никто не узнал, что мы раскулаченные. А одеваться хочется! И в кино хочется! Брат женился, свои дети... И в четырнадцать лет меня выдали замуж...

Не м о в . Че-тырнадцати?..

Водевиль кончился. Шум, движение. ШУРОЧКА бежит за ширму переодеваться.

К о н ф е р а н с ь е . Оркестр, на сцену! Любка, приготовься!

Г о л о с а . Да ты целый кусок пропустил!

— Я потом вернулся.

— Где вазелин?

— Кто на платьях сидел, что за хамство?

— Ой, жа-ра!

«Старуха» в сбившемся платке прыжком садится на стол, лихо закуривает.

«С т а р у х а» (оркестру). Привет босякам Москвы!

Д и м к а . Камилл Леопольдович! А я здорово роль знал!

Кто-то. Малолетка! А за что ты сидишь?

Димка. А я из ремесленного убёг. Жрать ни хрена не давали.

Кто-то. Еще хуже попал.

Димка. Хо! Теперь я какую пайку имею! И жить научился.

Гонтуар (*гримируясь*). И что же ты понимаешь под словом жить?

Димка. А чтоб не ишачить. Пусть другие ишачат. (*Переодевается в казачка для пляски.*)

ШУРОЧКА выходит из-за ширмы в костюме Глафиры из «Волков и овец».

Шурочка. Что вы со мной сделали! Я такая нервная, я такая нервная!!

Немов (*удерживая Любу*). Подожди минутку!

Люба. Мне идет это платье?

Немов. Что тебе не идет!

Люба. Я обожаю выступать, и чтобы к каждому номеру в новом платье!

Конферансье. Любка! Сколько раз говорить!

ЛЮБА убегает. Немов неотрывно смотрит вслед.

Шурочка (*уже гримируясь*). Родион Павлыч, вы слышали, как Леопольдович читал сегодня Толстого?

Немов. А?

Шурочка. Чему вы там улыбаетесь?

Немов. Улыбаюсь?

Шурочка. Обидно, так плохо слушали, разговаривали. Во всем зале могло быть только несколько ценителей — и вот вы не слышали!.. Это из «Войны и мира», отрывок о дубе.

Немов (*оживляясь*). О черном дубе, который задеденел?!

Гонтуар. Я не исправим. Мне всё хочется верить, что красивое приподнимает людей. Мне всё хо-

чется кого-то подбодрить, что в жизни не только баланда, развод и шмон.

К о н ф е р а н с ь е . «Синий платочек»! Приготовиться! Внимание, друзья! Дополнительный ужин уточнён: по одному пончику и по две ложки рисовой каши!

Ш у р о ч к а . Рисовой? Ты бредишь! Да разве на свете есть рис?

К т о - т о . А что́ это такое?

КОНФЕРАНСЬЕ убегает, оставив дверь раскрытой. Слышно, как Люба кончает петь

А тебя об одном попрошу—
Ты напрасно меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на бóльшее ты не рассчитывай!

Долгие шумные аплодисменты, крики «бис!». **ЛЮБА** появляется в дверях, но возвращается на «сцену».

Ш у р о ч к а . Камилл Леопольдович! Ходит параша, что на днях будет большой этап. Пятьдесят восьмой статьи.

Г о н т у а р . Перед праздником — вполне допускаю. Но бывает ли в лагере хоть один день без параш?

Ш у р о ч к а . Ой, сил нет еще куда-нибудь ехать на зиму! Хоть бы этапами нас не мучили!

ЛЮБА вбегает, но, едва пробежав до Немова, убегает опять.
Аплодисменты.

Г о н т у а р . Я вот слышал другое, вы не слышали? Что перед нашим приездом арестовали здесь — ну, взяли в шизо — одного молоденького поэта — стихи у него фельдшер вытащил из-под подушки. И теперь под следствием, говорят, он умирает...

Аплодисменты. Возвращается **ЛЮБА**, сияющая, стремительная.

Ш у р о ч к а . Я поздравляю тебя, Люба. Ты — почти как Шульженко.

Л ю б а . Правда? Ты заметила? Все говорят, что я на нее очень похожа. И — попала в тональность, боялась не попасть. Ну, переодеваться! Родик, быстро, помогай!

Она забегает за ширму, оттуда время от времени появляется ее обнаженная рука, подающая или берущая от Немова что-нибудь из частей туалета, сложенных на скамье.

Л ю б а (*из-за ширмы*). Возьми!.. На, положи!.. Вон то, под голубеньким!.. Да осторожней, не помни, это же всё чужое, от вольняшек. Иди застегни мне! Сюда иди, сюда!

Немов обходит ширму с задней от зрителей стороны, скрывается там. Потом ширма сама поворачивается так, что открывает Любу и Немова зрителям, но скрывает от остальной комнаты. Люба смотрится в ручное зеркало. Немов застегивает ей сзади платье, целует в шею, обнимает, оборачивает к себе. Долгий поцелуй.

Не м о в . Любонька! Что со мной?..

Л ю б а . А что с тобой? (*Целуются.*)

Не м о в . Кто-то тебя так научил целоваться?

Л ю б а . Научи-илась... (*Целуются.*)

Не м о в . Ты... просто отчаянная какая-то. Ты меня... выпиваешь всего. Я теперь не буду без тебя, слышишь? Я не могу без тебя!..

Л ю б а . Сегодня познакомились — и уже не можешь?

Не м о в . С тех пор, как я арестован — я как в черном дыму, я улыбаться перестал. А с тобой мне так хорошо стало, будто ты меня о с в о б о д и л а ! На волю выпустила!

Л ю б а . Говори еще...

Не м о в . После этой твоей баржи, этих темных сеней — ты мне как сестрѣнка обиженная младшая! И вдруг — так невозможно целуешься, в руках так бьешься! Я — полюбил тебя, Любонька!..

Л ю б а . Как это может быть? У тебя жена...

Немов. Где-то за тридевять проволок и на десять лет... Я сам не понимаю, как это может быть...

Люба. Ты не знаешь, какая я... Первый муж меня бил, я от него ушла, второй беспутничал, а когда меня арестовали — отказался от меня. С тех пор...

Немов. Бедная ты моя, бедная...

Люба. Я совсем не бедная, Родик. С тех пор я — жила не с одним...

Немов (*вздрагивая*). Со многими?

Люба. Не с одним... Ты не можешь меня любить.

Немов. Любушка! Но ведь тебе пришлось так, ты... не из жадности?

Люба. А если как раз — из жадности?.. Ты думаешь — замужество в четырнадцать лет проходит даром?

Немов. Люба! Тебя для этого ли спасали с баржи!?

Люба (*оплетая ему шею*). Нежный ты мой! Почему я раньше тебя не встретила?..

Конферансье. Любка! Где ты есть? На сцену!

Люба (*еще целует Родиона*). И-ду!.. (*Медленным безвольным шагом уходит.*)

Немов опускается на скамью, перебирает пальцами платье, снятое Любой. Кто-то тихо играет на гитаре в дальнем углу.

Шурочка (*в сторону Немова, внятно*). «Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего не дастит...»

Немов оглядывается.

Это я роль повторяю, роль. Это Островский написал. Вы так сияете! Вам подарили неразменный целковый? Честное слово, я вам завидую.

Немов. Я сам себе... завидую.

Шурочка (*наклоняясь к нему*). Вы — всё знаете о Любе?

Немов (*раздельно*). Я ничего не хочу знать.

Шурочка отходит. Слышно пение Любы. Подходит уже разгримированный КОСТЯ в своей обычной военной форме.

К о с т я . Ну, как живешь, Родион? Ты, я вижу, не теряешься?

Н е м о в . А ты?

К о с т я . Я — нормально. Ну, немножко хреново. С кублом разошелся. Рубен, гадища, сети плетет. Хомич выгрябывается. С тобой я попух отчасти, не думал, что ты так скоро загремишь. Кажется, в общем, г о р ю. (Отходит.)

Бурные аплодисменты. Не сразу возвращается ЛЮБА, когда оркестр уже играет марш. Она молча садится около Родиона.

Он берет ее за руку.

К о н ф е р а н с ъ е . Камилл Леопольдович! «Волки и овцы» — на старт! Любка, расти! — тебе хлопал сам начальник лагеря! (Убегает.)

Л ю б а . Почему ты не ходил меня слушать?

Н е м о в . Где мы встретимся? Одни!..

Л ю б а . Родик! А может — не нужно?

Н е м о в . Нет, абсолютно нужно! Я теперь не оторвусь от тебя!

Л ю б а (вздыхает). Давай я буду твоя сестра! Я буду хорошая сестра, увидишь.

Н е м о в . Нет! (Оглядывается, увлекает Любу за ширму. Целуются.) После твоего поцелуя мне — хоть и не жить... Где ты так целоваться научилась?..

Л ю б а (ласкается). Если б я могла перемениться для тебя! Стать чистенькой-чистенькой!

Н е м о в . Где мы встретимся? Где?

Л ю б а . Ну что ж, в литейку к тебе буду приходить... на чердак, где кокс. (Пауза.) Обязательно, да? Обязательно? (Выходят, садятся на скамью.) А что будет из этого, ты не думаешь? (Со внезапной силой.) Скажи, родной! А ты есть не хочешь сейчас? Я есть хочу! Я голодная! Я всю жизнь хотела есть!! Разве мы с тобой в лагере проживем? Устраиваться ты не

умеешь, работать ты ничего не умеешь. Один ты еще как-нибудь выплывешь, а со мной потонешь. Да ты сам скоро откажешься от меня.

Не м о в . Нет! Ни за что!!

Л ю б а . Прораб меня выгонит на общие...

Не м о в (с тревогой). Прораб зачем тебя взял в посылные?

Л ю б а . Это принято в лагерях. Так делают все...

Не м о в . И ты с ним?!

Л ю б а . Да пока еще нет. Просто некогда ему. То к телефону...

Не м о в . Но если завтра у него будет время?..

Л ю б а . А ты мне другого такого места не найдешь?

Не м о в . Люба! Люба! С этого дня...

Л ю б а . Ну зачем я тебе! Ведь я же — лагерная ш а л а ш о в к а ! . .

Шумно вваливается оркестр. Гул голосов. Кладут инструменты. Гонтуар и Шурочка идут на сцену, навстречу им КОЛОДЕЙ, ХОМИЧ, МЕРЕЩУН.

К о л о д е й . Ух какой ты размазался! Смешная будет пьеса?

Г о н т у а р . Смешная.

К о л о д е й . Значит, посмеемся. После работы — почему не посмеяться? А то ты рассказывал что-то, как кот за хвост тянул — дуб да ёлки, уж и так лесоповал всем надоел.

ГОНТУАР уходит. Мерещун громко смеется.

Нет, правда, в том дубе, может, каких четыре кубометра, а разговору!

Х о м и ч . Где она? Где она, обольстительница? Любочка? Пела — блистательно, а сама — помпезна! Успех — голливудский! Сам начальник лагеря хлопал! Поздравляю! (Жмёт руку.)

К о л о д е й (обходя комнату). Ну, как тут? Режим не нарушаете?

М е р е щ у н . Любочка! Сколько огня, сколько экспрессии! (*Жмёт ей руку, садится рядом на скамью, по другую сторону от Немова.*) Слушал Шульженко — ты ничуть не хуже! Сейчас бы в Сочи телеграмму — чтоб тебе букет! самолетом!

Л ю б а (*польщена*). Спасибо, спасибо!

М е р е щ у н (*беря ее за локоть*). А почему в санчасть никогда не зайдём? На пару деньков освободить тебя перед праздниками?

Л ю б а . А зачем? Я не больна.

М е р е щ у н . Ну как-ак зачем! Женские дела — голову помыть спокойно, постирать там. Приходи завтра, освобожу. Придешь?

Х о м и ч . Ну как, Немов, в литейке? тяжело. Понимаете, сижу целыми днями, думаю — ничего не могу для вас выдумать.

Н е м о в . Я благодарен. Я лучшего не просил.

Х о м и ч . Ну да, но культурные люди должны быть джентльменами, надо помогать, надо выручать... (*Увидев Женьку.*) Слушайте, мистер, вы же прекрасно поете, но почему не классику?

Ж е н ь к а . Я уж писал домой, чтоб мне Чайковского...

Х о м и ч . Зачем Чайковского? Возьми ты «Цыганский барон», возьми «Голубая мазурка»...

К о н ф е р а н с ь е . Кто в зал — проходи! Начинаем!

Уходит большинство АРТИСТОВ, ХОМИЧ.

К о л о д е й . Не начинайте! Еще я пойду. (*Немову.*) Алё! А ты что здесь? Встань, когда с тобой говорят.

Немов встает.

Зачем ты здесь?

Н е м о в . Так просто, гражданин начальник.

К о л о д е й . Так просто не бывает. У заклю-

ченных всегда задние мысли. Ты же не артист? Иди в зал.

Немов. Гражданин начальник, какая разница? Я отсюда смотрю.

Колодей. Не положено отсюда смотреть. Был зав. производством — смотри, откуда хочешь. А сейчас работяга? Кончились денечки, иди, где все.

Немов. Разрешите, я останусь, гражданин начальник.

Колодей (сердясь). Говорю — не положено! Тут — зона рядом. Может, ты побег готовишь. Иди, иди, пока в кондей не послали.

НЕМОВ уходит, оглядываясь на Любу.

Доктор!

Мерещун (сидя). Что скажешь, начальник?

Колодей (тихо). Там спирт есть у тебя?

Мерещун. Вообще нет. Но для тебя поищем.

Колодей. А для других и не надо. Грамм сто приготовь. Приду после концерта.

Мерещун. Ладно.

Колодей. Ну так что? Начинаете? Пойдем посмеемся. (Уходит.)

Спектакль почти не слышен. В комнате остался мало кто.

Мерещун. Люба, я был в армии начсандив, полковник, так что мне садиться было тяжелей, чем другим. Но хлебнул я тридцать дней общих работ, опухли ноги, так что сапог снять не могли — смирился. И теперь меня из санчасти калачом не выманишь. Любочка! Санчасть в лагере — это всё! Я тебя в санчасти устрою. Раздатчицей.

Люба. Я и так устроена...

Мерещун. Посыльной? Тоже мне устроена! Устраиваться надо, чтоб за зону не ходить, чтобы до конца срока! Я только молчу, а знаешь, какие корни я здесь пустил? Скорей начальника лагеря на этап шуга-

нут, чем меня. Ты думаешь, я тебя на одну ночь зову? Любочка, нет! В законе будем! Будем жить.

Люба молчит.

М е р е щ у н . Сейчас посылка пришла. (Берет ее за руки.) Ты — настоящие пирожные сколько лет, как не ела? Настоящие пирожные «Наполеон»! Колбаса настоящая! Американская тушёнка — мечта!

Л ю б а (отнимает руки). Очень рада за вас, доктор. Вот и покушайте с кем-нибудь... с другой...

М е р е щ у н . А я с тобой хочу, Любочка! (Обнимает ее.)

Л ю б а (слабым голосом). Доктор! Кто может устоять?.. Любая женщина в лагере — ваша. Ну, не на мне же клином... Мне так тяжело слышать сейчас это всё... (Освобождается от его рук. Сидит понурясь.)

Одинокий оркестрант издает печальные звуки на духовом.

Разрисованный занавес

В антракте, как и в двух первых — смена часовых на вышках. Развод проходит перед первым рядом партера, отгоняя попавшихся зрителей.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

БРОНЗА ПОШЛА!

Литейка. Печь для бронзы перестроена еще на новый лад. В щели ее иногда виден огонек. Около печи — МУНИЦА и ЯХИМЧУК. Муница очень суетлив, все время заглядывает в смотровое окошечко. Яхимчук — сдержан. Близ печи — несколько заформованных опок. НЕМОВ лопатой перемешивает формовочную

землю. Дверь сушилки распахнута. На крыше сушилки ЧЕГЕНЕВ прибирает хлам.

Муница. Плавится, проститутка, плавится! (*Приплясывает.*) За яких пятнадцать хвильн пиде бронза перший кляс!

Чегенев. Теперь пойдет, как батя тебе помог.

Муница. А що мэни Николай? Я сам мав и липше збудовать. Мэни видно, що форсунку потрибно малэньку.

Яхимчук. Як тó така дурньца — що ж вы нэ допэклы? Що ж ваша бронза выгорала дочыста?

Чегенев (*разбирая хлам*). Арматура, трубы, опокы, вот набралось! Что б мы делали, если б праздников не было, а? Сейчас всё, что нужно, что не нужно в печку покидаю, и будет у меня порядок!

Слева входит ЛЮБА в запахнутой телогрейке, дверь за ней сильно хлопает.

Люба. Тут Кузнецова не было?

Литейщики, занятые каждый своим делом, не отвечают. Люба делает знак Немову, тихо идет к сушилке. Немов за ней. Стоя в дверях сушилки, зияющей чернотой, как пещера, они разговаривают тихо.

Немов. Что ты, Лю?

Люба (*в большом волнении*). Родик! (*Обнимает его.*) Я — на всякий случай... Попрощаться!

Немов. Этап? Да?

Люба. Этап.

Немов. Но подожди, может, мы еще... может, нас?..

Люба. Неужели ты думаешь, Тимофей стерпит всё, как сейчас есть? Или тебя, или меня... (*Пауза.*) Хорошо тебе было эту недельку... со мной?

Немов (*глядя ее лицо*). Так хорошо!.. Столько счастья!..

Люба. Спасибо и тебе! Я эту недельку глубоко спрячу, я ее — навсегда...

Немов. Слушай, ну неужели мы ничего не можем?..

Люба (живо). Можем! Мы можем и уцелеть! Мы можем и любить друг друга очень-очень тайком, — только обещай... только согласишься... Разделить меня. С Тимофеем. Я буду приносить тебе и покушать!

Немов. И ты могла бы?..

Люба. Я бы могла! Братик мой — ты сможешь? Ну примиись! Зачем тебе уезжать? Ну, я хоть буду видеть тебя издали...

Немов (сжимает ее). Никому ни кусочка тебя, Любашенька!

Люба (высвобождаясь, печально). Ну, значит, тогда... всю меня... Тогда — всю... (Медленно отступает к главной двери.)

Дверь хлопает, вбегает радостный ДИМКА.

Димка. Ура-а! Звезду зажгли! На главном корпусе! Ура-а! (Сделав круг и едва не сшибив Любу, убегает.)

Дверь хлопает. Немов неподвижен. ЛЮБА уходит. Дверь хлопает.

Чегенев (присел на сушилке, посмотрел через верхние окна, куда указал Димка. С верха сушилки подражает приемам оратора). Товарищи, внимание! Сегодняшнее празднование в нашем лагере будет отмечено особенно торжественно. На повестке дня. Первое. Доблестная трудовая вахта Макара. Второе. Этап непокорных на лесоповал, человек сорок-пятьдесят.

Яхимчук. Ты накаркаешь.

Чегенев. Третье. Отнесли Игорька в морг и прокололи штыком. Четвертое. Шмон в бараках со взламыванием полов и переворачиванием матрасов. Пятое. Шмон на вахте со снятием кальсон. Шестое. Стаханов-

ский слёт лучших работяг с выдачей каждому по одному пирожку с пшеном, а мука и пшено будут удержаны со всего лагеря за следующую неделю. Седьмое. Бесплатное кино «Сталин в 1905-м году» с давкой в дверях и сидением на головах. Эх-ма́, да не до-ма́! (Вскакивает верхом на подходящий предмет.) По ко-ням! Сабли вон! (Делает вид, что скачет, размахивает воображаемой саблей. Локти его вылезают в прорези рукавов.)

Я х и м ч у к . Ой, шпана, докричишься ты.

Ч е г е н е в . Да будь оно проклято, батя, ты думаешь я за литейку держусь? Ну, дали бы мне лет пять, я бы в охотку погорбил, — ну зачем пятнадцать сунули? Пятнадцать — зачем? Нет уж, остаток срока пусть мне пахан сухим пайком выдает!

М у н и ц а . Як то — сухим пайком?

Ч е г е н е в (показывает на кончике пальца). Девять грамм. (Показывает себе в голову и свисает, как умер.)

Входят КАПЛЮЖНИКОВ — дородный опрятный мужчина в хорошей шубе, ГУРВИЧ и БРЫЛОВ. Ветер еще сильнее захлопывает за ними дверь. Они не замечают Чегенева, тот бесшумно принимает рабочее положение, еще некоторое время убирает на сушилке, позже соскакивает вниз. Немов перелопачивает формочную землю.

Б р ы л о в . Товарищ главный инженер! У Брылова — твердо слово. Я сказал: будет бронза. И будет. Я понимаю — экскаваторы стоят. По моей инициативе.

Г у р в и ч . По чьей инициативе — это мы не здесь обсудим. Ты мне палки в колеса...

Б р ы л о в . Эх, Арнольд Ефимыч, стыдно вам так говорить! Добрую лошадь одной рукой бей, другой слезы утирай. Вы ходите командуете, а я сижусь над печкой, голову ломаю... Спросите ребят!

М у н и ц а (хохочет и бьет себя по ляжкам). За яких пять хвылын — и бронза! Макар литейное дило розумие!

Я х и м ч у к (опершись о счищальку, как о долгий

меч). Вы бы, Макар, показали лучше гражданину начальнику, яки у вас штаны.

Макар показывает. Брюки его совсем изорваны.

Каплюжников. Гурвич! Правда, почему спецовок им не выдаешь?

Гурвич. Илья Афанасьевич, но вы же сами знаете — в тресте на это нет фондов.

Каплюжников. Фондов нет? Ну, в лагерь напиши, может, там что найдут...

Яхимчук. Там — не обязаны. Потом у нас горячий цех, мы такие ж рабочие — почему нам молока не дают, как вольным?

Каплюжников (*изумлен*). Молока-а вам? Еще чего! Может, меду пчелиного? А? Ну, знаете, товарищи... то есть не товарищи... Так можно дойти до... я не знаю... С этим сейчас трудности, понятно?

Яхимчук. Всё понятно, гражданин начальник. Шаг вправо, шаг влево — конвой открывает огонь.

Каплюжников (*как бы не дослышав*). Гурвич! А когда будут балки, плиты?

Гурвич. Брылов! Как с чугуном? Почему чугун не наформовано?

Брылов. Яхимчук! Чугун подан наверх?

Яхимчук. Да что чугун подать? — два дня. А формовать кто будет?

Брылов (*Гуричу*). Чегенев формует, что попроще, а Макар бронзой занят. Не разорваться.

Гурвич. Илья Афанасьевич! Чугун из-за бронзы задерживается.

Каплюжников. Э-э нет, товарищи, так не пойдет. Наше производство — всё дай! И бронзу дай, и чугун дай! Бронзу отольете — похвалим, чугун сорвёте — под суд. А как вы думали?

Гурвич. Брылов! Чтоб через три дня чугунная плавка была! Причем тут бронза? Не успеваает Макар

за день? — пусть вечерами формует, пусть на праздники. Я ему дополнительный конвой закажу.

Брылов. Всё, Макар. Через два дня плавка! На праздники прийдешь — будешь формировать. Николай! Почему чугуна не подаете? Распустились!

Якимчук. Димка!.. Димка!.. Дэ вин, бисов хлопец?

ДИМКА появляется.

Иди с Родионом чугуна подавай. Я бронзу отолью — тоже приду. (Гурвичу.) Вы бы лучше заграждения там поставили.

НЕМОВ и ДИМКА уходят в заднюю дверь.

Гурвич. Я вижу, твои литейщики уже за работой не гонятся. Расценки высокие? Можем снизить.

Брылов. Расценки вы не касайтесь, Арнольд Ефимыч.

Гурвич. Потому что ты с них живешь, поэтому?

Каплюжников. И расценки надо пересмотреть, конечно. Так неужели бронза будет, а? Вот и Октябрьской годовщине подарочек. Сейчас же дам в комбинат телеграмму. (Отводит Гурвича вперед.)

Брылов подбочается к ним, желая подслушать и вмешаться. На чердаке по железному потолку — время от времени удары бросаемых кусков чугуна.

Надо на эту печь документы в БРИЗ оформить, как на изобретение твое и мое.

Гурвич отводит Каплюжникова от Брылова, Брылов подступает.

Придется и Брылова взять соавтором.

Гурвич. Но ведь он ничего не делал, только мешал.

Каплюжников. Ты не знаешь, какие у него связи в отделе кадров. Он нас доносами закидает. А

деньги — порядочные, я уже в месткоме говорил, устрой премирование, тысяч по несколько обломится, может, и путевки на курорт. (*Кивает Брылову подойти.*)

Все три головы сдвигаются на шепот. Тем временем Яхимчук с Чегеневым подносят к печи ковшик, ставят его в рогач. Муница суетится около печи, смотрит в ее окошечко.

Муница. Ну! Ну! Чекайте!

Брылов отходит от начальства, идет к печи.

Гурвич. Илья Афанасьевич, неужели я без головы? Техника безопасности! А досок на заграждения бухгалтерия не выписывает, в стройматериалах перерасход!

Каплюжников. Значит, надо изыскать. Изыскать надо.

Гурвич. А как я вообще работаю? Сто раз на день меня к телефону, три раза в неделю инструктора, инспектора, через день в тресте совещания, материалы готовь, сводки передавай — а кому-то производство двигать, десятники — пьянствуют, в нормировочном бюро сидят заключенные — доверять не могу, нормы проверь, объемы работ завьшены, а там в цеху деталь заporоли, там трубы не на месте проложили — траншеи теперь откапывать!.. Я хуже заключенного живу, домой приду — на жену смотреть не хочется.

Каплюжников. Что делать! Я сам пятьсот документов в неделю подписываю. Тоже нелегко... (*Уходит направо.*)

В левую дверь входит НАРЯДЧИК КОСТЯ со списком, за ним — группа ЗЭКОВ, уже в телогрейках и шапках по-зимнему. Ветер хлопает дверью — как выстрелы. Среди вошедших — тревожный шум.

Голоса.

— Кого еще? Кого еще?

— Костя! Куда этап, не знаешь?

К о с т я . Южный берег Крыма.

Г о л о с . Костя! А меня нет?

К о с т я . Не галдеть! Кому-то в лоб закатаю! Что, этапа не видели? Ну, литейщики, ветрюган! — списка в руках не удержишь. (*Подошедшему Чегеневу.*) Где Родион?

Ч е г е н е в . На этап?

К о с т я . Был. Санчасть вычеркнула. Только что. (*Уходит.*)

За КОСТЕЙ уходит гурьба ЗЭКОВ.

Еще голоса:

— Если красными вагонами — сейчас все пуговицы обрежут.

— А в столыпине чемоданы разобьют...

— Говорят — на Воркуту...

— Эх ты, жизнь арестантская!

Грозные выстрелы дверью. Справа возвращаются ГУРВИЧ и КАПЛЮЖНИКОВ.

Б р ы л о в (*у печи*). Готово, Макар! Выпускай!

М у н и ц а . Зараз! (*Пробивает лётку.*)

По жёлобу в кувшик льется струя бронзы.

Я х и м ч у к , Б р ы л о в (*вместе*). Довольно! Шлак! Довольно!

К а п л ю ж н и к о в . Мало! Мало! Еще!

Я х и м ч у к (*повелительно*). Затыкай!

Муница затыкает.

Г у р в и ч (*просительно*). Может, еще можно, Яхимчук?

Я х и м ч у к . Нэ можно! Шлаком втулки загубим. Лучше меньше, да лучше.

Муница очищает поверхность бронзы. Чегенев и Яхимчук несут ковш, льют.

Б р ы л о в . Прекрасная плавка! Всё! Эскаваторы пошли!

Муница (над залитой опокой). Ну, що я вам казав? Макар що вам казав? Бўдэ бронза!

Я х и м ч у к . Еще какая бронза — токарный станок покажет.

Брылов. Ты нам праздник не отравляй. Победа литейного цеха. Всё!

Каплюжников. Оч-чень хорошо! Оч-чень хорошо! Иду давать телеграмму в комбинат. (Уходит.)

Муница. Ну, Онуфрич, прэмия бўдэ, а?

Брылов (вздыхает). То есть как тебе сказать, Макар. Премия — за что премия? Если б это новая была печка! Но она ж не нами выдумана. Мудреное дело корыто! — кто не знает, кораблем назовет. Если б ты не заключенный был — ну, можно, знаешь, на горло брать, до ВЦСПС дойти, до ЦК...

Гурвич. Давай, Макар, давай выбивай! Втулки посмотрим!

Муница. Як выбивать, як воны ще нэ схопылись? Мусят застыгнуть.

Из заднего помещения сверху громкий крик Димки, потом последнее падение чугуна на потолок. ЧЕГЕНЕВ бросается в заднюю дверь, ЯХИМЧУК за ним.

Гурвич. Что там такое? (Спешит туда, но в двери сталкивается с Димкой.)

Димка (кричит). Родиона убило! Чўшка на голову! (Убегает наружу.)

Выстрел двери. ЧЕГЕНЕВ и ЯХИМЧУК вносят НЕМОВА с окровавленной головой, без памяти. Гурвич идет сзади, опустив голову.

Брылов. Что такое? Как случилось?

Я х и м ч у к . Так! Халтурщик вы, а не литейщик! Сколько раз говорено — ведром не поднимать!

НЕМОВА уносят, с трудом открывая дверь против ветра.

Муница (нагоняя Гурвича). Насчёт премии як, гражданин начальник?

Гурвич. Чугун формуй! Чугун!

Разрисованный занавес

В перерыве между этими картинами зажигаются фонари над колючей проволокой, оплетающей барьер оркестра. Они горят до конца спектакля.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

ЭТАП

Декорации первой картины. Воеет и крутит ветер с мелкой позёмкой. Сумерки. За проволокой в рабочей зоне столпились ЛАГЕРНИКИ. Неподвижные, они смотрят сюда, в жилую зону. Человек тридцать уже опрошенных по формулярам других ЛАГЕРНИКОВ сидят посреди двора прямо на земле, с вещами, тесной кучкой. Луч прожектора упирается в нововывешенный плакат: «ЛЮДИ — САМЫЙ ЦЕННЫЙ КАПИТАЛ. И. СТАЛИН». Отправкой распоряжается КОЛОДЕЙ, ему помогает НАДЗИРАТЕЛЬНИЦА с буйными кудрями из-под зимней шапки, фельдшер АГА-МИРЗА, КОСТЯ и ПОСОШКОВ. Светится окошко «кабины» МЕРЕЩУНА. Сам он в белом халате поверх теплой одежды стоит на крылечке.

Справа задним ходом подается тот же грузовик с высокими бортами, что и в первой картине.

Колодей. Давай, кого вызвали, по одному!

Зэки, отталкивая друг друга, начинают быстро карабкаться в кузов.

Конвоир (с автоматом, стоит в рост в кузове за решеткой, защищающей его). Садись! Сразу садись! На

пол, не на мешки! Не оборачиваться! Смотреть назад!
Кончай разговоры!

Колодей. Нарядчик! Кого нет?

Костя. Вот последние тянутся. Эй, побыстрей!

Слева из-за барака подходят с вещами ГОНТУАР, ГРАНЯ,
ШУРОЧКА.

Сержант конвоя. Гоп... Гоп...

Гонтуар. Гонтуар Камилл Леопольдович,
1890-го года, пятьдесят восемь — один «А», через девят-
надцатую, десять лет.

Сержант конвоя. А ну шапку сними!

Гонтуар обнажает серебряную голову. Сержант сличает со сним-
ком на «деле».

Непохож что-то... Ну ладно, проходи.

Гонтуар карабкается на грузовик.

Сойкина!

Шурочка (*хлопоча с вещами*). Соймина Алексан
Пал-л-на! Пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!

Она чуть не плачет. И вещи тяжелые. Никто не помогает. На-
конец, Костя взбрасывает их в кузов.

Сержант. Зыбина!

Граня (*звонко, зло*). Аграфена Михална, двадца-
того, сто тридцать шестая, десять!

Голос Гая (*из рабочей зоны*). Прощай, Граня!

Граня (*кричит*). Прощай, Павел!

Гай. Пиши!

Граня. Поздно!

Гай. Не сдавайся, Граня!

Граня. Не сдамся!

Колодей (*заступая*). Но-но! Хахаля бросаешь?

Граня (*кричит через него*). Хомича берегись! Он
— стукач!! Точно!

Надзирательница. Смотри, в зубы прикладом, падло!

ГРАНЯ и ШУРОЧКА скрываются в кузове за бортом.

Колодей. Все?

Костя. Все.

Колодей. Давай сюда список. *(Берет у нарядчика. Сержанту конвоя.)* Теперь вычитай.

Сержант конвоя *(у него еще осталось одно «дело» в руках)*. Евдокимов!

Костя. Меня-а? На этап?!

Сержант *(кричит)*. Он же!

Колодей. Тебя, тебя, быстро, конвой ждет!

Сержант. Он же!

Костя *(отступая)*. Шли бы вы на ...! Не дамся!

Посошков *(приступая)*. Ну, Костя, раз надо, раз надо.

Костя. Отойди гад! Предатель, падло! Угрёбывай, пока цел! *(Отбегает, вспрыгивает на мусорный ящик, выхватывает нож, обнажает живот.)* Не подходи! Не подходи! — и с п и ш у с ь !

Посошков, Ага-Мирза, надзирательница приступают.

Не подходи, испишусь! В больницу заберёте! Кишки выпущу, не поеду!

Посошков. Костя, Костя! Мы же с тобой друзья. Приказывают, — что делать?

Костя *(размахивая ножом)*. Сука позорная. Помоечник вонючий! Не подходи! Первого зарежу! Испишусь!

Колодей. Взять его.

Наступающие не решаются.

Ага-Мирза. Костя! Тебе же хуже будет. На штрафную пошлют!

Костя. Шкура собачья! Стукач! Испишусь! Не подходи!

Но сзади к нарядчику подкрадывается Мерещун и ударяет его в подколенки. Костя падает. Наступающие набрасываются, валят его, отнимают нож, душат.

К о с т я (лежа). И ты, доктор? Сволочь! Ну подожди, встретимся!

М е р е щ у н . А что ты, гад, — испишешься, а мне тебя лечить?

К о л о д е й . Посошков! Принеси веревку!

П о с о ш к о в (достаёт из кармана). Вот она, веревочка! Веревочка запасена, гражданин начальник!

Костю вяжут.

(Кому-то.) Веди его из каптерки — сюда!

П о с о ш к о в . Ангел! Вещи! Уже всё собрано, гражданин начальник!

АНГЕЛ выносит вещи, скидывает их в кузов. Связанного Костю подталкивают и сажают туда же.

К о с т я . Развяжите вещи! Вещи не все! Украл, падло! Сапоги мои хромовые отмёл, шакал? Пальто кожаное?

К о л о д е й . Некогда, некогда, конвой ждёт.

Задний борт кузова захлопывают.

К о н в о и р в к у з о в е . Внимание, заключенные! При попытке встать рассматриваю как побег, открываю огонь без предупреждения!

Входит ВТОРОЙ АВТОМАТЧИК, автомашина трогается.

К о с т я (кричит, его уже не видно за бортами). Никуда из лагерей не денетесь, сволочи! Ещё встретимся! А г а - М и р з а . Ладно, встретимся! Напугал.

Автомашина ушла.

К о л о д е й (Посошкову). Сапоги-то взял?

П о с о ш к о в . Полчемодана отмёл, гражданин на-

чальник! И вам будет! Это ж у него всё сдрюченное с людей. И офицерское обмундирование тоже сдрюченное.

К о л о д е й . И ты, доктор, молодчик!

М е р е щ у н . Дешёвка полувцветная, лечить я его буду! (*Ухсдит к себе.*)

К о л о д е й (*надзирательнице и Посошкову*). А теперь пошли ш м о н а т ь . Хорошо шмонайте, не торопитесь. Ножи, напильники, водка, письма, фотографии, может, бумажка с записями, денег у кого больше ста рублей, карандаши химические... (*Кричит на вахту.*) За-пус-кай по десять человек!!

Все четверо идут вглубь. Ангел бежит к столбу и мерно звонит о рельс несколько раз. Два вахтера выходят с вахты и становятся обок линейки с поднятыми фонарями. В распахнувшиеся ворота входят строем две первых пятерки ЗЭКОВ.

К о л о д е й . Лапти, ботинки — развязать! Распустить пояса!

Зэки исполняют команду. Начинается обыск. Ветер завывает. Ангел идет налево перед баракком. Слева входит ЛЮБА, кутаясь в платке. Она минует Ангела потупясь.

А н г е л (*окликает, уже пройдя*). Любка! Ты — из больнички? Родион — как?

Л ю б а . Жив...

А н г е л . Крепкая голова. (*Уходит.*)

На заднем плане продолжается обыск. Мигают фонари в руках вахтеров, крутит позёмка. ЛЮБА еще стоит неподвижно, потом понуро всходит на крылечко Мерещуна, стучит. Дверь впускает ее. На окне силуэтно видно, как, войдя, она снимает платок.

Разрисованный занавес

В зрительном зале темно. Светят фонари «зоны» на барьере оркестра. Замерли часовые на вышках. Из репродуктора слышится

«Нам песня строить и жить помогает», исполняемая на гармошке. Верхний свет так и не зажигается. Обычный занавес не задвигается.

КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ

Свеча на ветру

(Свет, который в тебе)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Легкий холл. По двери слева и справа. Позади — неогражденный вид на океан. Там проходят парусные яхты, иногда — катера с водными слаломистами, всё ослеплено летним дневным солнцем.

Газовая плита, холодильник. Развешена и расставлена разнообразная кухонная посуда, набор сковородок. Поблизости и обеденный стол. Здесь МАВРИКИЙ. Он высок, плотен, у него величавая, почти облысевшая голова, пенсне, повязан фартук. Соты с пластинками, у открытой радиолы — сидит АЛЕКС КОРИЭЛ. Холл залит радостным рондо из 2-го фортепьянного концерта Бетховена. Алекс поддерживает мимикой основную набегающую мелодию.

Маврикий. Один из важных критериев человеческого вкуса сыр. Какой ты предпочитаешь сыр, Алекс?

Алекс (радостно смеется, жестикулирует, слушает). Не разбираюсь, дядюшка, любой.

Маврикий. Любой? Нет, ты-таки дикарь! (Подходит ближе.) Может быть, ты...

Алекс. Дядя Маврикий! Почему вот я старую музыку люблю, а новую нет? Как бы ты сформулировал — чем отличается музыка двадцатого века от девятнадцатого?

Маврикий. Может быть, ты и помола кофе не можешь определить, когда пьешь?

Алекс. А он имеет значение?

М а в р и к и й (хохочет, выключает музыку). Нет, ты — совершенный дикарь!!

А л е к с (делая слабую попытку включить). Дядюшка! Дай дослушать.

М а в р и к и й. А-а, всё это слышано и переслышано. Подарю я тебе весь ящик, ладно. (Окончательно преградив.) В сорок лет тебе надо жить с самого начала.

А л е к с. Да. Я так и собираюсь.

М а в р и к и й. Но с того ли конца ты собираешься? Я у тебя замечаю чудаковатые какие-то высказывания. Нам бы с тобой поговорить, поговорить неторопливо... Ну, иди садись. Сейчас я тебя накормлю за все пятнадцать лет!

А л е к с. С фронтом — восемнадцать. (Переходит к столу.)

М а в р и к и й. Восемнадцать?!. Начинай с угря, а отбивная должна дойти медленно, чтоб сохранились соки.

А л е к с. Дядя, мне, честное слово, неудобно! Ты из-за меня... всю эту женскую работу...

М а в р и к и й (хлопоча у стола, серьезно). Алекс! вот в этом треугольнике, холодильник-плита-обеденный стол, любимое теперь времяпрепровождение. Началось когда-то с того, что я никому не доверял варить кофе, но постепенно вник и в другие операции и теперь часто готовлю на всех троих. Ведь чужой человек не может готовить с любовью. И тут надо много сообразительности, значит, такта. В девяноста пяти случаях хозяйки не готовят пищу, а губят ее, да будет тебе известно! А осложняется дело тем, что страшно отстают поварские книги. Я подписан на «Вестник гастрономии». Он ведется в согласии с новейшей медициной. Ну, раз ты ничего не понимаешь, то и пей, что дают. За начало твоей жизни! (Пьет.) Вот этот салат бери. Все-таки я не могу примириться — почему ты за все годы ни разу не написал?

А л е к с . А о чем бы, дядюшка, я тебе писал? И — зачем?

М а в р и к и й (*сердась*). Черт возьми! Что значит — зачем? Хотя бы затем, чтоб я тебе помог! Ведь тебе было несладко?

А л е к с . Судебная ошибка. Все улики так плотно сводились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет и послали в Пустынную Каледонию. И там мы отгрохали девять из десяти. Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, — но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?

М а в р и к и й. Потерянные годы!

А л е к с . Нет, не то что потерянные. Это очень сложно. Может быть, даже — необходимые...

М а в р и к и й. Как это — «необходимые»? Что ж, по-твоему, человеку н е о б х о д и м о сидеть в тюрьме? Проклятье всем тюрьмам!

А л е к с (*вздыхает*). Нет, не так просто. У меня бывают минуты, когда я говорю: благословение тебе, тюрьма!

М а в р и к и й. Ду-рак!.. Ага! (*Встает к плите.*) Вот самое время есть отбивную! Вот когда она сочится! (*Подает.*) Клади горошку. А главное — вот эту подливку. Секретом этой подливки обладают немногие на нашем континенте. Я — в их числе.

А л е к с . Дядя Маврикий! Не надо. Я отучаюсь есть по стольку. Большую часть того, что мы едим, мы проглатываем совершенно бесполезно.

М а в р и к и й. Так, так... (*Накладывает ему.*) В тебе проступают явственные черты мозгового сдвига. Еда — радость жизни, а ты от нее отучаешься! А тебе она бесполезна! Я думал, ты действительно набрался здоровых мыслей в тюрьме. Но я разочарован. (*Наливает.*) Пей! (*Алекс пьет.*) Да похвали же вино, мерзавец!..

А л е к с . Очень тонкое.

М а в р и к и й . Я думаю! Вино — от Гарфа-старшего. Наконец, с тех пор, как тебя освободили, прошло пять лет. Где же ты был?

А л е к с . Там и оставался.

М а в р и к и й . В Каледонии?

А л е к с . У-гм. В маленьком домике на краю огромной пустыни.

М а в р и к и й . У тебя не было денег выехать?

А л е к с . Не денег. *(Пауза.)* Убеждений.

М а в р и к и й . И на таких убеждениях ты стоишь до сих пор?

А л е к с . Да. Почти.

М а в р и к и й *(машет)*. Не устоишь! Перед жизнью? — Не устоишь! *(Наливает ему.)* Но все-таки там был... поселок?

А л е к с . Поселок. Я преподавал в школе.

М а в р и к и й . Но позволь! Но там, наверно, ни газа! ни водопровода! ни канализации!!

А л е к с *(смеется)*. Какого там газа! На краю поселка даже не было электричества.

М а в р и к и й . Э-лек-тричества?! Так это каменный век! Чем же ты освещался?

А л е к с . Свечой.

М а в р и к и й . Ослепнуть можно!

А л е к с . А у Платона был аккумулятор? У Моцарта — двести двадцать вольт? При свече, дядюшка, открывается сердце. А выйдешь наружу — ветер из степи, тянет запахом диких трав! У-у-у! И вот именно без электричества, если уж всходит над пустыней луна — так вся вселенная залита луной! — ты помнишь ли это хоть с детства, дядя? Что вы тут моргаете сквозь фонари?..

М а в р и к и й . Луна? — Сколько тебе лет? Я тебе завидую.

Вбегает ДЖУМ, глядя не сюда, на море.

Д ж у м . Маврушка! Смотри, наш сосед не успел дачу купить, а уж на воде на лыжах! А мы здесь третье лето живем — ты не можешь мне водного слалома обеспечить, Маврушка?

М а в р и к и й (гневно). Как ты с отцом разговариваешь, негодяй?

Д ж у м (заметил незнакомого). Виноват, я хотел сказать — отца.

М а в р и к и й . А если отец, так можно на голову садиться? Тебе яхты мало? Тебе аквалангов мало?

Д ж у м (с достоинством). Я не искал конфликта, отца! Но я тебя честно информирую: мне нужен водный слалом. Не в твоих интересах вынуждать меня изыскивать средства самому.

М а в р и к и й . Какие к черту средства? Откуда они у тебя возьмутся?

Д ж у м . Я найду. Но учеба моя может при этом пострадать.

Ушел.

М а в р и к и й (вдогонку). Да уж она и так страдала, куда дальше?.. Черт знает, до шести лет казалось забавным, что он называет меня Маврушкой. А теперь плетью не вышибешь. (Расстроен.) Что ж ты не скажешь? — кофе налить. (Наливает.) У тебя деньги-то есть, Алекс? Нужны? Скажи честно. (Отвернув фартук, вытягивает бумажник.) Сотню-полторы я тебе дам?

А л е к с . Нет-нет, дядя, у меня есть. И вообще — мне очень мало нужно.

М а в р и к и й . Где ж не нужно? Ты одет смотри как.

А л е к с . А как? Дырок нет.

М а в р и к и й . Ч-черт его знает, у тебя понятия!

А л е к с . Вот кофе — наслаждение. Сто лет такого не пил.

М а в р и к и й . Ага! Значит, ты не безнадежен.

Выпьешь второй?.. Кофе надо покупать только у Стилохона, и чтобы мололи при тебе.

А л е к с . Скажи, дядя Маврикий... А где... твоя дочь?

М а в р и к и й . Альда? Да вообще, где-то в нашем городе.

А л е к с . Что она делает?

М а в р и к и й . Откровенно говоря — не знаю.

А л е к с . Вы так давно не виделись?

М а в р и к и й . Н-нет, почему? Вот недавно в консерватории отмечали мое семидесятилетие — она пришла. Смотрю — сидит в конце стола. Такая одухотворенная. Я ее представил обществу, все удивлялись, что у меня дочь. Ну, а поговорить не удалось.

А л е к с . Значит, вы совсем не видитесь?

М а в р и к и й . Нет, она бывала. После войны. После смерти ее матери. Она приходила, мы ее приласкали. Тилия к ней хорошо относится. Но Альда сама как-то... чуждается.

А л е к с . Я помню ее еще школьницей — такой прелестной живой девчонкой лет пятнадцати. У тебя нет ее фотографии тех времен?

М а в р и к и й . И тех должна быть, и на юбилее ее сфотографировали. Да постой, альбомы здесь, на даче, я тебе покажу.

А л е к с . Мне очень хочется ее найти. Но справки мне не дали. Она, вероятно, не под твоей фамилией?

М а в р и к и й . Даже не скажу. Она носила фамилию мужа.

А л е к с . Разошлись?..

М а в р и к и й . Первого. А потом был второй.

А л е к с . Ах, вот что... Так она сейчас..?

М а в р и к и й . Нет, сейчас не замужем. Вообще-то ты прав, положение ненормальное: не знать, где и что дочь родная... Я даже сам не понимаю, как это получилось. Ты, если найдешь ее, приводи, обязательно приводи!

А л е к с . Она мечтала стать пианисткой. Не стала?

М а в р и к и й . Ничем она не стала. Она, если за всю жизнь делала что-нибудь благоразумное, так это соблюдала правила уличного движения и только поэтому уцелела. Да я и всегда был против ее музыки. Что могла принести ей музыка? Я желал ей устойчивого семейного счастья. Но счастье надо уметь завоевать!

А л е к с . Я и тетю Христину хочу найти. Говорят, она в большой бедности.

М а в р и к и й . В самом деле! — и Христина, чудачка, ведь тоже еще наверно жива. Неужели она еще жива? Найди, найди ее, и мне расскажешь. Надоело мне жить и ничего не знать о родственниках, серьезно. Вот хорошо, что ты нашелся!

В глубине прерывистый шум мотора. Дорожка высока и виден верх въезжающего автомобиля сапфирового цвета. Он круто останавливается с резкими выхлопными взрывами и смолкает. Стройная ловкая женщина в дорожном комбинезоне выпрыгивает из него, как подброшенная, бежит и гаечным ключом бьет по капоту.

Т и л и я . Проклятый тарантас! *(Откидывает капот, заглядывает в мотор. В нашу сторону:)* Папка! Жрать хочу! Мясное есть? Подготовь!

М а в р и к и й . Отбивная?

Т и л и я . Окэй, отбивная! *(Машет и кричит вдаль.)* Джу-у-ум! Сюда!

Углубилась в машину. Вскоре к ней подбегает ДЖУМ, они возьматся, чертыхаются, брякают инструментом.

М а в р и к и й *(спешит к плите, варит)*. Вот и Тилия. Она, тебя, конечно, не узнает. Вы с ней почти ведь и не виделись никогда.

А л е к с . По-моему, только в Розовом Каньоне, после рождения Джума. Она тогда надеялась еще вернуться в балет.

М а в р и к и й . В балет она не вернулась, но в лю-

бительских танцует и сейчас. Недавно увлеклась журналистикой. Вообще, Тилия — яркая, многогранная личность. (Жарит.) Да... Три раза в жизни я женился, Алекс, — и все три раза на восемнадцатилетних девушках. В старости это как-то утешает...

Тилия (оставив Джума возиться, идет в холл в комбинезоне, с большим гаечным ключом в руке). Мавр! Я готова съесть сейчас дикого жареного кабана! (Увидев незнакомого, останавливается. Алекс поднимается из-за стола.) У нас гости?

Маврикий. Нет, родственник.

Тилия. Родственник? (Подходит ближе.) Простите, что я в таком виде... Но — кто же?..

Маврикий. Твой племянник.

Тилия. Такого взрослого и симпатичного племянника у меня, кажется, нет... Но раз ты говоришь, что племянник, — надо, по крайней мере, поцеловаться? (Бросает на пол гаечный ключ.) Я — чумазая, грязная, ничего, племянничек? (Целуются.) Как я рада! Я думаю, что папочка не будет ревновать, если я тебя поцелую лишний раз? (Целует.) Но все-таки, кто ж это такой?

Маврикий. Алекс.

Тилия. Алекс?..

Маврикий. Сын моей покойной сестры Маргариты.

Тилия. Ах, Маргариты?.. Это мы виделись?..

Алекс. В Розовом Каньоне, перед войной. (Маврикий жарит.)

Тилия. Ах, в Розовом Каньоне! Тот блестящий студент, выпускник университета, золотые надежды, да? (Движения буйной радости.) Ну, как я рада! Ну, как мы рады!! (Целует его. Скороговоркой:) Где же ты был? Где пропадал? Почему не писал? Рассказывай! (Отступает.) Ты видишь, какая я рабочая лошадка! — до обеда в редакции, потом сто километров по шоссе, по жаре — чтобы только мои тут жили и наслаждались

океаном. По дороге забарахлил мотор, я в нем ковырялась, лазила под него, еле дотянула. *(Тем временем она растегнула комбинезон и вышла из него в цветном платье. Джум завел мотор.)* Bravo, Джум! *(Бросает к выходу комбинезон и гаечный ключ.)* Забери, мой мальчик! *(Проходит перед Алексом.)* Ну, как ты меня находишь?

А л е к с . Вы очаровательны!

Т и л и я . Еще не хватало «вы»! Еще будешь меня звать тегушкой? или бабушкой? Только — «ты» и Т и л и я ! *(Проходит.)* И сколько мне лет?

А л е к с . Скоро тридцать?

ДЖУМ уезжает.

Т и л и я *(довольна, хохочет)*. Если бы не сын! Но я мать, Алекс, ты понимаешь, я — мать! *(Около столика с радиолой:)* Как тебе нравится этот столик? Прелесть, правда?

А л е к с . Изящный.

Т и л и я . Недавно купили. Шестьдесят пять дука-тов. *(Моет руки.)* Я — мать, и проблема девятнадцатилетнего сына накладывает морщины на мой атласный лобик.

А л е к с . Не заметил морщин.

Т и л и я . Хо! Я умею их скрыть! Это целая система! Тут и — сон в холодном свежем воздухе, регулярная гимнастика, обтирание, подвижный образ жизни! Чтoб к сорока годам — фигуру девочки, надо по-ра-ботать!

Отбивная уже на столе. Тилия садится, начинает быстро, жадно есть, не прерывая, однако, разговора. Маврикий прислуживает.

Т и л и я . Кроме того, мой лозунг: никаких врачей, а лекарства — только самые естественные и только в самых малых дозах!

А лекс (оживляясь). Это я могу понять! Это я поддерживаю!

Тилия. Ну, я сразу почувствовала, что мы с тобой единомышленники! Ты знаешь, папку я лечу сама. У нас вот (вскакивает, приносит) «Справочник практического врача». Для образованного человека — что может быть лучше? Не доверяться этим равнодушным предвзятым именам, а самому выяснить патогенез, избрать лечение. Ну, у папки что, например? (Листает.) Вот — аменитивный синдром. Это — больные нервы. Симптомы такие: колебания аффектов, обманы чувств. В чем обманы чувств? Ревнует. Если б ты не был мой родной племянник, то вот за эти несколько поцелуев мне б уж влетело. Тут к соседу приехал его аспирант, африканец Кабимба. И вот мы с ним просто плавали, просто плавали, что тут такого?

Маврикий (останавливая). Тили-Ти!

Тилия. Папочка! В тебе говорят расовые предрассудки! Чем африканец хуже тебя? Двадцатый век есть век равенства наций... А вообще у нас выработан режим: папе — ничего мясного, мне — ничего мучного, поменьше соленого, регулярная прочистка желудка...

Маврикий. Засоренный желудок — это страшное дело!

Тилия. Это ужас! Так пусть слабительное по вечерам, но зато еда — радость жизни! И вот профессор Крэйг в расцвете творческих сил, а я...

Маврикий. Ну, насчет меня то...

Тилия. А что насчет тебя? Тебе семьдесят лет, но еще не выяснилась болезнь, от которой ты мог бы умереть.

Маврикий. Сердце...

Тилия. Эт-то самовнушение! Ты бодр, справляешься с хозяйством, у тебя целы зубы. Ах, Алекс, недавно был юбилей Маврикия — банкетик тысячи на две дукатов! Гостей! Телеграмм! от композиторов! дирижеров!

М а в р и к и й . Прожевывай! Прожевывай!

Т и л и я . Ты прекрасно еще можешь работать, прекрасно! Пусть ты оставил лекции, но именно теперь ты обязан написать новую книгу.

М а в р и к и й . Где уж мне новую...

Т и л и я . Ну, хотя бы переиздать старую!

М а в р и к и й . Тили-Ти, для этого надо добавить в нее свежих идей.

Т и л и я . Так добавь свежих идей! Уж не говорю, что у меня гарнитур — лавка древностей, но с ума сойдешь от одного позора ездить в этом корыте...

М а в р и к и й . Спортивный седан позапрошлогодней марки...

Т и л и я . Аб-солютно устаревшей конструкции! Меня гложет мечта иметь кабриолет Супер-88 цвета «брызги бургундского» на триста пятнадцать лошадиных сил! Так у папки не хватает денег!

А л е к с . Ну, деньги вы соберете.

Т и л и я . Ты рассказывай, рассказывай, что же всё мы да мы! Где ты работаешь? Сколько зарабатываешь? Женат ли? Есть ли у тебя дети?.. Дети, дети!

По дорожке сзади пробегает ДЖУМ, резвясь с мячом.

Сыну девятнадцать, и он начинает шалить с девушками.

М а в р и к и й . Хороши шалости, когда приходится оплачивать аборты.

Т и л и я . Но ты бы не хотел иметь эту Мезию невесткой? Надо радоваться, что у малыша по крайней мере здравый смысл. (*Джум прислушивается, подходит.*) Но ты прав, ты прав! Надо женить его — категорически! Причем на самой простой девушке из народа, пусть поменьше этого образования...

М а в р и к и й (*вспыхивает*). Что за чушь? Какую там еще — из народа?..

Д ж у м . А что мне на ее интеллигентности — суп варить?

Т и л и я . Мы задыхаемся без женских рук! Неко-

му пуговицы пришить. У нас даже в муке моль завелась. Постепенно ты ее обучишь, передашь ей плитку и сковородки.

Д ж у м . Да чего ты споришь, отецка? Кому жениться — тебе или мне? Моя мать — дальновидная женщина, она умеет жить.

Т и л и я . У нас будет гармоническая жизнь. Она будет скользить по дому с тряпкой и вытирать пыль.

М а в р и к и й (*гневаясь*). Да вы что, уже сговорились? Мы для этого растили сына?

Т и л и я . Мавр! Положи валидол! Положи валидол и не делай страшных глаз! Я этого не люблю. Почему тебя оскорбляет невестка из народа? Разве ты не чувствуешь, что весь наш век дышит демократией? Надо действовать в духе века! Уж у себя-то в редакции я всегда знаю дух века.

А л е к с . А что за редакция?

ДЖУМ убегает с мячом.

Т и л и я . Журнал «Альголь», слышал?

А л е к с . Политический?

Т и л и я . Да так... международного ревью. (*Вскакивает, приносит пару ярких журналов.*) Вот!

А л е к с . Альголь — так называется бета в созвездии Персея, это «звезда дьявола»? (*Берет журналы, перелистывает.*)

Т и л и я . Возможно, возможно, что-то в этом роде. Платят мне там немного, я не для денег, а — общее развитие, интеллектуальная жизнь...

М а в р и к и й . Тили не могла бы сидеть дома, хозяйничать. Она бы задохнулась.

Т и л и я . Я бы задохнулась!.. Я люблю жизнь, Алекс! Я люблю жизнь во всех ее проявлениях! В конце концов, мы живем на свете один раз! Ничего нельзя упустить!

А л е к с (*перелистывая*). Меловая бумага, цветная печать. И, кажется, только внешние проблемы?

Т и л и я . Ну, с внутренними-то у нас всё в порядке, о чем писать?! А внешние — да. Что у нас? Обзор заокеанских стран, их экономических пороков, их социальных язв. Участвуем в основных кампаниях. Боремся за мир, за то, чтобы перевес сил был всегда на нашей стороне...

М а в р и к и й . И только благодаря усилиям их журнала мир на планете еще как-то держится.

Т и л и я . Сколько энергии! Сколько искусства! Постоянно взбудораженная атмосфера редакции! То интервью, то заседание, то правка... Ты не представляешь, Алекс, как я кручусь и как мне некогда.

А л е к с . «Некогда»? Это бич современного человека. Тебе некогда, человек? — значит, ты неправильно живешь! Перестань так жить, иначе погибнешь!

Т и л и я . Bravo! Замечательно сказано! Где ты набрался таких мыслей?

М а в р и к и й . Где же! В тюрьме!

Т и л и я . Что-о-о?

М а в р и к и й . Оказывается, он десять лет сидел в тюрьме.

Т и л и я (замерла).

А л е к с . И вот мне на всё стало хватать времени и еще остается.

М а в р и к и й . А теперь он полностью оправдан. Это была судебная ошибка.

Т и л и я . Ах, ошибка! Ах, оправдан. Как хорошо. Слава Богу, которого нет. Но знаешь что, Алекс? Я — прямодушный человек, и скажу тебе, обижайся — не обижайся: ты — страшный эгоист!

А л е к с . В чем?

Т и л и я . В том, что ты лишил нас возможности сделать доброе дело! Ты нуждался в помощи — и с какой охотой мы бы... О-о-о!..

По ступенькам террасы в сопровождении ДЖУМА поднимается ФИЛИПП РАДАГАЙС, широкоплечий, загорелый, весь в белом спортивном.

Ф и л и п п (*остановился, не видя Маврикия и Алекса*). Мадам! Я ловлю вас на слове! Вы говорили, что у вас есть бездействующий подвесной мотор. А у меня — корпус катера. Мы это соединим, и вы, и ваше чадо можете учиться у меня водному слалому.

Маврикий снимает фартук. Алекс поднимается, глазами прикованный к Филиппу.

Д ж у м . Мама! Как умно! Конечно!

Ф и л и п п . Если других реакций нет, вопросов нет — я пришел за мотором. Мне надоело цепляться к чужому катеру. Только я (*смотрит на часы*) ограничен во времени, форсируем мотор! Профессор, простите, не видел вас! (*Здоровается с Маврикием, вперяется в Алекса.*) Ч-ч-что??!

А л е к с . Фил!

Ф и л и п п . Ал! (*Бросаются друг к другу и душат в объятиях. Тилия подбегает, очень заинтересованная. Маврикий растерян.*) Откуда ты взялся? Где ты был?

А л е к с . Почему ты здесь?

Ф и л и п п . Я! Моя дача рядом! Ты откуда?

А л е к с . Это мой дядя родной.

Т и л и я . Господа! Откуда! Откуда вы друг друга знаете?

Вьется около них. Они все еще не размокнулись вполне.

Ф и л и п п . Откуда! Мы знаем друг друга столько же, сколько стоит свет.

А л е к с . Мы вместе учились в школе. Мы вместе кончили университет. Мы (*не замечает знаков Филиппа*) вместе попали на фронт и...

Ф и л и п п . ...и только там разделились!

Т и л и я . Слушайте, это замечательно! Я ведь тоже фронтовичка! Я тоже была на фронте! А на каком вы участке..?

А л е к с . Наконец, мы вместе...

Ф и л и п п . ...На фронте я потерял Алекса из виду, и с тех пор он не возвращался в наш город.

Д ж у м . Мама, так как с мотором? Я полезу доставать?

Т и л и я . Если мистер Радагайс обещает научить тебя слалому...

Д ж у м . И тебя тоже, мама!

Т и л и я . Боюсь, мне поздно?

Ф и л и п п (со щедрым жестом). Вы — чудесно сложены! У вас пойдет, пойдет!

Т и л и я . Доставай!

ДЖУМ убегает.

Ф и л и п п . Моя помощь? Мои руки?

Т и л и я . Мы вас позовем. Сперва я переоденусь.

М а в р и к и й . Так это что ж? Вы тридцать лет уже дружите?

Ф и л и п п . Именно!

М а в р и к и й . Ну, так вы заслужили поговорить без меня. Потом, Алекс, будем смотреть с тобой альбомы. А завтра мне нужно ехать в город, поедешь со мной, полазишь у меня в кабинете и наберешь себе пластинок.

А л е к с . Спасибо, дядя.

Маврикий идет направо, походка у него уже старческая. Тилия нагоняет его.

Т и л и я (тихо). Мавр! Насчет кабинета ты — не опрометчиво?

М а в р и к и й . А что?

Т и л и я . Ну, во-первых, ты обещаешь ему пластинки. Значит, ты лишаешь его возможности относиться к нам вполне бескорыстно. Потом — чего он набрался в тюрьме? — ты не знаешь. У тебя рукописи Рахманинова, изви...

М а в р и к и й (повышая голос). Да как ты...

Т и л и я . Тс-с-с! Именно потому, что мы его лю-

бим, мы тем более не должны подвергать его таким соблазнам!

МАВРИКИЙ отмахивается, уходит направо. ТИЛИЯ смотрит на друзей, уходит налево. Друзья начинают говорить громче.

Алекс больше сидит, Филипп рассказывает.

Алекс. Так ты что? — о тюрьме не говоришь?

Филипп. Ты с ума сошел! Об этом никто не знает! Я это скрыл и зачеркнул!

Алекс. Но что скрывать? Если ты оказался невиновен...

Филипп. Невиновен! Тюрьма накладывает черную тень! «Тот, кто раз поел тюремной баланды!»

Алекс. Не знаю. Я не стыжусь тюремных лет. Они были плодотворны...

Филипп. Плодотворны? Да как у тебя язык поворачивается? Это вот ножницами такими — слесарными! — выхватили из жизни кусок — нежных нервов! алой крови! молодого мяса! Мы с тобой возили тачки на каменном карьере, медной пылью дышали, а они тут свои белые тела раскладывали на океанских пляжах! Нет, Ал, напротив — надо навёрстывать! Надо с бешеной силой наверстывать! *(Размахивает кулаком.)* Надо брать от жизни вдвойне и втройне! Это наше право! Мы с тобой знаем — и хватит! Объявлять? Никто не поймет. Когда я вернулся в университет, я ахнул: тупицы, заморыши, которых мы за людей с тобой не считали, экзамены они по шпаргалкам сдавали — а сейчас на первом плане, старшие бакалавры! Ты думаешь, для старшего бакалавра много надо? Упереться лбом в одно место и давить! Да что говорить! Елинодий — зав. кафедрой колебаний!

Алекс *(поражен)*. Елинодий??

Филипп. Да! А Ирун Зиодор — уравнения математической физики читает!

Алекс *(изумлен)*. И-рун Зио-дор?! Математическую физику?!

Филипп (*хохочет*). Ну! Вот и сам посуди. У нас! Но подожди, я уже их начал прочёсывать. Я показал им, как надо работать! Сам себя не щажу — ну, и вокруг меня тянут! Увлекательный спорт — выжигать рутинеров из гнезд одряхлевших теорий!! (*Хохочет*.) Слушай, эти пять лет после оправдания — где ты был?

Алекс. А там же. В Каледонии.

Филипп. То есть... это в плане того, что... смысла жизни искал?

Алекс. Пожалуй, что так. (*Смеется*.) Девяти лет мне не хватило, я остался додумать.

Филипп. М-да-а-а... Ну, и сколько ты зарабатывал? Что ты делал?

Алекс. Преподавал.

Филипп. Детишкам?

Алекс. У-гм.

Филипп. Ты просто губил себя!

Алекс. Сперва был доволен очень. А потом... Начал понимать, что преподавание мое — отчасти ложь. Наталкиваю я их теоремами, чертежами, разговорами о Космосе. Но не готовлю, как сопротивляться бессердечию и расчету, ожидающему их в жизни.

Филипп. Слушай, ты помнишь, каким я был до войны? Раскисляй, лапша, философ на огуречном рассоле, — помнишь?

Алекс. Да.

Филипп. Так вот теперь такой — ты!

Алекс (*тихо смеется*). А во-вторых, честно говоря, надоело как-то. Из году в год параграфы — потом спрашивать, опять параграфы — и опять каждого спрашивать. Мозги сохнут.

Филипп. Да ведь нельзя же паклею заткнуть вулкан! Что ж у тебя — простого человеческого самолюбия не осталось?! И в такой же цвет ты и жену подыскал?

Алекс. Нет. Жену другую.

Филипп. Там? Но кого ты мог там найти?

А л е к с . Да, я несколько бы стеснялся ее сюда привезти. Но этот вопрос отпал. Ее уже нет.

Ф и л и п п . Молодчик! Ты ее бросил!

А л е к с . Смешно сказать, но — она меня...

Ф и л и п п . Она тебя? (Громоподобно хохочет с широкими жестами. Алекс присоединяется.) Она тебя?! (Смеются еще громче, Филиппа всего трясет, он отмахивается.) Так слушай, она трезвый человек! Она правильно сделала! (Новый приступ смеха. Филипп вытирает слезы.) Она тебя?! (Успокаивается.) Блестяще! И — где ты сейчас?

А л е к с . Пока нигде. Только что приехал.

Ф и л и п п . И — кто ты?

А л е к с . Пока никто. Соискатель на место.

Ф и л и п п . ...школьного учителя?! (Яростно.) Ал! Ты еще не безнадежно потерял! Слушай внимательно: за эти пять лет я перевернул здесь горы! Я иду колоссально вверх, колоссально вверх! Я избрал биофизику. Это оказалось очень свежо. Я защитил первую диссертацию, добился — в страшных боях! — создания при университете лаборатории биокибернетики, она растет, и я ее начальник. У нас интереснейшие результаты! Через несколько месяцев — я — доктор наук и профессор!

А л е к с . Фил! А ты помнишь, каким я был до войны? Человек-снаряд!

Ф и л и п п . Ну, да, да! Поэтому я и верю в тебя!

А л е к с (грустно). Теперь такой — ты... Как поразительно. Мы полностью поменялись с тобой характерами. Мы поменялись взглядами на жизнь.

Ф и л и п п . Да ты в науку сейчас бросишься, как лев, я не сомневаюсь! Ты будешь работать со мной! Ты повторишь мой путь еще быстрее. Только перестань здесь всем тыкать свою тюрьму. О тебе недавно даже ректор вспоминал. Тебе все будут рады! А кто не рад — посторонись!! Ты же острый математик. В спины и в паруса нам дует неистовый ветер кибернетики!! Наш

корабль — на полном ходу! Пока не поздно — держи канат, влезай на борт, дружище! *(Протягивает ему руки.)* Жизнь есть борьба!!

А л е к с *(не принимая рук, обнимает Филиппа)*. Прекрасно, друг, прекрасно. Я благодарен тебе. И я люблю, что ты вырос таким. И то, что ты предлагаешь, конечно, волнует меня: наш старый Университет! дорога славы под сводами, выдавшими нашу молодость... Но если бы ты мог ответить мне на один вопрос... На один вопрос... *З а ч е м ?*

Ф и л и п п . То есть... что — зачем? Зачем — вообще наука?

А л е к с . Да. *З а ч е м — наука ?*

Ф и л и п п . Ты просто разыгрываешь меня? В чем ты видишь тут вопрос? Азбучные истины! Да прежде всего... это дьявольски интересно! Это высокое наслаждение, неужели тебе...

А л е к с . Так что? Просто для себя? Из эгоизма?

Ф и л и п п . Да все материальные богатства, созданные человечеством, не через науку ли созданы?

А л е к с . И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

Ф и л и п п . Вот прицепился к слову! Ну, не богатства — все блага материальные на нашей планете, вся цивилизация, вся культура — всё создано наукой, всё!! О чем тут спорить?

А л е к с . О том, что, хвастаясь, как много благ теперь совокупно добываем мы, не упоминают — а чего нам это добывание стоит? Ответ будет ужасен: весь человеческий интеллект до конца уходит на добывание благ! Все духовные силы наши — до исчерпа! Вру, еще остается часть, чтобы давить друг друга.

Ф и л и п п . Прицепился ты, как клещ. Да в конце концов двадцатый век без науки не был бы двадцатым веком! Это — душа его!

А л е к с . Или — бездушие?

Ф и л и п п . Да не сомневаться, а — на колени! Преклоняться перед наукой!

А л е к с . «О, великая наука!» Это всё равно, что: «О, мы! — великие умы!» или точнее: «О, великий Я!» Поклонялись люди и огню, и луне, и деревянному идолу — но, боюсь, даже идолу поклоняться не так нище, как самому себе.

Ф и л и п п . Да ты мракобес там вырос в своей пустыне! А что же — Боженьке будем поклоняться? Зачем этот глупый беспредметный спор — развивать или не развивать науку? Как будто это от нас зависит! Всё равно, что: продолжать нам обращаться вокруг солнца или остановиться отдохнуть? Это — помимо нас. А ты должен решить о себе: опять потащишься талдыкать теорему Пифагора? Или пойдешь официантом в ресторан? Очень люблю бывать в ресторане, любимый мой отдых, но предпочитаю сидеть за столиком. За философию твою тебе нигде не заплатят. Зарабатывать ты что-то должен? Весь город тем и занят, что делает дукаты! Вся страна тем и занята, что делает дукаты! Ничто живое без дукатов не существует!

А л е к с . Так неужели же... из-за дукатов?

Ф и л и п п . Вздор! Мы живем наукой, мы дышим наукой, но если при этом деньги выскакивают сами собой и весьма обильно — это приятно, поверь! Да неужели я тебе должен доказывать, что наука — это свет, и смысл, и интерес жизни для таких, как мы? С эстафетной палочкой, которую в руках держали Ньютон, Максвелл, Эйнштейн — пробежать по второй половине двадцатого века и на черте передать двадцать первому?

А л е к с (поникло). Филипп! У меня такое ощущение, что палочку передавать нам не придется...

Ф и л и п п . Ядерная война? Стихия, зависящая, к сожалению, не от ученых.

А л е к с . От них-то бы больше всего!

Справа показывается МАВРИКИЙ. У него в руках — раскрытый альбом.

Маврикий. Алекс! Я нашел старые фотографии твоей мамы, папы и тебя маленьким. У тебя ведь ничего не осталось? Приходи сюда, когда кончишь.

Алекс. Да что ты! Спасибо, дядя. И — Альды?

Маврикий. Странно, но Альды ни одной карточки не нашел. Даже не понимаю, кто их мог из альбома вынуть. Они были здесь.

Уходит.

Алекс. Надо пойти, старик рылся.

Филипп. Слушай, я почти не знаю этой семьи, мы месяца не знакомы. В чем тут дело? Она *(показывает куда ушла Тилия)* на тридцать лет моложе. Как это получилось?

Алекс. Мой дядюшка имел несчастье — или, наоборот, счастье? — слишком долго увлекаться молодыми. Вот это и... зафиксировано. Дядюшка был светило музыковедения, у него есть и свои квартеты, сонаты...

Филипп. Я почему спрашиваю. Мадам Тилия, выражаясь по-солдатски, просто лезет на штык. Черт знает, что за баба... Так, Ал *(выводит его, показывает)*, вот рядом моя дача. Ты отсюда не уедешь, пока не придешь ко мне. И я тебя буду держать под замком, пока ты не дашь письменного согласия работать у меня. Вопросы есть?

Алекс *(тихо смеется)*. Поговорим, ладно... Ну, а ты-то? Женат?

Филипп *(голос его теряет всю энергию)*. — Женат. *(Пауза.)* А как будто стал и не женат... *(Пауза.)* Я женился на Нике два года назад, она еще была студенткой. И так славно мы жили, весело. Она меня и в спорт втянула. И вдруг — заболела. Что-то случилось с позвоночником. И, как на зло, когда была беременна. Пришлось пожертвовать ребенком. Ну, сперва обнадеживали, что поправится, она и вставала. Потом всё ре-

же, реже. Теперь только лежит. Лежит, смотрит, как я по морю катаюсь... Ты увидишь ее сегодня. Ну, иди, каторжанин, неудавшийся бандит! *(Толкает его в спину.)*

А л е к с . От такого же слышу!

Уходит направо. Филипп смотрит на часы, садится. Не видимая ему, из своей двери тихо выходит ТИЛИЯ в халате. Останавливается, озирается. Расстегивая пояс халата, отступает в свою комнату и тотчас выходит оттуда лишь в купальном костюме.

Т и л и я *(громко)*. Филипп! Я — голая!! Не оборачивайтесь!

Ф и л и п п *(вздрагивает, резко поворачивается, медленно встает)*. Слушайте!.. *(Тилия делает стыдливое оборонительное движение, стоит на месте.)* Слушайте!! *(Делает крупные шаги к ней. Тилия, крадучись, отступает к своей комнате.)* До каких пор вы будете меня..? *(Идет за ней в ее комнату, наступая.)*

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Небольшая рощица, редкие деревья, два-три пня. Позади — дорога, где то и дело проходят, но не слышимые нам, грузовики, самосвалы, автофургоны с прицепами, автокраны, скреперы, бульдозеры, разные строительные машины. Попеременно то солнце, то облачка, игра осеннего мягкого света. Идут АЛЕКС и АЛЬДА. Алекс несет плащи. В отличие от предыдущей картины он одет даже с тщательностью.

А л ь д а *(раскинув руки)*. Что за славный лесочек! Какое солнышко! Какие легкие облака! *(Снимает шляпу. Темные волосы ее свободны.)* И — дышится тут!

Ты знаешь, сегодня за много времени первый раз меня ничто не сжимает. Почти ничто...

А л е к с . А что тебя сжимает?

А л ь д а . Всегда у меня какое-то опасение, будто что-то плохое против меня готовится, что меня ждет беда... Будто у меня хотят отнять...

А л е к с . Но что можно отнять у человека, у которого ничего нет?

А л ь д а . О, всегда можно!.. Но сегодня такой счастливый день!.. *(Кружится. Вдруг — сильный баллистический удар от самолета, переходящего звуковой барьер, и потом — вой самолета. Альда вздрагивает, вскрикивает, прижимается к стволу.)*

А л е к с . А, проклятые, как надоели...

А л ь д а *(совсем уже другая, подавленная, даже постаревшая, еле стоит)*. Ну, теперь ты видел, как тетя Христина живет. Эта хижина, пол земляной, печка дымит, крыша течет... Даже трудно поверить, что в наше время человек... *(в голосе слезы)*.

А л е к с *(следит с тревогой)*. Да, живет она героически. Только вот кошек у нее — девять, десять? Что-то слишком.

А л ь д а . Аль, она их не собирает, они сами к ней идут. И подбрасывают ей кошек, которых дети искалечили — с проглоченными иголками, с отрубленными лапами, в керосине обожженных... А она их жалеет. Вот эту помнишь кошечку, у которой движения несогласованные, то упадет, то ножками дергает... *(Задумывается.)* Эта кошечка одна на свете слабее меня. Похожа очень... *(Плачет.)*

А л е к с . Альда! Альдонька! Ну, так же нельзя! Ну, от каждой случайной мысли...

А л ь д а . Неужели и ты так жил в своей Каледонии?

Где-то близко с грохотом проносится электричка. Альда зажимает уши, съеживается, пока та пройдет.

А л е к с . Я-а?! Намного лучше. Правда, домик мой тоже был из глины, и в дверях я нагибался, вот так... (Показывает.) Но внутри стоял совершенно прямо (Распрямляется.) ...если посередине. (Смеется. Альда начинает улыбаться.) И было два окошка на солнечную сторону. Нет, я-таки жил там роскошно! Пока был один. Но потом появилась жена. Неугомонная, она стыдилась нашей хижины! Честолюбивая, она требовала, чтоб я воздвиг палаты, покрытые шифером! И чтоб я больше зарабатывал. И чтоб вез ее в большой город, в большие магазины.

А л ь д а . Скажи, Аль... Ой, что я тебя хотела спросить? (Мучительно:) Ой, что я хотела спросить??. Ой, как я не люблю это, терять мысли!.. Ну вот, буду думать теперь.

А л е к с (глядя ей на лоб). Ну, успокойся. Вспомнишь. Само придет. Вернется обязательно.

А л ь д а . Рассказывай.

А л е к с . Да, уж и рассказал. Я после освобождения настроен был жить в тишине и совсем просто, жениться на какой-нибудь примитивной натуре, в которой, мол, правда, и сила, и смысл. А оказалось, что в наше время все эти примитивные натуры думают только, как урвать, да купить, да перед соседями отличиться...

А л ь д а (очень пристально). Так неужели ты мог жениться — не любя??

А л е к с (качает головой).

А л ь д а . И ты!? И ты — тоже?? Как же ты смел?

А л е к с . А во-первых, Альдонька, там выбора не было.

А л ь д а . Так не надо! Совсем не надо!.. (Раскачиваясь, как от боли.) Нет любви!.. В наш век нет любви... Замужество — сплошная ложь... Значит, когда она тебя бросила, ты просто... сигарету вынул, закурил, да?

А л е к с . Альдонька! Я понял тогда, что не могу я так жить, каждый шаг соразмерять — а что это — а что это даст для семьи? а как бы не пострадали домаш-

ние? Кого-то ублажать, о ком-то заботиться и чтоб это определяло мою философию. Я один раз живу на земле и хочу исходить из чистой истины. Жена сделала благое дело: она тотчас нашла себе другого мужа, приносящего хорошие деньги...

А л ь д а (*вдруг вспомнив*). Да! Скажи, Аль, так по-твоему не надо много зарабатывать?

А л е к с . Бож-же тебя упаси!

А л ь д а . Но как же тогда, например, одеваться по моде?

А л е к с . А зачем — по моде? Чтобы быть похожей на всех, как чурки с одного конвейера? Люди созданы разными, зачем же вколачивать себя в стандарт?

А л ь д а . Ну, это ты какую-то дикость... Ты просто оторвался от жизни и не понимаешь. Как же можно ходить ни на кого не похожим чучелом?

А л е к с . Вот вам для того моды и придумывают, чтобы вы за заработками гнались, и ни о чем другом думать не успевали.

А л ь д а . Ну, освежать костюмы надо? Туфли менять надо?

А л е к с . Туфли? Надо носить, пока подметки не сотрутся. Это логично.

А л ь д а (*смеется*). С ума ты сошел, ненормальный. И мебель надо менять, теперь стиль другой...

А л е к с . Да мебель-то зачем? Пока ножки целые — зачем ее менять? Это ужасно, Альда, вот такие рассуждения я слышал от бывшей моей жены. (*Снова — звуковой удар и рев самолета. Альда вдрагивает, сжимается.*) Зачем же отдавать лучшие годы, лучшие силы — за деньги, и деньги эти тут же разбрасывать на пустилки?

А л ь д а (*поникла*). Проклятые дукаты! Как утомительно их зарабатывать! От этой проверки бесконечных телевизоров у меня в глазах рябит. Смотреть я не могу на телевизоры!

А л е к с . Я телевизоров пятнадцать лет вообще не видел — и то смотреть не могу. Там, где прежде общались души, теперь...

Близко, заглушая его, с грохотом проносится электричка.
Альда закрывает уши.

А л ь д а . А никакой другой работы я достать не умею. Так презираю себя за безалаберную жизнь. И музыке я училась, и иностранным языкам, и ничему не доучивалась.

А л е к с . Но когда на прошлой неделе ты в папином кабинете села за рояль...

А л ь д а . А, да разве это настоящая игра!.. (*Пригорюнилась.*) Не могу я так играть — просто вообще. Я должна играть — для кого-нибудь. Хочешь, для тебя буду?

А л е к с . Хочу! Да.

А л ь д а . Всё равно — инструмент надо дома, и четыре часа в день.

А л е к с . Не понимаю я дядю Маврикия. Дочь родилась в него, музыкантом! А он...

А л ь д а . Папа как раз собирался купить мне пианино. Несколько раз встречал маму и обещал...

А л е к с . ...а он не только не помог — оттолкнул тебя от консерватории!

А л ь д а . Я сама не хотела туда, Аль!

А л е к с . Почему?

А л ь д а . Чтобы не компрометировать папу, что вот еще я есть... И он тоже очень боялся для меня этой среды искусства. Этих людей, таких благородных в своих ролях. В конце концов, так и получилось. (*Поникла. Пауза. Алекс смотрит с тревогой.*) Нет, не говори, отец хороший, он очень хороший.

А л е к с . Он порывами — великолепный человек.

А л ь д а (*светлеет*). Правда? Ну, правда же! Маму, конечно, он жестоко обидел, но и мама говорила всегда, что он — великий и замечательный человек.

А л е к с . А тете Христине? Чтобы за двадцать лет гроша ей не бросить? Я ему выскажу! И ведь не от скудости, а — ровное благополучие, когда не хочется пальцем пошевелить. Тебя! — годами не видит — и спокоен.

А л ь д а . Ты не прав! Это я! Это я сама не ходила к нему. Теперь так получилось, ты меня ввел, а вообще зачем создавать ему двойную жизнь? напоминать собой о прошлом?.. Я не ходила — не ходила, только, когда узнала о юбилее — тайком пошла. Села на самом дальнем краешке, надеялась, что меня не заметят, и наслаждалась, как его чествуют. Нынешние ученики расписались на бочонке масляными красками и бочонок втащили прямо на стол. Разливали черпаком с длинной ручкой! (Смеется, очень оживлена.)

А л е к с (поправил волосы на ее лбу). Вот сейчас я могу тебя узнать! Сейчас ты похожа на ту прелестную девочку-школьницу, с которой я познакомился перед войной. (Альда смотрит шаловливо.) Если бы ты всегда была такая!

А л ь д а . Если бы всегда был такой счастливый день!

А л е к с . У тебя карточки того времени не сохранилось?

А л ь д а . У меня нет, но у папы должно быть. Он тебе не показывал?

А л е к с (рассеянно). А?.. Он?.. Та довоенная девочка так в меня впечаталась тогда, что я на фронте и первые годы в тюрьме часто-часто тебя вспоминал. Написать даже хотелось.

А л ь д а . Отчего же не написал? Ни разу.

А л е к с . С фронта? Ты была еще слишком девочка. Из Пустынной Каледонии? когда десять лет впереди?

А л ь д а . А если б ты писал мне — моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе. (Звуковой удар. Рев самолета. Альда вздрагивает, рыдает.) Ну, что это? Ну, что это?.. (Опускается на землю.)

А л е к с. Альда! Альда! (*Опускается рядом, держит ее за плечи. Альда рыдает надрывно, безутешно.*)

А л ь д а. Зачем такая жизнь жестокая, Аль?.. Зачем жить в такой жизни?..

А л е к с (*обнимая ее. Мерно, медленно*). Нет, так нельзя. Так тебя надолго не хватит. Хоть этот день один, я думал, ты проживешь, улыбаясь!

А л ь д а (*рыдает*).

А л е к с. Вот послушай, дружок. В лаборатории биокибернетики, где я работаю теперь у моего друга, счастливым образом как раз сейчас всё готово к тому, что нужно тебе: из человека хрупкого сделать нестигаемого. Ты слышишь меня?

А л ь д а (*смолкает*).

А л е к с. Дать ему устойчивый, неунывающий характер, дать ему душевную невозмутимость. Ты не больна, лечения в обычном смысле тебе не нужно, но ты слишком отзывчива, уязвима. Тебе надо помочь жить. Я уже втягиваюсь в эту технику и могу оценить.

А л ь д а (*подняла голову, слушает*).

А л е к с. Сестрѐнка моя, давай попробуем! Ну, дай мне руку! Для тебя! Чтобы спокойная улыбка не сходила с твоего лица. Довольно тебе страдать, а?

А л ь д а (*слабо улыбается*).

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лаборатория. Три двери, большое окно. Близ работающих приборов — письменный стол. Один ящик выдвинут, и над ним с двух сторон склонились ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ДИПЛОМНИКИ в темных халатах. 1-й насвистывает ритм новейшего танца и трясет корпусом.

Электрическое освещение. Пасмурный день.

2 - й дипломник. А качество тебе придется отдать.

1 - й дипломник. Двух пешек оно стоит. *(Делает ход в ящичке.)*

2 - й. Одной? *(Делает ход.)*

1 - й. Нет, двух! *(Делает ход.)*

Услышав шум, мгновенно задвигают ящик и наклоняются над столом. В среднюю дверь входит ЭНИ. Она невысокого роста, тугоногая, светленькая, твердые движения.

Эни *(строго)*. Чем заняты, молодые люди?

1 - й. Снимаем точки, мисс Баниге.

Эни. И что ж получают за кривые?

2 - й. Пожалуйста. *(Передает ей со стола большой лист.)*

Эни *(смотрит)*. Почему только для двух значений параметра?

2 - й. А скольких?

Эни. По крайней мере, четырех. Нам важно иметь семейство кривых. Недостающие — доснять. *(Возвращает им лист. Идет к левой двери, открывает, кричит внутрь:)* Кабимба!

2 - й. Он вышел, мисс Баниге.

ЭНИ уходит в среднюю дверь.

1 - й *(проводив ее восхищенным взглядом)*. Ты знаешь, а я вообще не от-ка-зал-ся бы!

2 - й *(открывает ящик и, думая над ходом, напевает:)*

— Но подруга Синбара
Нам не пара-а!

1 - й. Нам важно иметь семейство! — это всё равно что заново. В конце концов, мы работаем у самого шефа, и пусть скажет сам шеф.

2 - й. Но мисс Баниге думает с шефом одной головой, это уже замечено. *(Сделав ход, идет к щитку, смотрит приборы, регулирует.)*

1 - й (обдумывая над ящиком, напевает, трясет корпусом, пристукивает):

— Но подружка Синбара нам не пара!

Но подружка Синбара-морехода...

А ладье-ладье ловушка тут в два хода!

Мгновенно задвигает ящик. В правую дверь входит КАБИМБА, рослый африканец, 1-й дипломник снова открывает ящик, думает над ходом и свистит на прежний мотив. Кабимба печален. Идет к окну, прислоняется, смотрит.

2 - й д и п л о м н и к (от прибора). А правда, Синбар не был моряком?

1 - й . Я тоже спрашивал. Нет.

2 - й . Вполне он тянет на жюль-верновского капитана. (Отходит от приборов.) Кабимба-Кабимба! Что вы так невеселы?

К а б и м б а . Дождь идет... (Смотрит в окно.)

1 - й (думая над ходом). Улыбнитесь, Кабимба! Покажите ваши сахарные зубки!

К а б и м б а . Я получил письмо с родины. Я давно должен быть там.

2 - й . Как давно?

К а б и м б а . После университета, два года сзади. Но шеф меня позвал, я остался. Чем в науку глубже, тем трудней оторваться.

2 - й . И что ж тут плохого, Кабимба? Хоть что-нибудь в жизни есть неподдельное — наука! Да еще спорт.

1 - й . Когда судья не жульничает.

К а б и м б а . Биотоки! Для каждого это очень интересно, но моей стране еще о-о-ой сколько не понадобится. Я должен был вернуться домой с простой физикой.

2 - й . И наладить выпуск школьных амперметров?

К а б и м б а (энергично). Да! Моя родина нищая, неграмотная, верит в меня, а я сижу тут с биотоками.

1 - й (сделав ход). Смешно, Кабимба! Родина! (Сме-

ется.) Где вы были раньше? О родине надо было думать в семнадцатом веке или там в каком! А сейчас никаких родин давно нет, это — жуткий анахронизм. Жуткий! Есть только наша маленькая планетка, да и то, кажется... (Машет безнадежно. Трясет корпусом. Вычмокивает ритм.)

2 - й (сделав ход). Кабимба! Вы еще небось и в партии какой-нибудь состоите?

К а б и м б а . В либерально-демократической!

Оба дипломника смеются взрывом.

2 - й . Да кто же нынче состоит в партиях, Кабимба? Опомнитесь! Либералы, демократы, прогрессисты — все эти шайки думают только о себе!

1 - й . И каждый должен думать только о себе!

2 - й . Бросьте вы грязную политику, занимайтесь наукой! У вас идет, у вас получается! (1-му.) Снимаем точку! (Подходит к щитку.)

К а б и м б а (гневно). Вы еще... детишки! Вы достали легкое впечатление! Никуда вы дальше этого города не ездили, ничего не видели, не возьмитесь рассуждать!

1 - й (еще над ходом, напевает):

— Но подружка Синбара-морехода...

Стремительно задвигает ящик и поворачивается к приборам. Из правой двери быстро входят ФИЛИПП и АЛЕКС. Они направляются к средней, но, заметив присутствующих, останавливаются. Филипп мрачен, говорит очень жестко.

Ф и л и п п . Что у вас, мальчики? Сколько точек? (Берет лист.)

2 - й д и п л о м н и к . По три на каждую кривую.

Ф и л и п п . Мало. Медленно. Нет преданности науке. Позвольте! А почему только два значения параметра?

1 - й . А вы не говорили, что...

Ф и л и п п . Если и не говорили, можно сообразить

самим, вы не дети. Четыре-пять кривых по основному параметру — неужели нельзя догадаться?! (*Швыряет лист на стол, 1-й дипломник подхватывает, чтоб он не упал.*) Так из вас никогда ничего не выйдет! Надо думать! И отказаться от дедушкиных темпов. Завтра с утра — всё снова. Сейчас поможете Кабимбе. (*Дипломники начинают выключать приборы, свертываться.*) Кабимба! Вы к записи биотоков с человека сегодня готовы?

К а б и м б а . Да.

Ф и л и п п . Прошу вас. Можем начать в любую минуту. (*Кабимба кивает, уходит в левую дверь.*) Ну, где ж твоя кухня? (*Смотрит на часы.*)

А л е к с . Да, я зря на нее понадеялся. Нужно было с утра самому за ней. Но — тут работа станет. Альда — она такая, она может прийти и на час раньше...

Ф и л и п п . Но этого не случилось.

А л е к с . ...и на полдня позже. Она искренне будет спешить, стремиться, но любое столкновение может отбросить ее в сторону.

Ф и л и п п . Выражаясь нашим языком — мала длина свободного пробега?

А л е к с . Да, очень силен броуновский элемент.

ДИПЛОМНИКИ свернулись, заперли ящик с шахматами, переоделись в белые халаты. Уходят налево.

Ф и л и п п . Но как же тогда мы с ней будем сотрудничать?

А л е к с . Так именно это нам в ней и дорого! Мы собираемся ее векторизировать! — пусть же до опыта она будет предельно разбросанна. Ты сам удивишься, до чего она нам подходит! Она начинает мысль — и забывает ее. То она слушает тебя и как будто не слышит. Смеется — и вдруг плачет. Она смутная и неуловимая, как отражение в воде.

Ф и л и п п . Интересно, посмотрим. (*Закуривает.*) Она замужем?

А л е к с . Была два раза. Оба ее... бросили.

Ф и л и п п . С детьми?

А л е к с . Ты знаешь, она такая ранимая, чуть неосторожно заговоришь — плачет, о замужествах вспомнит — плачет, и я боюсь спросить. Живет она, во всяком случае, одна.

Ф и л и п п . А почему не у отца?

А л е к с . У отца! Отец ее карточек сберечь не мог! — два пятна в альбоме, как глазницы от выколотых глаз. Я вчера у него был, всё высказал. Поругались, он меня выгнал.

Ф и л и п п . Ну, ладно. Скажи вот: кодовая группа — тебе достаточно по объёму?

А л е к с . Нет! И никогда не будет достаточной!

Ф и л и п п . Что ж ты предлагаешь?

А л е к с (*быстро, уверенно*). А — решительно сменить всё направление. Конструировать автоматические программаторы на каждый тип задач. На первых порах это будет большая перегрузка, потом оправдает себя блестяще.

Ф и л и п п . Деньги? Люди? Помещение?

А л е к с . Кооперируемся с другими! Кибернетиков много развелось.

Ф и л и п п . Ты знаешь, Ал... Не хотелось бы. Когда истина открыта не нами, она что-то теряет из своей привлекательности.

А л е к с (*так же быстро*). Фил, надо стать выше этого! Если между нами и счетными машинами будет сидеть кодовая группа — это кибернетика на волах! Я представляю дело так: я подумал — машина поняла! машина подумала — я понял. Всё! Для этого нужны автопрограмматоры.

Ф и л и п п . Ты молодец. Видишь, как вошел в курс. А сомневался.

А л е к с (*очень быстро*). Я, Фил, попробовал и начинаю, кажется, понимать: ни моей и ничьей тут личной заслуги нет. Сейчас во всей науке наступил такой

век, как пять столетий назад в географии: любой недотёпистый капитанишка на какой-нибудь трёпаной шхуне выходил в море наугад и возвращался, если не с новым архипелагом, то с парой новых проливов! Так и теперь — научные мальчики хватаются за проблемы, которых остерегся бы Резерфорд, и через три месяца у них уже всё получилось. Как будто сила нас какая-то подхватила и... (Увидел, что Филипп погружен в угрюмость.) Слушай, ну как с Никой? Консилиум был?

Филипп. Был.

Алекс. Что ж ты молчишь?

Филипп. Бес-пер-спек-тивно. Понимаешь? В ближайшие годы, ты понимаешь — годы! — она с постели не встанет. Вот так будет лежать, как сейчас. И не исключено, что ослабится или парализуется одна сторона. И притом опасности для жизни — нет. Она не умрет. И не будет жить. Вот так, как сейчас.

Алекс (обнимая его за плечи). Но что же можно, друг?.. Что же можно?..

Филипп. Я понимаю, разводиться в таком положении... считается неэтично...

Алекс. Потом, Фил, медицина же бешено развивается, новые ле...

Филипп. Нет! Я навел все справки! Ничего стоящего в разработке нет. (С напряжением.) Как это проклято так заведено! И сколько случаев таких! что человек сам не живет и заедает жизнь другого...

Алекс. Ах, такая молоденькая! Ничего ж не жила!.. Так умоляюще смотрят глазенки... Верните ей ноги! дайте ей побегать!

Филипп. Жалко, жалко ужасно. Но скажи — нас с тобой кто пожалел? Десять лет мы отбухали на каторге ни за что — так недостойны мы сочувствия больше, чем любой другой рядовой человек?

Алекс. Я не уверен. Я боюсь, что тут легко перейти грань: вот мы невинно пострадали, вот мы пра-

вы, правы — и вдруг станем неправы. Это как-то ментально поворачивается.

Ф и л и п п . Ну-ну! Поворачивается! Да я за десять лет такую накопил тоску, такую накопил отдачу! И что же теперь? Неужели я не заслужил радости? полной жизни? ребенка, наконец?

А л е к с . Ну, без ребенка ты можешь и прожить.

Ф и л и п п . Как это без ребенка?

А л е к с . Всё равно дети никогда не вырастают такими, как мы хотим. Рождаются эгоистами, живут для себя. Ищи духовных детей.

Ф и л и п п . Да у меня их целый воз — духовных. Я хочу собственного сына, династического! Неужели ты этого не чувствуешь?

А л е к с . Да как-то нет...

Ф и л и п п . Выродок! Педант! Ждать! Мне — срок лет, куда же дальше ждать? А? Слушай, Ал, загробной жизни не бывает! У нас одна жизнь, эта одна! — и надо прожить ее во всех красках!

А л е к с . Очень трудно, Фил. Жизнь — одна. Но и еще что-то у нас одно. И тоже второй раз не дается.

Ф и л и п п . Что еще?

А л е к с . Глупое врожденное чувство. Рудиментарное.

Ф и л и п п . Э-э, братишка, скажи что-нибудь покрепче. Совесть? — слишком не-ма-те-ри-альна, чтоб жить ей в двадцатом веке. Мы не знаем ее компонентов. Формулы. Некоторые считают ее просто условным рефлексом. Совесть — чувство факультативное.

В среднюю дверь входят ЭНИ и СИНБАР. У него — бакенбарды, трубка.

Итак, вся пожарная команда в сборе? Тогда — маленький совет. Садитесь, друзья! Давайте думать. Мы задыхаемся от тесноты. Нам не хватает людей. Еще острее нам не хватает финансов. Откуда всё брать?

С и н б а р . Пришла пора атаковать и уничтожить

Тербольтма. Доказать, что вся эта социальная кибернетика — абсолютный вздор! И уж во всяком случае забрать его помещение и его субсидии.

А л е к с. Кстати, я не успеваю всё схватывать. Эта социальная кибернетика — что такое?

Ф и л и п п. Да нелепость! Они хотят найти законы в человеческом обществе! И по этим законам построить алгоритмы и проворачивать прогресс на электронной машине.

А л е к с. Стой, это что-то занятно.

С и н б а р. Да дикий бред! Проглотим Тербольтма — и не поперхнемся. Но ведь этого всё равно мало!

Ф и л и п п. Мы переросли рамки университетской лаборатории, нам надо становиться отдельным институтом.

Э н и (она не сводит глаз с шефа). Да! Мечта!

А л е к с (взглянув на часы, прерывается уйти).

Ф и л и п п. А с людьми? Кориэл предлагает конструировать автопрограмматоры. Откуда брать людей?

Э н и. А вот именно, пока мы еще в составе университета — надо его ловко использовать! Во-первых, производственная практика студентов — математиков, физиков. Заставить их работать на нас! Чем они там занимаются?!. Во-вторых, с курсовыми работами. Разные дохлые стариканы высасывают темы из пальца. Наш фронт работ разбить на темы, утвердить в ректорате — и пусть кафедры эти темы дают!

Ф и л и п п. И так в наше русло будут затягиваться самые способные студенты. Блестяще, Эни! У вас золотая голова и в науке и в жизни!

Э н и (очень довольная). Я только о т р а ж а ю свет. Но отражать — я умею.

А л е к с. Окэй, шеф, я пойду, некогда.

Ф и л и п п (вдогонку). Так что ж она не идет, слушаешь?

АЛЕКС ушел направо.

С и н б а р (*эффектно курит трубку*). Всё это, шеф, детские игры. Я не хотел при Кориэле, у него это большое место. Но таких субсидий, какие нужны нам, не даст никакая фирма. В нашу эпоху только государство платит деньги, не считая. Если нам пристегнуться к военному ведомству или внутренней безопасности — о нашем бюджете позаботится сенат!

Ф и л и п п . Я понимаю. Я над этим думал. Но, если мы пристегнёмся, — ведь мы потеряем свободу поиска.

С и н б а р . Ничего мы не потеряем! Мы пристегнем одно-два направления, полезные для них. А делать будем — что нам надо. Вообще я хочу предложить вам интересное знакомство буквально на этой неделе. Один офицер, занимающий важный пост, хочет посмотреть нашу лабораторию.

Ф и л и п п . Да?.. А что друзья, ведь это выход? Э н и . И еще какой!

Ф и л и п п . Выход. Выход! Приглашайте его, Синбар. Поговорим. Итак, что ж? Опыты на животных прошли безукоризненно, начинаем на человеке. Если эта особа, которую обещает Кориэл, все-таки сегодня придет — сегодня же снимаем с нее биопотенциалы.

Э н и . По двумстам каналам?

Ф и л и п п . Да. Альфа, бета, тэта-ритмы, все острые волны, посторонние частоты. Затем...

С и н б а р . ...кладем, даем состояние покоя в темноте, снимаем дельта-ритм. Затем световые вспышки нарастающей частоты... Да! Сказать Кабимбе, что...

Поднимается, быстро уходит налево. Филипп и Эни сидят на прежних местах и внимательно смотрят друг на друга. Пауза.

Э н и . Наверно, все-таки, не следовало мне идти к вам вчера.

Ф и л и п п . В конце концов, вы — моя близкая сотрудница. Почему вы не можете ко мне зайти?

Э н и . Это получилось жестоко.

Ф и л и п п . Но постепенно когда-то надо же... приучать ее.

Э н и . Но как она смотрела на меня!

Ф и л и п п . Вот это как раз то, через что надо... переступить.

Э н и . Мне было гадко очень...

Ф и л и п п . Но если есть вина — пусть она будет на мне. При чем же вы? Ну, не были бы вы — рано или поздно другая. Надо же смотреть реалистически.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Э н и . Хорошо. Я постараюсь...

Быстро входит СИНБАР.

Ф и л и п п (*встает*). Итак, обязанности распределены и известны. Вы меня позовете. (*В средней двери останавливается. Рассеянно:*) Что-то я еще хотел... Да... Ну, пока всё...

Медленно уходит.

Э н и . Бедный Радагайс! Самый напряженный момент, ему нужна ясность, твердость — а у него такая трагедия дома.

Синбар молчит, вглядывается. Он когда и не курит — трубка у него в руках.

Э н и . Что ты на меня так уставился

С и н б а р (*прочно стоит, расставив ноги*). Жду, что ты скажешь еще.

Э н и . Пока всё.

С и н б а р . Мне кажется, ты интересуешься не тем, чем нужно.

Э н и . Нашим общим делом?

С и н б а р . Семейные дела шефа?

Э н и . В той мере, в которой они отражаются на руководстве.

С и н б а р (*подходя, мягче*). Эни! Мне кажется, уже шепотком о нас начинают шутить.

Э н и. От этого женщина всегда страдает больше!

С и н б а р. Хорошо. Я осознал. Я понял. Это была моя ошибка.

Э н и. Сколько я ночей проплакала, ты не знаешь.

С и н б а р. Ну, теперь ты разветвленно будешь меня попрекать. (*Берет ее за локти.*) Теперь я говорю: женимся! немедленно женимся! А ты..?

Э н и. Но я приучена к логике, Синбар. Ты говорил — надо ждать твоей диссертации. Так подождем, осталось меньше.

С и н б а р. Но ты еще недавно сама настаивала!

Э н и. А ты мне плел о науке, о стариках-родителях, о твоих маленьких сестрах...

С и н б а р. Эни, ты росла в благополучии, у тебя был гладенький путь. Не успела ты кончить университет, я ввел тебя сюда. А я знал нужду, и напуган ею, и не хочу больше. (*Пытается ее обнять.*)

Э н и (*вырываясь*). Тут студенты ходят!

С и н б а р. Хорошо, ждем так ждем. Но что изменилось? Целый месяц ты н-н-н... Я озверею к чертям скоро! Придумываешь разные предлоги... Я могу заподозрить у тебя...

Э н и (*раздельно*). А ты не думал, что я у тебя давно могла заподозрить..?

Напряженно стоят друг против друга. Ослабляются при открытии двери. Справа входят АЛЬДА в плаще со следами дождя, за ней АЛЕКС.

А л е к с. Ну вот, наши сотрудники. (*Знакомит.*) Альда Крэйг, моя кузина, Анна Баниге, руководитель биологического направления нашей лаборатории.

Э н и. Ой, как громко и неуклюже, мистер Кориэл! (*Альде:*) Просто — Эни. (*Рукопожатие.*) Зову шефа, он просил сейчас же...

Уходит в среднюю дверь.

А л е к с . Синбар Атоульф, врач.

С и н б а р (*знакомясь, холодно*). Вы никак не приходитесь профессору Крэйгу?

А л ь д а (*робко*). Я... его дочь...

С и н б а р . Позвольте, у него сын, дочери у него нет.

А л е к с . Она перед вами, Синбар.

С и н б а р . Нет, тут какая-то ошибка. Я точно знаю, у него только сын.

А л ь д а (*с живостью*). Папа не виноват, это я виновата! Я жила сама по себе...

Алекс делает знак Синбару, СИНБАР уходит вслед за Эни.

Ах, из-за меня будут плохо думать о папе! И ты! даже ты вчера так папу оскорбил! Но я вас помирю непременно.

А л е к с . Ну, помирись, конечно. (*Помогает ей снять плащ, вешает.*)

А л ь д а . Какая Эни миленькая. Ты за ней ухаживаешь?

А л е к с . Мне, Альда, сейчас не до миленьких. Я, знаешь, как закрутился? Сплю пять часов в сутки.

А л ь д а . Смотри-смотри, упустишь. (*Оглядывается.*) Ой, что это мне как-то не по себе? (*Еще оглядывается.*) Аль, мне страшно стало почему-то. (*Держится за него.*) Может отменим, уйдем, зачем это всё.

А л е к с (*улыбаясь*). И я — Аль, и ты — Аль, и чего же ты боишься?

А л ь д а . Даже тебя боюсь. Ты здесь переменялся. Скажи, это будет больно?

А л е к с . Ничуть.

А л ь д а . Но ты же сам не испытал?

А л е к с . Снятие биотоков? Да со всех сотрудни-ков снимают, записывают.

А л ь д а . Ах, ну всё равно, Аль! Это что-то нечеловеческое. Зачем это? Уйдем!

А л е к с (*успокаивает, усаживает*). Альдонька! Но

ведь мы же договорились. Обсудили. Это будет лучше для тебя. Тебе нельзя иначе.

Входят ЭНИ, ФИЛИПП, СИНБАР.

А л е к с . Филипп Радагайс, начальник лаборатории.

Альда поднимается.

Ф и л и п п . Мы рады видеть вас здесь. Хотя вы и... заставили нас ждать.

А л ь д а (поспешно). Это можно объяснить! Это так получилось...

Ф и л и п п (великодушно). Ничего не надо объяснять. Но... (Смотрит на часы. Эни и Синбар надели белые халаты.) ...и откладывать не будем. (Надевает белый халат.)

А л ь д а (покорно). Надо идти?

Синбар показывает ей на левую дверь. Опустив голову, Альда уже направляется туда, но останавливается внезапно.

А л ь д а . Но позвольте, господа, я же все-таки не кролик. Объясните, что вы будете со мной делать?

Синбар уже открыл дверь, оттуда вышел КАВИМБА. Он в белом халате, рукава засучены. По знаку Филиппа он закрывает дверь, оставшись с этой стороны.

Ф и л и п п . Это ваше право. Садитесь.

Альда садится. Все стоят: Алекс — позади ее кресла, остальные — в белых халатах, настороженные, пристальные — против нее.

Ф и л и п п . Ну-с, прежде всего — что такое биотоки? Биоток — это очень маленький, слабый электрический ток, непрерывно идущий в каждой нашей нервной клеточке. Всё, что мы ощущаем, думаем, переживаем или делаем — всё это, в конце концов, так или иначе отражается на биотоках или определяется био-

токами. Биоток даже прочитывать мы научились совсем недавно, по сути...

Эни. Год назад.

Филипп. Что же касается обратного нашего влияния на биотоки — вот это и есть наша задача теперь. Сперва, конечно, мы основательно изучим ваши биотоки, посмотрим энцефалограммы, обработаем при помощи электронных машин...

Алекс (*почти на ухо Альде*). Это всё — не сегодня, это — много дней.

Эни. Даже недель.

Филипп. И в конце концов мы вас подвер... мы применим к вам так называемую кибернетическую нейростабилизацию. Стабилизацию! — значит мы обеспечим вам самое оптимальное.

Алекс (*на ухо*). ...самое наилучшее...

Филипп. ...внутреннее душевное состояние и сделаем его стабильным, как будто вы родились с ним, как будто это не дар науки, а дар природы. После этого никакие потрясения, никакие удары судьбы не будут вам страшны. Вы не будете никогда испытывать ужаса, гнева...

Альда (*вскакивает, вскрикивает*). Что вы все на меня так смотрите?! Неужели я душевнобольная?..

Стонет, едва не падает. Алекс успевает подхватить, вместе с Синбаром сажают ее в кресло. Эни подносит воды.

Алекс. Альда, милая, успокойся, что ты вообразила?.. Выпей воды. Альда, что ты придумала? Неужели я хочу тебе хуже?

Альда выпила воды, откинулась, безжизненна, бледна.

Филипп. Сударыня, это совершенно добровольно, мы ни к чему не понуждаем вас, и вы можете уйти. Ну, наконец, если хотите, мы сегодня при вас сделаем запись биотоков с кого-нибудь другого, и вы убедитесь...

Альда (*после глубокого вздоха, слабо*). А вы не

обманываете меня? Вы меня там не запрете? не оставите?

А л е к с . Аль-да!!

А л ь д а (*грустно*). Что ж «Альда»? Меня обмануть легко... (*Обводит всех глазами.*) Но нет, я верю вам. Это мне так померещилось. Что я должна делать? (*Встает.*)

Э н и (*ведет ее под руку налево*). Пойдемте, милая, мы немножко с вами переоденемся.

Идут. АЛbДА из дверей оборачивается и улыбается Алексу, как бы прощая его.

А л е к с (*тихо*). Ее волнение — не испортит записи?

Э н и (*услышав, из двери*). Как раз наоборот: будет четкая запись!

Уходит. За ними — КАБИМБА.

С и н б а р . Это очень хорошо, что она так взволнована!

Уходит туда же, прикрывая дверь.

Ф и л и п п (*кивает*). Это позволит оптимально выявить характерные для нее частоты! Да, хороша твоя кухня, Ал. Вот из кого выделить, что нам надо!

А л е к с (*удерживая его*). Она свечечка, Филипп! Она — трепетная свечечка на ужасном нашем ветру! Может, зря я ее привел?.. Не задуйте ее! Не повредите!

Ф и л и п п . Мы дадим ей настоящее гранитное душевное здоровье. Мы превратим ее нервную систему в неотклоняемый вектор! (*Не пуская его за собой.*) Ты — не ходи, ты будешь на нее воздействовать. Не ходи, останься!

Уходит налево, закрывая дверь.

А л е к с (*в колебании, в раскаянии — то к одной двери, то к другой*).

Входит ДЕВУШКА из кодовой группы.

Д е в у ш к а . Мистер Кориэл! Код нанесен. Перфолента готова!

А л е к с . Да? Иду... (*Смотрит туда и сюда.*) Иду. Иду.

Медленно уходит направо вслед за девушкой. Близ левой двери вспыхивает светящееся незамеченное нами прежде табло:

ИДЕТ ЗАПИСЬ

Не входить!!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В доме у Радагайса. Попеременно: большая гостиная, где рояль, радиола, телефон; малая гостиная с телевизором; в конце еще и прихожая. Из обеих гостиных в глубине видна столовая, где уже расстроен обильный праздничный стол.

Часть ГОСТЕЙ в большой гостиной слушает АЛЬДУ, гладенько играющую на рояле пьесу Шуберта. Другие ГОСТИ — в столовой, всего их человек около двадцати пяти, университетская публика, среди них — энергичный средних лет ГЕНЕРАЛ. В малой гостиной сидит ТЕРБОЛЬМ; стоит, слушая игру Альды, АЛЕКС. Фортепьянная пьеса тут же и кончается. Аплодисменты. Многие переходят в столовую.

А л е к с (*очень расстроен. Садится возле Тербольма*). Разве это поздний Шуберт? Разве это поздний Шуберт! (*Берется за голову.*)

В столовой — импровизированный тост, кто сидит, кто стоит. Оттуда слышен

Голос Ф и л и п п а . Дорогие друзья! Много лестных тостов было сегодня произнесено в честь создания института биокибернетики, в честь его жарких научных боев, в честь получения профессорского звания вашим

покорным слугой. Но мы обошли одну из главных виновниц торжества — госпожу Альду Крэйг, чьей прелестной игре мы все только что аплодировали и чье многомесячное любезное сотрудничество с нашей лабораторией помогло нам блестяще доказать эффективность нашей методики, нашу способность преобразовывать характер человека! (*Аплодисменты.*) Однако перед тем, как поднять тост, мне хочется поднять вот этого крепыша (*двумя руками высоко поднимает мальчика, тот хочет спать; смех*), сына госпожи Альды, которого мы вернули счастливой матери.

Г о л о с . Радагайс! Вы так гордитесь им, будто целиком изготовили его в лаборатории биокибернетики. (*Смех.*)

Ф и л и п п . Зубоскальте-зубоскальте! А мы видим в нем символ нашей удачи! (*Аплодисменты. Опускает мальчика.*) Итак, за госпожу Крэйг и ее сына.

Гул одобрения. Пьют.

А л е к с . Я не понял, Тербольт, — хозяйку этого дома вы откуда же знаете? Ведь здесь, у Радагайс, вы не бывали раньше?

Т е р б о л ь м . А — в больнице, в Гран-Эрроле. Я там — свой человек: я лежал там многие годы. Теперь показываюсь врачам иногда. И вот меня подвели к ее постели, чтоб на моем примере приободрить.

А л е к с . Удобно ли спросить, что было с вами?

Т е р б о л ь м . У меня в юности были очень больные слабые ноги. Они и сейчас не крепкие. Когда я волнуюсь — мне трудно стоять. Я пролежал семь лет. Я не был уверен, что встану.

А л е к с . Семь лет вы пролежали, отроду вам тридцать четыре, когда ж вы так много успели?

Т е р б о л ь м . По аналогии со своим печальным опытом вы можете догадаться: именно потому и успел, что лежал. Недостаток внешнего движения вызывает к движению внутреннему.

А л е к с . Но всё-таки — как вы могли додуматься посягнуть на человеческое общество?!

Т е р б о л ь м . А социология вообще, то есть, болтовня — это не худшее посягательство? когда мы беремся вмешиваться в будущее, не умея предсказывать его ни точно во времени, ни точно в пространстве, ни — точно по форме и величине?

Проходят ГЕНЕРАЛ и СИНБАР.

Г е н е р а л . Слушайте, доктор, с кибернетикой мы уже немножечко обожглись. Обожглись! Даже у такой полезнейшей кибернетики, как военная, оказалось коварное свойство... э-э... перешагивать.

С и н б а р . Перешагивать?

Г е н е р а л . Да! Через задачи, поставленные командованием.

С и н б а р . Инициатива! Вы должны радоваться.

Г е н е р а л . Слушайте, чему тут можно радоваться? Первая машина была сделана против в о з д у х а . Она получала от локаторов сигналы о подходящих самолетных группах, ракетах, все это моментально обрабатывала, молодчина, и сама же включала ракетодомы, аэродромы, зенитные батареи — оч-чень хорошо!

С и н б а р . Очень хорошо.

Г е н е р а л . Но не очень! Уже тогда появилось сомнение: э-о-о... а-а... авиационному командованию что же делать? Ладно. Тут нам сделали вторую модель — «Воздух и Вода». Теперь в нее входили сигналы еще от подводных лодок, от кораблей, от торпед, всё это обрабатывалось, выскакивало, и сама машина совершенно немедленно давала лучшее решение: какому нашему кораблю куда стрелять, какие контрторпеды... какие минные заграждения... И все наши адмиралы... э-э-э... вы понимаете?

С и н б а р . Начинаю улавливать.

Г е н е р а л . Так тут наши электронные умники

стали делать нам такую Главную Штабную Машину! и поменьше — Корпусную! и поменьше — Дивизионную! в которые теперь должны закладываться и все данные с земли — движение моторизованных частей, саперные работы, переправы, расположение артиллерии... И машина всё это с какой-то чертовой скоростью проворачивает и дает безупречно-лучший вариант боя!! А? А?

С и н б а р . Так победа будет наверняка за вами?!
Блестяще!

Г е н е р а л . Да на кой черт нам такая победа! Кто обслуживает машину? Университетские мальчишки! А люди, умудренные опытом мировой войны, локально-колониальных войн, люди, покрытые орденами, пол-ководцы!!? Какой труд в человеческом обществе ценится выше, чем пол-ководческий? Какие гении оставили в истории более яркий след, чем пол-ководцы? Александр Македонский, Чингис-хан, Батый, я не буду перечислять. Так что с такой кибернетикой? Р-разогнать?!

С и н б а р . Господин генерал! Но уверяю вас, что биологическую кибернетику...

Г е н е р а л . ...не придется ли тоже когда-нибудь разогнать?

С и н б а р . Может быть, и разогнать, но совсем в другом смысле: придать ей побольше скорости!

Генерал хохочет. Показывается шуточная процессия: 1-й и 2-й ДИПЛОМНИКИ, обмотав головы полотенцами, как чалмами, выбивают ритм — в самодельный бубен и ложкой по кувшину. ДЕВУШКА из кодовой группы идет с печальными плясовыми движениями. Сзади — КАБИМБА, меланхолически улыбаясь. Все мужчины уже изрядно выпили.

С и н б а р (*преграждая дорогу*). Что это?

1 - й д и п л о м н и к . Торжество омрачено, сэр! В этот веселый вечер мы провожаем Кабимбу и хороним его диссертацию...

К а б и м б а (*машет*). Забирайте, что хотите...

С и н б а р . Но вы еще к ней вернетесь?

К а б и м б а . Всё стареет, пока вернусь.

2 - й д и п л о м н и к . Кабимба! Еще не поздно одуматься!

1 - й д и п л о м н и к . Кабимба! Не платите за билет! Вот этот капитан (*показывает на Синбара*) может вас подкинуть в Африку бесплатно!

Д е в у ш к а из код. группы. Капитан! Не разрежьте нас лопастями! (*Расталкивает дипломников.*) Железный капитан! Мы пропускаем вас!

Синбар и Генерал проходят между ними. Молодежь возобновляет процессию.

С и н б а р (*указывает генералу на Терболяма*). А вон тот белокуренький — вы знаете кто? Вот кого надо, генерал, душисть в колыбели... Он...

Рассказывает беззвучно.

Т е р б о л ь м . Теперь в мои две голые комнаты ломаются корреспонденты, нюхают, ищут — где ж эта машина, которая должна изображать собой государственное устройство? Задают мне вопросы, вроде таких, не может ли моя машина остановить революцию? не может ли моя машина заменить правительство? не может ли она обеспечить успех всеобщего разоружения? (*Смеется.*) А машины нет. Как? Еще нет? Уходят разочарованные.

А л е к с . Я боюсь, вам не следовало так рано печатать статью. Открывать себя.

Т е р б о л ь м . Что делать? Нельзя ж идеям лежать. Не хватит сил у нас — пусть сделают другие. Денег нам не дают. Сотрудники к нам не идут. Вот вы ж не пойдете?

А л е к с . Не пойду. Но не потому, что у вас нет денег, а потому, что боюсь — как это вы начнете кромсать бедное человечество.

Т е р б о л ь м . Коризл! Простительно кому-нибудь другому сказать, но не вам. Почему мы должны отка-

зывать коллективу людей — обществу — в тех принципах информации, координации и обратной связи, которыми в отдельности пользуется каждый человеческий организм, каждый коллектив клеток?

СИНБАРА нет.

Генерал *(подходя)*. А слово «коллектив» вы не могли бы заменить каким-нибудь другим? «Коллектив» как-то отдает социализмом.

Тербольтм *(пытается привстать, но садится)*. Ничего не могу. Это удачное слово. Например, мозг. *(Темнеет. Засвечивается модель: на сфере дышат переменной яркостью множество отдельных точек. Внутренность сферы темна.)* Между клетками — связи. *(Живые светящиеся ниточки то зажигаются, то гаснут, пересекая по хордам внутреннее пространство шара.)* Только эти свободные связи и позволяют организму выживать, то есть противостоять внешним разрушительным явлениям и восстанавливать себя после повреждения. Если же связи жестко регламентированы *(на модели все точки и все нити замирают в одном положении)*, то развитие останавливается и жизнь оказывается под угрозой. *(Схема гаснет. Свет.)* Так и обществу надо уметь переживать свои разрушительные явления: засуху, эпидемию, землетрясение, экономический застой, финансовый крах, войну...

Генерал. ...Революцию...

Тербольтм. Изю всего этого надо выходить восстановленным и способным к дальнейшему развитию. И для всего этого обществу необходимы только: безупречная информация, координация и обратная связь.

Генерал. Но причем тут электронная машина?

Тербольтм. А те же принципы и у машины — информации, координации и обратной связи. Машина будет моделью общества. И вот любую реформу, предлагаемую для общества, не надо долго обсуждать, не надо гадать, голосовать — укрепит она общество?

или ослабит? или разрушит? Реформу эту мы кодируем, впускаем в машину, и через несколько минут — ответ!!

А лекс. Вообще — здорово!

Генерал. Ничего не понимаю! Проверять реформу на какой-то безответственной электронной машине, если о ней достаточно авторитетно может судить парламент! министр! и, наконец, совет министров!

Тербольтм. Видите ли, беда в том, что люди могут находиться во власти случайных настроений. Оскорбленных самолюбий. Групповых пристрастий и антагонизмов. Тщеславия. Поспешности.

А лекс. Да скажите просто — они могут быть корыстны! Уж человеческим ли обществом не управляют при помощи злой воли?

Генерал (*не в первый раз всматриваясь в Алекса*). То есть, какими обществами и когда?

А лекс. Ну, я говорю — раньше, раньше.

Генерал. Ах, раньше? Это верно. (*Тербольтму*.) Но чем вас не устраивает современное демократическое государство?

Тербольтм. Вот по такой схеме? (*Темнеет. Засвечивается модель — пирамида. Внизу много мелких светящихся точек, чем выше — тем их меньше, но они крупней. Светящиеся линии связей от основания к вершине не мигают, так же как и точки.*) В ней нет гибкости. Очень сложное соединение элементов. Почему-то нигде в природе мы ничего подобного не находим. Эту форму придумали люди и отнюдь не удачно. Живые клетки предпочитают соединяться... (*Рядом с пирамидой снова засвечивается живой действующий мозг.*) Вот так. Без кучера. (*Обе схемы гаснут.*)

Генерал. Ну, знаете, господа, мы все за демократию, но в разумных же пределах. Без сильной руки демократия невозможна. А если этот ваш... коллектив автоматов... сойдет с ума и погубит нацию?

Тербольтм. Опасность есть всегда, во всякой

конструкции. Мост может рухнуть, самолет — развалиться. Обязанность создателей — неблагоприятные возможности пресечь.

А л е к с . Но зато злоупотреблений — можно скорей ожидать от людей. Эта электронная машина, во всяком случае, не будет стремиться нажить капиталы! пристроить родственников! потребить общественной энергии больше, чем ей отведено по схеме. Она не начнет войны и не потребует завоеваний.

Г е н е р а л . Я всё время смотрю на вас и не могу вспомнить — откуда я знаю ваше лицо?

А л е к с . Я тоже не сразу вспомнил. Вы раньше не служили в Управлении Мыслей и Чувств?

Г е н е р а л . Допустим.

А л е к с . А не приходилось вам инспектировать Пустынной Каледонии?

Г е н е р а л . Да.

А л е к с . Так я приходил к вам однажды. С протестом от имени каторжан.

Г е н е р а л . Ка-тор-жан?!

А л е к с . По поводу плохого питания и плохого обращения. Впрочем, протест мой успеха не имел.

Г е н е р а л . И вы не стесняетесь открыто вспоминать, что вы там были?

А л е к с . Если не стесняетесь вы! — Я-то оправдан. Убийца оказался не я.

Г е н е р а л . Ну, знаете, «оправдан» этим не следует козырять. Это не следует понимать так, что вы вовсе не виноваты.

А л е к с . А я понимаю так.

Г е н е р а л . Напрасно. (Тербольтму.) Молодой человек, то, что вы изложили — это какое-то маниакальное безумие. Вы хотите, чтоб обществом управляли машины?

Т е р б о л ь м . Да нет же! Машины будут только моделировать реформы и проверять их. А управлять машинами...

Г е н е р а л . Инженеры? Ученые?.. Не пойдет. Не подойдет. Слушайте! Чтобы управлять обществом — к этому нужно готовиться с детства. Не во всякой семье родившись, вы можете управлять. Это — уменье немногих и ни на что не похожее. Я вам очень советую, молодой человек, изберите какое-нибудь более... э-э-э... прогрессивное направление. Займитесь Космосом. Промышленностью. Спортом, наконец. И вы будете благоуспевать. А на такую машину вы не получите нигде ни шиша. И, может быть, в интересах демократии придется вас немножечко... подзавернуть. (Уходя.) Он хочет, чтобы машины управляли обществом!

Ушел.

Т е р б о л ь м . Вот так. И никто ко мне не идет. И вы тоже не идете.

А л е к с . Страшно, Терболизм. Вот мы здесь взяли одно человеческое создание — и что наделали? А вы хотите — миллионы людей сразу!

Т е р б о л ь м . Но никакой же «обработки» миллионов! Никакого натиска на душу людей! Мы только хотим помочь людям предвидеть их социальное будущее. Не вести человечество ложными путями.

Видно, как из столовой сюда ФИЛИПП катит столик-тележку с вином и тарелками.

Мы только разрабатываем правила перехода к идеально-регулируемому обществу.

А л е к с (горячо). Хо-го! «Идеально-регулируемое» — это еще не значит идеальное! Для отдельного человека! Нет, так просто вы меня...

Ф и л и п п (громко, с широкими жестами). Друзья мои! Это уже нечестно! Надо уметь отдыхать! О т д ы х а т ь ! Otium post negotium!*) И — как еще там?

Т е р б о л ь м . Otium reficit vires.**)

Ф и л и п п (почти кричит). Сегодня мы о т д ы х а -

---

*) Досуг после работы.

***) Отдых обновляет силы.

ем! А у вас деловой разговор? запрещено! (*Садится на подлокотник в свободной позе.*) Слушайте, Тербольт, неужели вы до сих пор на меня сердитесь? Да никогда мне не мешало ваше научное направление! Да мне не жалко, крутите его хоть до небес. Но жизнь есть борьба!! В тот момент мы столкнулись на узкой тропинке. Теперь же конфликт ликвидирован. Выпьем за дружбу! (*Наливает всем троим.*)

А л е к с . Но за эти месяцы Тербольту пришлось...

Ф и л и п п (*смеется*). Вот между прочим, если б не он (*кивает на Алекса*), мы б вас добились, это верно. (*Кричит:*) Но теперь конфликт улажен! Мы выделяемся из Университета, вам вернут ваш бюджетик, получите назад ваши комнаты, можете прихватить часть наших. Никаких последствий!

А л е к с . Последствия — моральные.

Ф и л и п п . Ал! То, что не материально — то не-су-ще-ствует! Выпьем!

Т е р б о л ь м . Социальная кибернетика почему-то всех бешено задевает. Именно в общественной жизни все себя считают знатоками. У меня и без вас было много врагов...

Ф и л и п п . Да никогда я не был вашим врагом! И что вам враги? У вас еще больше идей! Вы напечатали такую статью — вы прогремели на весь мир! Вот если сейчас не выпьем — буду вашим врагом. Вы — социолог, я — биолог, я готовлю вам п о ч в у . За почву будете пить?

К ним подошла ЭНИ.

В частности, вы обижаете мисс Эни.

Т е р б о л ь м (*взялся за бокал*). Нет, я никак не хочу обидеть мисс Эни.

Алекс тем временем пьет.

Э н и . А у меня не было большего праздника в жизни, чем сегодня.

Ф и л и п п . Это раз. А во-вторых, мисс Эни была столь любезна, что взяла на себя роль хозяйки дома.

Эни. Разумеется, только сегодня...

Филипп. И поэтому вы обижаете ее вдвойне.

Тербольтм (*привстает, чтобы усадить Эни*). Но тогда и вы с нами...

Эни. Нет-нет! Я должна быть всё время в движении, и у меня должна быть сегодня особенно ясная голова.

Филипп. Ну, чуть-чуть можно. (*Наливает ей. Алекс тянется налить себе снова.*) Спешите наверстывать, Ал! Правильно!

Алекс. Куда спешить нам, Фил? Оказывается, мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику.

Филипп. Ста-рьё!! Сломаем — и будем строить из пластмассы и стекла. Итак, за единение, за продвижение, за...

Алекс. Но по возможности без генералов.

Филипп. А чем тебе не нравится генерал? Радужнейший человек! И расположен к нам! Ну, выпили-выпили-выпили! (*Пьют вчетвером.*) И помирились. Конфликт исчерпан! (*Хлопает Алекса по плечу.*) Отдыхать, отдыхать, Ал!

ФИЛИПП уходит в большую гостиную. ЭНИ идет в столовую. Ей преграждает путь СИНБАР, раскуривающий трубку. Сперва он стоит, не пропуская ее, потом подчеркнуто уступает дорогу. Эни проходит. Синбар, покуривая, медленно передвигается по малой гостиной, рассматривает картины на стене. Тихо доносится звук радиолы из большой гостиной.

Тербольтм. И вот она там сейчас лежит, глаза в потолок, под лампочки, ей даже повернуться больно. А мы тут все знаем о ней и улыбаемся друг другу, будто не знаем. Так устроен мир: радоваться достается нам вместе, а страдать, болеть, умирать в одиночку. (*Долгая пауза.*) Коризэл! Серьезно. Переходите к нам.

Алекс. Говоря откровенно, Тербольтм, я не только к социальной кибернетике, я ко всякой науке вооб-

ще отношусь с подозрением. Она доказала, что неплохо умеет служить тирании.

Т е р б о л ь м (*подумав*). Тираны рождаются не наукой. В ненаучную эпоху и в ненаучных странах их было еще больше.

А л е к с. Но и наука успела им неплохо послужить!

Т е р б о л ь м. Ее захватили бессовестные руки! Вот и надо создать идеально-регулируемое общество, где науку не используют уже во зло.

Синбар включает телевизор. Оба оборачиваются. Алекс отмахивается.

А л е к с. Синбар! Пощадите! Не надо сумасшедшего дома!

Синбар выключает. Прислушивается к их разговору.

Т е р б о л ь м. А вы? Вы относитесь к науке с подозрением, но всё-таки занимаетесь ею.

А л е к с. Да, может быть, и брошу, не знаю. Для меня главный вопрос в жизни был всегда: зачем? Ведь в каждом частном мелком поступке... Выходя из дому, я всегда знаю, куда и зачем. И покупая какую-нибудь вещь, я всегда знаю — зачем. А в крупном почему-то считается — можно не знать, не думать... Вот я работаю у Радагайса уже полгода и всех спрашиваю: зачем это мы всё делаем? Никто не может мне ответить. Зачем вообще наука? Мне отвечают: она интересна; этот процесс не остановить; она связана с производительными силами. Но всё-таки — зачем? Нам всюду подсовывают какие-то странные цели: трудиться надо — для труда, жить надо — для общества.

С и н б а р. Высокая, прекрасная цель. Почему она вам не нравится?

А л е к с. Прекрасная, но не цель.

С и н б а р. Почему?

А л е к с. Так ведь, если я живу для вас, а вы

живете для меня — это замкнутый круг. Ответа «зачем мы живем?» — всё равно нет.

Т е р б о л ь м . А «зачем мы живем?» — это неточная постановка вопроса. Мы же не родились актом собственной воли с заранее заданным намерением. За чем можно было бы спросить либо у Бога...

С и н б а р . Ну, Боженку сюда давайте не путать!

Т е р б о л ь м . Религия смешна, это общепринято. Тогда — у наших родителей.

А л е к с . Но мы — тоже родители. Значит — за чем мы даем жизнь?

Т е р б о л ь м . Вот так можно. И еще так можно: поскольку ты уже родился и уже вырос существом сознательным, то какую ты лично ставишь перед собой цель? Или — никакой и живешь по необходимости горькой.

А л е к с . А, Синбар? Ваша цель? И цель ваших будущих детей?

С и н б а р . Счастье, конечно, что за наивный вопрос!

А л е к с . Ладно, но что такое счастье?

Большая гостиная. Бóльшая часть гостей — здесь.

Пожилые — в глубине, за картами, малыша нет. Под крикливую песенку, исполняемую радиолой, несколько пар танцуют современное, в их числе — ФИЛИПП с АЛЬДОЙ, ГЕНЕРАЛ с ЭНИ. Вскоре танец кончается. Генерал подходит к Филиппу и Альде. Эни проходит по гостиной, следя, чтоб всем было весело.

Г е н е р а л . Я благодарю вас, профессор, за прекрасно проведенный вечер. Мне скоро пора уходить. На прощанье вы разрешите задать несколько вопросов вашей подопечной?

Ф и л и п п . Разумеется, генерал, разумеется!

Г е н е р а л (Альде). Я вас не утомлю? Не обескуражу?

А л ь д а (всё, что она говорит сегодня, — разме-

ренно, равнодушно, отчасти устало). Пожалуйста. (Садятся.)

Генерал. Скажите, свойственно ли вам было прежде чувство страха? Страх?

Альда. Очень.

Генерал. Вы — боялись, да? И чего же вы боялись?

Альда. Мне сейчас даже не верится. Всего боялась. По утрам — что надо идти на шумные улицы. По вечерам — одиночества, темноты.

Генерал (с надеждой). А теперь?

Альда. Ничего не боюсь.

Генерал (всплескивая). Великолепно! Замечательно!.. Ну, а например — страх за сына?

Альда. А почему я могу бояться за сына?

Генерал. Кстати, у вас его отнимали, да? По суду?

Альда. Нет, свекровь только угрожала судом — и я сдалась. Я издерганная была. А теперь вот и мистер Радагайс выхлопотал мне медицинские справки. И я решительно забрала.

Генерал (просияв). Решительно? Вот это интересно тоже. Вам раньше свойственны были... колебания?

Альда (смеется деревянно). Никогда я не знала, как сегодня одеться. Как построить день. Что приготовить поесть. Если б вы дали мне на выбор две одинаковых конфеты — я б не выбрала.

Генерал. Эт-то замечательно! Эт-то удивительно! Ну, благодарю вас, благодарю! Вы не представляете, как вы меня радуете! (Встает. Филипп тоже.) Скажите, ну, а в масштабе... э-э-э... сотен человек? Тысяч?.. Я не говорю пока... э-э-э... миллионов? Такую операцию можно произвести?

Филипп. Средства! Только средства, господин генерал.

Генерал. Так я гарантирую вам! Можно счи-

тать, что в текущем году ваш институт уже на нашем бюджете. *(Целует руку Альде.)*

Подошла ЭНИ. Филипп направляется провожать генерала.

Г е н е р а л . Нет-нет, уж доставьте удовольствие, пусть меня проводит ваша обаятельная хозяйка.

Прощается. Уходит с ЭНИ.

Ф и л и п п . А куда делся ваш бутуз?

А л ь д а . Да где-то Эни его положила спать. Кажется, в комнате Ники. *(Кивает налево.)*

Ф и л и п п . Очень вы были внимательны к Нике, скрасили ей немало вечеров. Спасибо. Понимаете, трудно было решиться на этот шаг, но... Болезнь так затянулась... Дома невозможно было обеспечить правильный уход, полное лечение.

А л ь д а . Это понятно.

Ф и л и п п . И, по-моему, ей там будет даже лучше. Там будут разные процедуры...

А л ь д а *(кивает)*.

Ф и л и п п . У нее появится надежда на выздоровление.

А л ь д а . Но надежды нет.

Ф и л и п п . Нет. И куда же, Альда, теперь вы?

А л ь д а . В мою обычную жизнь.

Ф и л и п п . Если собирать телевизоры — не допущу! Вот развернется мой институт — я устрою вас у себя. Это будет и оплачиваться лучше и...

Звонит телефон. Возвратившаяся ЭНИ берет трубку.

Э н и . Квартира профессора Радагайса... Да, празднуем, но кто это? *(Холодно.)* А, здравствуйте... Эни, да... Разумеется, в полном составе... Я передам ваши поздравления... Она здесь. Я позову ее сейчас. *(Громко:)* Альда! *(Но кто-то на мгновение еще громче включил радиолу, и Альда не слышит. Эни в трубку:)* Почему не надо? Я сейчас позову... Хеллоу! Хеллоу! *(Недоумение.)*

Кладет трубку. Идет к Филиппу и Альде.) Я прошу извинить меня, но звонила Тилия Крэйг. Она передала новому профессору и новому институту свои... самые пылкие, как она выразилась, поздравления. *(Филипп молчит.)* Затем она попросила к телефону вас, Альда, но тут же бросила трубку. Может быть, вы позвоните ей сами?

Альда (пожав плечами, встает, медленно идет к телефону. Сев около него, звонит. Но никто не подходит).

Эни. Фил! Я скоро буду тебя ревновать. И к Альде. И к Тилии.

Филипп (улыбается). Сядь. *(Эни садится.)* Ты сегодня держишься отлично, с прекрасным тактом. Ты просто освещаешь всё вокруг.

Эни. Но не думай, что мне легко, Фил. Во всех глазах мне чудится осуждение или насмешка. Двусмысленное положение...

Филипп. Так вот, чтоб оно не было больше двусмысленным — сегодня ты будешь хозяйкой до конца. Хватит скрываться! Дверь за последним гостем мы закроем с тобой вместе.

Эни (живо). Нет еще!

Филипп. Да!! До каких пор мы, живые, должны сторониться перед тенью? Это же нелогично! Довольно, что мы в дом не могли войти, не испытывая этого давления упрека. Да теперь она сама со временем всё поймет и примирится.

Эни. С чем же ей примириться, Фил? С тем, что мы ждем ее смерти?

Филипп. А мы вовсе не ждем. Пусть живет себе. Но будем жить и мы!

Снова малая гостиная. ТЕРБОЛЬМ, АЛЕКС и СИНБАР — в оживленном споре. Трубка Синбара тоже участвует в его аргументах.

Тербольм. Так примем, что счастье — это душевная полнота? У кого есть ощущение наполненности его жизни — вот тот и счастлив.

А лекс. Что-то близкое, но еще не то. Ощущение наполненности жизни может возникнуть и от добрых и от злых причин. Наполнена жизнь ученого. Одинокой старушки, лечащей больных кошек. Но и мерзавца, который богатеет за счет других. Но и гусеницы, поедающей плодоносное дерево. Если всё это — счастье, так поставить ли его целью? Не следует ли такие счастья различать?

Синбар. Но кто будет различать? Вы? или я? Почему мерилом правильного счастья будет ваша точка зрения, а не моя? а не его?

А лекс. Не моя и не ваша! — внутренний нравственный закон! Быть счастливым — но не в противоречии с ним!

Синбар. Ка-кой еще внутренний нравственный закон? Врожденный, что ли? (*Хохочет.*) Изучайте медицину! В нашем организме просто нет органа, в котором помещался бы внутренний нравственный закон!

А лекс. Я знаю вашу теорию: всего человека с Рафаэлем и Шопеном объяснить гормонами.

Синбар. Да! изучайте гормональную жизнь! А то — абсолютная мораль, бабушкины сказки! Всякая истина конкретна! И всякая мораль относительна!

А лекс. Проклятая зацепка с относительностью морали! Вы любое злодейство оправдываете относительностью морали! Изнасиловать девушку — всегда плохо, во всяком обществе! и избить ребенка! и выгнать из дому мать! и распространить клевету! и нарушить обещание! и использовать во вред доверчивость!

Синбар. Ерунда! Га-ли-ма-тъя!

А лекс. Как? Это всё может быть и хорошо?

Синбар. А — убить собственных родителей, если они постарели, это плохо или хорошо? Вон, распро-

сите Кабимбу? Есть такие племена, где это хорошо, даже гуманно.

Т е р б о л ь м . Так, может быть, закон есть, но проясняется он нам тысячелетиями? И еще дополнительно программируется каждым обществом?

С и н б а р . Не барахтайтесь! Никакой абсолютной морали! И никакого внутреннего закона! А если б он и был, то не было бы такой с и л ы , которая заставила бы нас с ним считаться!

Появляется АЛЬДА. Ее не замечают.

А л е к с . Такая сила есть!

С и н б а р . Назовите!

А л е к с . С м е р т ь ! ! Постоянная загадка смерти! Постоянная преграда перед нами — смерть! Вы можете изучать кибернетику или голубые галактики, и всё равно никак вам не перескочить через смерть!

С и н б а р . Будет время — перескочим и через неё!

А л е к с . Никогда! Смертно всё во Вселенной — даже звезды! И мы в ы н у ж д е н ы философию свою строить так, чтобы она была годна и к смерти! Чтоб мы были готовы к ней!

С и н б а р . Надоели эти кладбищенские нравоучения! Ими хотят задавить живую клокочущую жизнь! Сколько времени занимает та несчастная смерть — голый момент отрицания, небольшой дополнительный фактор — по сравнению с нашей длительной разнообразной, многокрасочной жизнью?

А л е к с . Мала по времени — не мала по значению! Не прячьтесь — найдет!

Т е р б о л ь м . Мы так говорим о смерти, будто умирать будет кто-то другой, а не мы.

С и н б а р . Мы так говорим о смерти, будто мы умираем каждый день! Земной шар — велик! Людей — три миллиарда. Почти невероятно, чтобы во всякий данный момент в эту дверь (*показывает на правую*) вот,

я бесстрашно оборачиваюсь к ней, — чтоб в эту дверь вошла чья-нибудь смерть!

Все обернулись на дверь, мгновение ждут. Но никто не входит. Синбар издаёт смешок. Воспользовавшись паузой, Альда, подошедшая сзади к Алексу, трогает его за руку. Тот оборачивается.

Больше того! Вот я иду и заглядываю в прихожую. (Заглядывает.) Нет никого и там!

А л ь д а . А ты всё споришь? И охота тебе? Мрачность какая-то.

А л е к с (усаживает ее рядом; в споре он был радостно-возбужден, сейчас затемнился). А что я... ты бы хотела?

А л ь д а . Ну, потанцевать, что ли?

А л е к с . Что за занятие — танцевать?

С и н б а р (из двери, Тербольту). Ну, я, пожалуй, пойду покурю около форточки.

Уходит направо. ТЕРБОЛЬМ тоже поднимается, уходит в большую гостиную.

А л ь д а . Отчего ты не подошел ко мне за целый вечер? Мог бы сказать, как я играла.

А л е к с . Очень прилично. Очень технично. А тебе самой как кажется? (Пьет.)

А л ь д а . По-моему, неплохо. Всем понравилось.

А л е к с (молча кивает).

А л ь д а (улыбается). Генерал меня сейчас расспрашивал. Удивлялся. Я еще ему не рассказала, как я стала всё спокойно переносить. В кино не плачу. А вчера на улице при мне автобус задавил собаку. Большую бело-рыжую собаку. Она спокойно так переходила улицу наискосок и автобуса не видела. И он почему-то не гудел. Толкнул ее мягко, как ватную, и переехал. Но ты, Аль, как будто не рад моему выздоровлению.

А л е к с . Что ты, что ты, я очень рад.

А л ь д а . Ведь ты больше всех этого хотел.

А л е к с . Я больше всех?.. Да, верно.

А л ь д а . Это ты меня заставил. Молодец. А теперь не рад?

А л е к с . Я рад, Альда. Я рад. Тебе так кажется потому... ну, может быть потому... Тебе не кажется, что это ты ко мне переменялась?

А л ь д а . Я к тебе? Может быть. Пожалуй, да. Но это тоже к лучшему, Аль. *(Смотрят друг на друга.)* Это к лучшему. *(Пауза.)* Да, между прочим, Тилия мне сейчас звонила, но бросила трубку.

А л е к с . Так может случилось что-нибудь?

А л ь д а . Ну, почему обязательно надо предполагать плохое?

Прихожая. Здесь — вешалка с зимними пальто, большое зеркало, простая мебель. Налево — дверь в малую гостиную. Запертая входная. Окно. Около открытой форточки стоит СИНБАР, курит трубку. В дверь — короткий звонок. Синбар косится, нехотя идет открыть и отступает. Входит ТИЛИЯ в серебристой шубе.

Т и л и я . Вы?! Вы знали, что — я?

С и н б а р . Сударыня, каждый день работая с биотоками, поневоле начинаю читать мысли.

Т и л и я . Я... начинаю вас бояться... Впрочем, вам Эни сказала?

С и н б а р . За целый вечер я не сказал с ней ни слова.

Т и л и я . Я могу вам верить?.. Кстати, а что ваша свадьба с Эни? От-кладывается?

С и н б а р . Да, пожалуй. А что?

Т и л и я . За откровенность — откровенность. Я не сочувствовала бы этому браку.

С и н б а р . Почему?

Т и л и я . Видите ли, это безотчетно. Женщины никогда не знают причин своих антипатий... и... *(пристально)* симпатий. А почему вы не предлагаете мне раздеться?

С и н б а р . Мне кажется, вы не хотите этого.

Т и л и я . Вы угадали... Я шла сюда, чтобы как-нибудь незаметно вызвать вас... друг мой. Ведь вы мой друг? Вы обещали мне дружбу!

С и н б а р . Я — ваш друг.

Т и л и я . Синбар! Мне так нужна сейчас мужская защита! Положение профессора Крэйга резко ухудшилось, вы предсказали верно. А ведь как я старалась его беречь! Я всё время старалась, чтоб он не ложился, а продолжал работу до последнего дня! Переделывал свой учебник, так и не кончил.

С и н б а р . Это несколько необычное лечение.

Т и л и я . Но это так понятно! Я боялась, что слишком серьезное лечение наведет его на слишком серьезные мысли. Если б он прекратил работу, слег, задумался — это как раз могло бы ускорить его конец. Но мой метод не помог: теперь врачи говорят — вопрос нескольких дней. Я хочу знать ваш телефон. *(Протягивает записную книжечку.)* Рабочий там уже записан, но мне нужно и ночью, в любую минуту. *(Синбар записывает.)* Ведь библиотека — редкая по ценности, это же стоит десятки тысяч! Там рукописи великих композиторов! письма Тосканини, Стравинского! В доме начнется кавардак, проходной двор, сбегутся родственнички на-ха-лы и всё могут растащить! Надо будет в первую же минуту опечатать. Вы не покинете меня, Синбар?

С и н б а р *(целует ей руку)*. Значит, вы едете домой.

Т и л и я . В том-то и дело, что нет! *(Скороговоркой.)* У нас в редакции сейчас срочная подготовка к конгрессу — за право каждой страны иметь ядерное оружие, но подать это нужно как борьбу за мир, очень тонкая работа!

С и н б а р . А лучше бы вам быть дома, Т и л и я .

Т и л и я *(вздрагивает. С жестом просьбы)*. Ну, сегодня вечером — никак! Такая горячка — обработка делегатов! Но потом — только дома, обещаю вам. Да,

кстати, у меня же новая машина! Пневматическая подвеска заднего моста, гидравлическое переключение передач, цвет «брызги бургундского», а внутри отделочка!! — не посмотрите?

С и н б а р . Но я надеюсь в ней еще поездить?

Т и л и я . И я — надеюсь!.. А теперь прошу вас очень: позовите на минутку Альду!

С и н б а р . Хорошо. Только вы с ней осторожно. Чтоб не было потрясения. Это наша продукция четырех месяцев работы. Осторожно!

Грозит. Уходит налево. Тилия проверяет себя перед зеркалом в шубке и распахнув ее. Слева скучающе входит КАБИМБА.

К а б и м б а . О-о-о-о? (Останавливается.)

Т и л и я (показываясь ему оживленным движением). Я слышала — вы уезжаете! Но вы будете вспоминать?.. как мы плавали..?

К а б и м б а . Вас трудно забыть.

Т и л и я (быстро смотрит в просвет двери). Там никого? (Оттягивает Кабимбу дальше от двери.) Ну, на прощанье! поцелуйте меня быстренько! крепко-крепко! (Виснет на нем, тотчас соскакивает.) Скажи, Кабимба... (в двери — Альда) ...неужели ваш дом стоит на сваях? Это ужасно! Вообще — вы из Северной Африки или из Южной?

К а б и м б а . Из Центральной.

Т и л и я (машет рукой, печально). Ну, так привет Центральной Африке!

КАБИМБА уходит.

Альдочка, милая! Только ты не пугайся! (Со слезами.) Папе очень плохо! Ему хуже гораздо! Только ты не волнуйся.

А л ь д а (за весь вечер — первое резкое движение, первое сильное чувство). Папа?! Но он — жив??

Т и л и я . Пока — да. Пока — еще жив. Я бы тебя

не звала, тебе опасны волнения, но папа очень хочет тебя сейчас видеть. (*Порыв Альды к пальто. Тилия держит ее.*) Такие тяжелые дни (*вытирает слезы*), а у меня в редакции работа, нельзя отказаться. О, общественный долг! Поезжай прямо к папе. Там — Джум. И побудь до меня. Но не вздумай приводить с собой Алекса, папа этого не переживет! Ему нельзя сердиться. Или вот что — я тебя подброшу на своей машине. Одевайся скорей! Жду внизу.

Уходит. Снова малая гостиная. АЛЕКС и КАБИМБА. Стоят.

К а б и м б а . ...все богаты, все беспечны, никогда им не сможет понять, чем живут остальные люди! Я себя ненавижу, что к ним прилипал! Я их всех ненавижу!

А л е к с . Кабимба! Ну, вот я тоже безнадежно отстал от них, из-за тюрьмы. Так что теперь? — расталкивать их локтями? бить им стекла? Кабимба! Ненависть и обида никуда не ведут. Это — самые бесплодные чувства на земле. Надо подняться и понять: мы потеряли века или десятилетия, нас оскорбили, нас унижали, а мстить — не придется. И не надо. И всё равно — мы богаче их.

К а б и м б а (*возмущенно*). Мы? Чем богаче? Чем?

А л е к с . Тем, что перестрадали, Кабимба. Страданье — это стержень для роста души. А довольный — всегда душою нищ. Так будем строить потихоньку.

Кабимба мучительно трет лоб. Вбегает АЛЬДА в пальто. Она вне себя. Слева входит ЭНИ.

А л ь д а . Эни! Я умоляю вас! Пусть сынишка переночует здесь! можно? можно?

Э н и . Да, конечно! Но что с вами?

А л ь д а . Ах, не могу! не могу! потом!.. Аль! Иди сюда!!

Утягивает АЛЕКСА за рукав в прихожую. Эни в тревоге ступает за ними, но останавливается. Снова прихожая.

А л е к с . Что с тобой? (Снежный ветер через форточку играет ее шарфом. Алекс захлопывает форточку.) Что с то...

А л ь д а (сильно возбуждена). Папе — очень плохо! Меня Тилия ждет внизу! Но ты не езд!

А л е к с (застегивая ее). Да, нас поссорили. Но если...

А л ь д а . Что может быть с папой?? Мне страшно!!

А л е к с (открывает ей дверь). Ты... я прошу тебя... Альдонька! Альдонька!..

Стоят на пороге. Альда качнулась к нему. Он ее целует. Слева входит ФИЛИПП. Не видя его, Алекс машет АЛЬДЕ, спускающейся по лестнице, откуда еще слышен ее голос. Заперев дверь, Алекс видит Филиппа. Форточка опять распаивается с силой, врывается струя метели. Филипп захлопывает форточку.

Ф и л и п п . Ах, я давно тебе хочу сказать, да всё захвачен делами — женись-ка ты, братец, на Альде! Хороша ведь как, где ты лучше найдешь? Сестра двоюродная — это всё вздор, женись!

А л е к с . Я сообразил это и без тебя давно, Фил. Но я не знал, что... И сам-то я... И вообще это всё так сложно, так сложно...

Быстро входят ЭНИ и СИНБАР.

Э н и . Шеф! Что нам сделали с Альдой?

С и н б а р . Коризл! Где Альда? Неужели вы ее отпустили?

Ф и л и п п . Как? А что с ней?

Э н и . По-моему, она полностью выбита из интервала стабилизации!

С и н б а р . Если амплитуда выше предельной..!

Ф и л и п п . И ты мог?.. Ал!

А л е к с . Я...

Синбар и Эни (*вместе, наступая*). Да как вы могли? наши усилия!! Четыре месяца!!

Филипп, Синбар, Эни (*наступая*). Наш единственный экземпляр! Наша общая работа!!

Алекс (*отступая, перекрикивая*). Наша! — общая! — работа! — я пользуюсь случаем сказать — окончилась!! Мы взяли чудо природы! и превратили его в камень! А по коридорам уже топают сапоги офицеров! Разрешите быть — свободным!!

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Вечер. Кабинет профессора Крэйга. Две стены заняты книжными полками. Лесенка. Письменный стол, два кресла, диван, открытая радиолка с нотами. МАВРИКИЙ полулежит на диване, ноги его закутаны пледом. Открывается дверь. Стремительно входит АЛЬДА.

Альда. Папа, папочка!

Маврикий (*с трудом подымаясь ей навстречу*). Альда!?

Альда. Что с тобой? Тилия сообщила мне, что тебе очень плохо...

Маврикий. Как я рад, что ты пришла! Это лучшее из того, что я мог пожелать. Впрочем, кто, кроме тебя, мог бы сейчас побыть со мной?!

Альда. Не говори так... У тебя так много друзей, близких. Они тебя любят, восхищаются тобой.

Маврикий. Нет, дочь... Последнее время я часто думаю о том, что всё, всё, что я делал, не так — и жалел об упущенном. Мы мечемся всё брать, чтоб только не жалеть. А вот когда страшно пожалеть — умирая... Как это жить, чтоб не жалеть, умирая?..

А л ь д а . Папа! Вспомни свой юбилей! Сколько учеников! Сколько благодарностей!

М а в р и к и й . Учеников давнишних лет, когда я мог еще что-то. Да и тех половина не стоит ничего... Я натолкал в них терминов и цитат, а чувства доброго — ни крупицы. Ничтожная жизнь!.. Я жил в этом вертепе счастливых — и он меня съел... Так и пропала жизнь, которую все называют счастливой... Но почему мы так поздно слышим этот рог? эту трубу? — бесполезно и поздно... Еще в понедельник наши головы заняты были тем, какой сервиз покупать — японский или китайский?.. Как это важно! А жестяная, оловянная кружка — чем она хуже? И если бы дали еще год разумной жизни, только чтоб пить из такой кружки!

А л ь д а (*плача*). Папочка! Это — приступ! Ты будешь жить! Ты будешь еще писать! А я — помогать тебе, хочешь? Что-нибудь простенькое, ноты переписывать, это я могу...

М а в р и к и й (*гладит ей голову, ласкает. Пауза*). За что ты так добра ко мне, дочь?.. Ты одна за всю жизнь от меня никогда ничего не требовала — ни сервизов, ни гарнитур... Душа моя! В чем ты ходила зимами?.. Как я мог никогда не подарить тебе платья? никогда не сшить пальто? (*Плачут оба.*)

А л ь д а . Пусти! Я позвоню врачу! Это не шутка!

М а в р и к и й . Нет. Измучили. Никаких!.. Одна ты из всех родных моих носишь музыку в себе, а я тебя-то и не пустил учиться... Ты недавно приходила поиграть, а я не нашел времени тебя послушать... Наследница души моей! Этот рояль теперь твой, слышишь? (*Берет ее голову.*) Простишь ли ты меня когда-нибудь, дочь?.. (*Альда обнимает его.*) Аленька! Вон там, смотри... (*Показывает на одну из полок.*) Шуберт. Достань «Зимний путь». Сыграем вместе.

А л ь д а . Папа! Другое что-нибудь! Не надо «Зимний путь»!

М а в р и к и й . Нет, только «Зимний путь»! (*Подталкивает ее.*) Скорей, а то я никогда его не услышу. Зимний путь... (*Вытирая слезы, Альда ищет лесенку, приставляет, взбирается наверх. Маврикий смотрит в окно. Сам с собой:*) Если Шуберт в тридцать лет не дрогнул — чего мне пугаться в семьдесят? И зачем жизнь — не умеющему жить?.. Метель... Метель... Всем можно сегодня остаться под крышей, а кому-то...

Нельзя... мне... медлить... доле...

Я должен... в путь... идти...

Дорогу... в темном... поле...

Я должен... сам... найти...

А л ь д а (*спускается с лесенки*). Вот он, папа.

М а в р и к и й (*рассеянно*). Хорошо. Играй.

Альда зажигает свет у рояля, садится играет «Спокойно спи».

М а в р и к и й (*слегка напевает*):

Чужим пришел сюда я,

Чужим покинул край...

Не может петь, держится за грудь. Альда играет и плачет.

В м е с т е :

Здесь больше ждать не стоит,

Не то погонят прочь...

И пусть собаки воют

У входа в дом всю ночь.

Музыка. Маврикий тихо ложится.

А л ь д а (*одна*).

Давно пора котомку

С усталых сбросить плеч.

Давно пора на отдых
Мне где-нибудь прилечь.

Еще играет, потом оглядывается тревожно, обрывает игру.

А л ь д а . Папа! Папа!! (*Бежит к нему.*) Отец! Ты жив?! (*Кричит.*) Оте-ец!! (*Бьется, опускается на колени, припадает к умирающему.*)

Входит ТЕТЯ ХРИСТИНА в темной нищей одежде, с маленьким свертком. Молча смотрит из дверей. Медленно идет к постели. Альда рыдает. Христина проверяет зеркальцем, дышит ли умерший. Целует лоб мертвеца. Крестит его. Достает принесенную с собой свечу, ставит у изголовья, зажигает. Альда стихла. Тетя Христина раскрывает книгу и читает звучно, отрешенно:

Т е т я Х р и с т и н а . «Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, — но на подсвечнике, чтобы видели свет».

«Итак, смотри: свет, который в тебе, — не есть ли тьма?»

Пауза, переворачивает страницу. Снова читает торжественно.

Т е т я Х р и с т и н а . «И скажу душе моей: «душа! много добра лежит у тебя на многие годы: Покойся, ешь, пей, веселись».

Стремительно входят ТИЛИЯ, СИНБАР. За ними — ДЖУМ в мотоциклетном шлеме, очках, с большими перчатками. Все останавливаются внезапно, преклонясь вперед.

Т е т я Х р и с т и н а . «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Все неподвижны.

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Небольшая, скудно обставленная комната в первом этаже, В задней стене два оконца. За ними темно, вечер. Письменный стол. Низенькая дверь, под стать окнам. Хозяйственный угол. Простая кровать, тот самый столик с проигрывателем и соты с пластинками, которые были в картине первой. Проигрыватель открыт, на нем пластинка.

АЛЕКС за письменным столом. Слегка постучав, тут же входит АЛЬДА. В руках — цветы и сверток.

А л ь д а . Ну, медведь. Ты всё сидишь? А на дворе весна. Смотри, какие цветы продают.

А л е к с . Цветы хороши. Но довольно сознания, что их продают. Почему обязательно нужно иметь их каждый день у себя на столе? Это однообразно.

А л ь д а . Цветы — однообразно?!

А л е к с . Во всяком случае это противоречит принципу экономии внутренней энергии. Выколачивать лбом дукаты, тут же их разбрасывать. Если любишь что-нибудь одно, всем другим приходится жертвовать.

А л ь д а . Ты должен был бы радоваться, что у меня хоть эта привязанность не убита. (Окунается в цветы.) Я ведь теперь какой-то получеловек.

А л е к с (подходя к ней). Прости, Альдонька. Я расстроен всё это время и не то говорю.

А л ь д а . А что ты такое любишь, для чего нужно жертвовать всем другим?

А л е к с . Сам уже не понимаю. Мне сорок лет, я полон сил — и брошен на спину. Одно — вредно. Другое — бесполезно. Третье — скучно смердяще.

Опять сел, опустил голову. Альда снимает плащ. Она в черном. Стоит близ хозяйственного угла.

А л ь д а . А здесь с прошлой субботы ничего не изменилось. Если ты считаешь, что кастрюли и тарелки можно держать так месяцами... А тетя Христина не оторвется от кошек...

Достаёт из свертка белый передник, надевает, засучивает рукава.

А л е к с (*увидел*). Нет-нет, Альда! Не нужно! Я не согласен!

Спешит к ней, удерживает. Она так и не завязала еще передника.

А л ь д а . Почему?

А л е к с . Я не хочу, чтобы ты здесь возилась.

А л ь д а . Именно я? (*Пауза.*) Но я сестра тебе. (*Пауза.*) Хорошо, я тоже не приму от тебя ничего.

А л е к с . Слушай, это нельзя сравнивать. Если ты возьмешь на себя здесь все заботы, значит по сути...

А л ь д а . Когда ты мне помогаешь... или когда мешаешь... ты настаиваешь... ты настаиваешь, что ты мой брат.

А л е к с . А когда это — я тебе мешаю?

А л ь д а . Вот помешал пойти работать в институт к Филиппу.

А л е к с (*горячо*). Но если ты будешь у них — они же не удержатся тебя опять стабилизировать. Папина смерть спасла тебя от этого ужаса! От моей тяжелой ошибки. От моей вины перед тобой...

А л ь д а . Тогда ты за меня знал, что мне надо идти... Теперь ты за меня знаешь, что не надо... А сына — ты не воспитаешь за меня? Ты бы и своего-то не воспитал, Аль... по принципу экономии энергии. А сыну лучше всего иметь — стабилизированную мать.

Замерла у него на груди. Большая пауза.

А л е к с . Водила ты его к отцу?

А л ь д а . Водила.

А л е к с . Чего они хотят?

А л ь д а . Не знаю, чего они хотят!.. Не знаю!.. (*Плачет у него на груди.*)

А л е к с . Боже, как всё в мире перепутано, как

всё не просто! (*Пауза.*) Эти господа, свершившие позднее правосудие — они серьезно думают, что вернули меня в прежнюю жизнь... Но всё утекло. Тот корень жизни, откуда я рос — кто мне теперь оживит? (*Поднимает ей голову.*) Ту девушку, прежнюю, прежнюю — кто мне вернет?..

За стеной — грохот, что-то упало. Алекс и Альда расступаются. Альда вытирает глаза. Алекс спешит к двери, но уже входят
ФИЛИПП и ЭНИ.

Ф и л и п п . Что-то перевернули, друг. Но оно было пустое. О, и Альда здесь?

Э н и . Мы, впрочем, так и предполагали. Ты не испачкался? (*Осматривает костюм Филиппа.*)

Ф и л и п п (*тоже*). Да вроде нет. (*Алексу.*) Ну? беглец! Здравствуй! (*Рукопожатие с размахом.*) Здравствуйте, Альда. Здравствуйте, мой немой укор! Творение наше!

Все здороваются.

А л е к с . Наше ли, Фил?

Ф и л и п п . Ну-ну-ну-ну! Всё в наших руках. Некоторый срыв с Альдой, срыв частичный, не разрушил, а только дополнил систему нейро-стабилизации. Он указал нам, какие внезапности надо предусматривать. Другое распределение напряжений по частотам, дополнительные серии сеансов, но опыты с людьми мы продолжаем, они обещают колоссальный успех! И я думаю, что Альда тоже согласится вернуться.

А л е к с . Нет, хватит! Альды ты уже не тронешь.

А л ь д а . А почему? Мне было тогда так покойно.

Ф и л и п п . А? Слопал? Тиран! (*Смеется.*) Ну, так что тут? Музыку слушаешь? Какую-нибудь нудь зеленую?

Раздается певучая мелодия из Allegro con brio 2-го Бетховенского фортепьянного концерта. Немного слушают.

Ф и л и п п . В таком духе я и опасался. Чистый наркотик. *(Снимает иглу.)* У тебя парагвайских танцев нет? Вот зажигают! Жизнь есть борьба!

Альда сняла передник, спрятала сверток. Они с Эни садятся поодаль.

Ф и л и п п . Так, так. Значит, сидишь и ставишь тут пластинку за пластинкой, дядюшка коллекцию подарил. *(Сердечно.)* Ал! Возвращайся к нам!

А л е к с . Теперь ты обойдешься уже и без меня.

Ф и л и п п . Это называется — бросить друга.

А л е к с . Бросить друга нельзя в беде. На вершине удачи — можно.

Ф и л и п п . Вот именно. Потому я и здесь.

А л е к с . Спасибо, Фил. Но видишь ли, человек несчастлив лишь настолько, насколько он сам в этом убежден.

Ф и л и п п . Да просто нельзя так жить. Ты ничего не зарабатываешь.

А л е к с . Нет, почему, я остался в университете, мне там платят.

Ф и л и п п . Сколько там тебе платят!

А л е к с . А не нужно много зарабатывать, нужно мало тратить. Мои потребности — полдуката в день. На автомобиль я не собираю.

Ф и л и п п . Тяжелый у тебя характер. Никакая жена с тобой не уживется. Бывают неудачники поневоле. Ты неудачник — по заданной теории. Наука? — так тебе неизвестно, за чем она! Талант у тебя — так ты не видишь для него цели!

А л е к с . Цель — вижу, пожалуй.

Ф и л и п п . Ну?

А л е к с . Скажу, только ты не смейся. Помнишь, говорил ты как-то, что гордился бы эстафету великой физики передать Двадцать Первому веку?

Ф и л и п п . Было, кажется.

А л е к с *(подходя к проигрывателю)*. Так хотел бы

я помочь донести туда одну эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души. (Ставит иглу. Раздается негромко основная мелодия рондо из того же фортепьянного концерта. Алекс показывает ее трепет и перебегание. Выключает.) Там, в Двадцать Первом веке, пусть делают с ней, что хотят. Но только б не в нашем ее задули, не в нашем — стальном, атомном, космическом, энергетическом, кибернетическом...

Ф и л и п п (недоумевая). И что для этого практически надо делать?

А л е к с . Вот это-то и вопрос...

А л ь д а (Эни). Два дня у гроба перед фотокорреспондентами она рыдала у меня на плече и кричала: «Бедная девочка! я заменю ей отца!» Но едва завалили могилу, я была ославлена воровкой, интриганкой, будто я хотела пожить папиным роялем. А папа действительно завещал его мне. Мои первые детские воспоминания: он сидит за ним и играет. И девочкой начинал учить меня на нем же... Впрочем, Аль говорит — хорошо, что рояль мне не достался, он не прошел бы ко мне ни в окно, ни в дверь.

Э н и . Как у них всё изменилось в доме! Библиотеку и рукописи распродали, Джума погнали на работу. Тилии был от железного капитана крепчайший нагоняй за то, что она сорвала нам работу с вами.

Ф и л и п п . Уже и Синбар выделяется в отдельный институт — медицинской кибернетики.

А л е к с . Финасируют? Те же хозяйева?

Ф и л и п п . А что тут плохого? У нас очень плодотворное направление.

А л е к с . Даже чересчур плодотворное! Мало-помалу вы подберетесь к чтению человеческих мыслей.

Ф и л и п п . Это было бы сверхзавлекательно! Но мысль оказалась изоэнергетична: правдивая и ложная мысль, утвердительная и отрицательная имеют одну и ту же энергию, и ничего не различишь.

А л е к с . Какое счастье!

Ф и л и п п . Прямо беда.

А л е к с . Так вы не успокойтесь, начнете щупать форму кривой, я знаю! И в один прекрасный день явятся к тебе джентльмены от учреждения из трех букв...

Ф и л и п п . Из трех букв?

А л е к с . УМЧ — Управление Мыслей и Чувств. Поставят охрану около твоих электронных машин — и начнут читать мысли граждан. Уж если и это придет в мир — пусть не через меня. Не хотел бы я тогда не только работать в твоём институте, но и жить на земле.

Ф и л и п п . Не знаю. Пока еще мы к этому не дошли.

А л е к с . «Детекторы лжи» уже есть, не за горами и это.

Ф и л и п п . Но — ты! Ты! Ты кибернетики отведал, уже отравлен и не бросишь. В какую ж подашься? В космическую?

А л е к с . Ничего мы в космосе не потеряли. Мы на земле теряем последнее наше.

Ф и л и п п . Так уж не в социальную ли? (Хочет.) К Тербольму?

А л е к с . Да вот есть два письма. Зовет.

Ф и л и п п . Да никакой у них поддержки нет, фианасов нет, вообще — лавочка, мыльный пузырь! (Читает.)

А л е к с . Он мне и магнитофонное письмо прислал. Из больницы. (Ставит кассету.)

Ф и л и п п . Что, опять у него с ногами? (Читает, магнитофона не слушает.)

Г о л о с Т е р б о л ь м а (с ленты). Вы всё спрашивали, Коризл, з а ч е м наука? Вот я снова лежу и вдруг с ясностью понял, что могу ответить. Не надо смущаться внешними целями науки — кто и куда хочет ее направить, для чего использовать. Кстати, уже не раз ее запрягали везти в одну сторону, а она смеялась и привозила в другую. Но кроме целей явных, видимых всем, у науки есть какие-то таинственные. Как у искусства.

Наука нужна не только нашему разуму, но и нашей душе. Осознать мир и осознать человечество, может быть, так же необходимо нам, как... иметь совесть. Да, такая у меня гипотеза: наука нам бывает нужна и как совесть! (Пауза.) А сейчас... (Филипп читает. Алекс пристально смотрит на него) ...микрофон перенесут...

А л е к с (резко останавливая). Дальше не важно.

Э н и (Альде). Живя со мной, он всегда весел, полон энергии. Само счастье наше неужели не оправдывает нас?... А ее мы поместили в самую хорошую больницу.

Ф и л и п п (отдавая письма). Ха-ха-ха! Никакой солидности у фирмы! «Алгоритмы идеально-регулируемого общества»! — да откуда эти алгоритмы брать, если еще ни один мудрец их не придумал? Нет, скажи, зверь, чем тебе это направление лучше нашего?

А л е к с. Да кой-какое преимущество в нем есть.

Ф и л и п п. Ка-кое?

А л е к с. Я понял так: биокибернетика — это вмешательство в самое совершенное, что есть на земле — в человека! Зачем??! Напротив, социальная кибернетика дерзает внести разум туда, где вечно был хаос и несправедливость, вмешаться в самое несовершенное из земных устройств — в человеческое общество.

Ф и л и п п. Так что это будет? Кибернетический социализм?

А л е к с. Тербольтм клянется, что еще даже лучше социализма.

Ф и л и п п. Да вздор! Шарлатанство! Тербольтм — фанатик. И никаких боевых качеств у него нет — для пробивания.

А л е к с. Ну, попробую добавить я.

Ф и л и п п. Да потом простое благоразумие: а государство? Да срубят вам всем головы, ты что уже — Каледонию забыл?

А л е к с. Вот как раз тут мое преимущество перед тобой: ничего не имея, я ничего не боюсь потерять. Как

хорошо, что мы с тобой поговорили! В разговоре-то я и понял: я к ним пойду! Я должен к ним идти!

Филипп. Смотри! В надежде на успех...

Алекс. В надежде? Нет! Ты не понял. Не в надежде, а в испуге! в боязни успеха! Я пойду к ним для того, чтоб не дать и им когда-нибудь со временем стать Левиафаном, только электронным.

Филипп (холодно). Да?.. Ну, смотри. Смотри.

Алекс (кладя руку ему на плечо, задумчиво). Я смотрю, Фил, — на тебя! Все эти месяцы. И давно хочу тебе сказать, что...

Где-то близко — долгая сирена автомобиля.

Эни (Филиппу). Надо идти.

Алекс. Тебя зовут.

Филипп (вставая). Да...

Встают и женщины. Пауза. Все стоят.

Филипп. И всё же, Ал, я думаю — ты не совсем потерян.

Алекс. Я даже думаю — и ты. Тоже не совсем.

Альда взяла плащ.

Филипп. Ну, ладно, хоть не мешай мне поговорить с Альдой. Она собирается идти и мы ее проводим.

Алекс (делает задерживающее движение). Альда только что пришла. Никуда она...

Альда (освобождаясь). Нет-нет, Аль, мне надо идти.

Филипп (помогая Альде одеться). Перестань ты решать за других! Работу хорошую я могу предложить Альде? Ра-бо-ту?

Алекс. Да разве важно — это? Альда!

Альда. А что — важно? Ты разве сам — знаешь, что важно?

Уходят с ЭНИ. ФИЛИПП треплет друга по плечу, тоже уходит.

Опустив голову, Алекс стоит посреди комнаты.

Гаснет свет. Позади возникает сияние. Это вспыхнули яркие фары, бьющие в окно. Алекс подбегает к окну, распаивает его. Автомобиль, видимо, разворачивается. Затем, пронося лучи по комнате и воя мотором, минует окна. Но сияние не померкло. Второй автомобиль повторяет маневр первого и так же проносится с поворотом лучей по комнате, с таким же воем великолепного мотора.

Алекс. Э-е, да они не одни приезжали! «Брызги бургундского!» И Тилия с Синбаром были тут. Корабли счастливых!..

Зажигается свет. Алекс понуро подходит, снова ставит магнитофонную ленту.

Голос Терболяма. А сейчас микрофон перенесут от меня к Нике. Она тоже хочет вам сказать что-то.

Голос Ники. Алекс! С тех пор, как Филипп привез меня сюда зимой, он не был у меня ни разу. И я поняла: а если он мучается? Если он просто боится растравить меня своим здоровым видом, своими радостями — и только поэтому не приходит? Тогда отдайте ему эту ленту.

Филипп! Филипп!! Я знаю, что мне уже не встать. И ты — не стыдись, живи своей жизнью. Побеждай!... И люби — кого ты хочешь. Я тебя не упрекну... Но один раз... весной. И летом один раз. И один раз осенью — ты приходи ко мне, не стесняйся. Посиди у меня часок. И так разговаривай, будто всё по-старому... Ну, что тебе стоит, Филипп?!..

Пауза.

Алекс! А если он не потому не приходит — слушать ленты ему не надо...

Алекс — в угнетенной позе. Откуда-то еле слышится мелодия одинокого рожка — это мелодия из «Зимнего пути», та самая. Алекс не видит, как за окнами появляется скорбная фигу-

ра Альды в черном. Она с опущенной головой очень медленно проходит мимо закрытого окна, останавливается у открытого, печально смотрит сюда, внутрь. Затем так же с опущенной головой удаляется и еще неясно видна некоторое время при свете уличного фонаря.

З а н а в е с

Рассказы

Правая кисть

В ту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвецом. Я так и приехал сюда — умирать.

А меня вернули пожить еще.

Это был месяц, месяц и еще месяц. Непуганная ташкентская весна прошла за окнами, вступила в лето, повсюду густо уже зеленело и совсем было тепло, когда стал и я выходить погулять неуверенными ногами.

Еще не смел сам себе признаться, что я выздоравливаю, еще в самых залетных мечтах измерял добавленный мне срок жизни не годами, а месяцами, — я медленно переступал по гравийным и асфальтовым дорожкам парка, разросшегося меж корпусов медицинского института. Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от разбирающей тошноты, и прилечь, ниже опустив голову.

Я был и таким, да не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их, и вынужденно безмолвней их. К ним приходили на свидания, о них плакали родственники, и одна была их забота, одна цель — выздороветь. А мне выздоравливать было почти что и не для чего: у тридцатипятилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Еще не было у меня — паспорта, и если б я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную страну — и возвращаться к себе в пустыню, куда я сослан был навечно, под гласный надзор, с отметками каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение.

Обо всем этом я не мог рассказать окружающим меня вольным больным.

Если б и рассказал, они б не поняли...

Но зато, держа за плечами десять лет медлительных размышлений, я уже знал ту истину, что подлинный вкус жизни постигается не во многом, а в малом. Вот в этом неуверенном переступе еще слабыми ногами. В осторожном, чтоб не вызвать укола в груди, вздохе. В одной не побитой морозом картофелине, выловленной из супа.

Так весна эта была для меня самой мучительной и самой прекрасной в жизни.

Все было для меня забыто или невиданно, все интересно: даже тележка с мороженым; даже подметальщик с брандсбойтом; даже торговки с пучками продолговатой редиски; и уж тем более жеребенок, забредший на травку через пролом в стене.

День ото дня я отваживался отходить от своей клиники и дальше по парку, посаженному, должно быть, еще в конце прошлого века, когда клались и эти добротные кирпичные здания с открытой расшивкой швов. С восхода торжественного солнца весь южный день напролет и еще глубоко в желто-электрический вечер парк был наполнен оживленным движением. Быстро сновали здоровые, неспешно расхаживали больные.

Там, где несколько аллей стекались в одну, идущую к главным воротам, белел большой алебастровый Сталин с каменной усмешкой в усах. Дальше на пути к воротам, с равномерной разрядкой расставлены были и другие бюсты, поменьше. Затем стоял писчебумажный киоск. Продавались в нем пластмассовые карандашики и заманчивые записные книжечки. Но не только деньги мои были сурово считанные, — а книжки записные у меня уже в жизни бывали, а потом попадали не туда, и рассудил я, что лучше их никогда не иметь.

У самых же ворот располагались фруктовый ларек и чайхана. Нас, больных, в полосатых наших пижамах, в чайхану не пускали, но загородка была открыта, и через нее можно было смотреть. Живой чайханы я в

жизни не видал — этих отдельных для каждого чайников с зеленым или черным чаем. Была в чайхане европейская часть, со столиками, и узбекская — со сплошным помостом. За столиками ели-пили быстро, в испитой пиале оставляли мелочь для расплаты и уходили. На помосте же, на цинковках под камышовым тентом, натянутым с жарких дней, сидели и полеживали часами, кто и днями, выпивали чайник за чайником, играли в кости, и как будто ни к каким обязанностям не призывал их долгий день.

Фруктовый ларек торговал и для больных тоже — но мои ссыльные копеечки поеживались от цен. Я рассматривал со вниманием горки урюка, изюма, свежей черешни — и отходил.

Дальше шла высокая стена, за ворота больных тоже не выпускали. Через эту стену по два и по три раза в день переваливались в медицинский городок оркестровые траурные марши (потому что город — миллионный, а кладбище было тут, рядом). Минут по десять они здесь звучали, пока медленное шествие миновало городок. Удары барабана отбивали отрешенный ритм. На толпу этот ритм не действовал, ее подергивания были чаще. Здоровые лишь чуть оглядывались и снова спешили, куда было нужно им (они хорошо знали, что было нужно). А больные при этих маршах останавливались, долго слушали, высовывались из окон корпусов.

Чем явственней я освобождался от болезни, чем верней становилось, что останусь жив, тем тоскливей я озирался вокруг: мне уже было жаль это все покидать.

На стадионе медиков белые фигуры перебрасывались белыми теннисными мячами. Всю жизнь мне хотелось играть в теннис, и никогда не привелось. Под крутым берегом kloкотал мутно-желтый бешеный Салар. В парке жили раскидистые дубы, осеняющие нежные японские акации. И восьмигранный фонтан выбра-

сывал тонкие свежие серебрянки струй — к вершинам. А что за трава была на газонах — сочная, давно забытая (в лагерях ее велели выпалывать как врага, в ссылке моей не росла никакая). Просто лежать на ней ничком, мирно вдыхать травяной запах и солнцем нагретые воспарения — было уже блаженством.

Тут, в траве, я лежал не один. Там и сям мило зубрили свои пухлые учебники студентки мединститута. Или, захлебываясь в рассказах, шли с зачета. Или, гибкие, покачивая спортивными чемоданчиками, — на душевой стадион. Вечерами неразличимые, а потому тройне притягательные, девушки, в нетроганных и троганных платяцах, обходили фонтан и шуршали гравием аллеек.

Мне было кого-то разрывающе жаль: не то сверстников моих, перемороженных под Демьянском, сожженных в Освенциме, истравленных в Джезказгане, домирающих в тайге, — что не нам достанутся эти девушки. Или девушек этих — за то, что мне им никогда не рассказать, а им не узнать никогда.

И целый день гравийными и асфальтовыми дорожками лились женщины, женщины! — молодые врачи, медицинские сестры, лаборантки, регистраторши, кастелянши и родственницы, посещающие больных. Они проходили мимо меня в нежно-строгих халатах и в ярких южных платьях, часто полупрозрачных, кто побогаче, вращая над головами на бамбуковых палочках модные китайские зонтики — солнечные, голубые, розовые. Каждая из них, промелькнув на секунду, составляла целый сюжет: о ее прожитой жизни до меня, ее возможного (невозможного) знакомства со мной.

Я был жалок. Исхудалое лицо мое несло на себе пережитое — морщины лагерной вынужденной угрюмости, пепельную мертвизну задубенелой кожи, медленное отравление ядами болезни и ядами лекарств, от чего к цвету щек добавлялась еще и зелень. От охранительной привычки подчиняться и прятаться спина моя

была пригорблена. Полосатая шутовская курточка едва доходила мне до живота, полосатые брюки кончались выше щиколоток, из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени.

Последняя из этих женщин не решилась бы пройти со мною рядом!.. Но я не видел сам себя. А глаза мои не менее прозрачно, чем у них, пропускали внутрь меня — мир.

Так однажды перед вечером я стоял у главных ворот и смотрел. Мимо стремился обычный поток, покачивались зонтики, мелькали шелковые платья, чесучевые брюки на светлых поясах, вышитые рубахи и тубетейки. Смешивались голоса, торговали фруктами, за загородкою пили чай, метали кубики, — а у загородки, привалившись к ней, стоял нескладный маленький человечек, вроде нищего, и задыхающимся голосом иногда обращался:

— Товарищи... Товарищи...

Пестрая занятая толпа не слушала его. Я подошел:

— Что скажешь, браток?

У этого человека был непомерный живот, больше, чем у беременной, — мешком обвисший, распирающий грязно-защитные брюки. Сапоги его с подбитыми подошвами были тяжелы и пыльны. Не по погоде отягочало плечи толстое расстегнутое пальто с засаленным воротником и затертыми обшлагами. На голове лежала стародавняя истрепанная кепка, достойная огородного пугала.

Отечные глаза его были мутны.

Он с трудом приподнял одну кисть, сжатую в кулак, и я вытянул из нее потную измятую бумажку. Это было угловато написанное цепляющимся по бумаге пером заявление гражданина Боброва с просьбой определить его в больницу — и на заявлении искося две визы, синими и красными чернилами. Синие чернила были горздравовские и выражали разумно мотивированный

отказ. Красные же чернила приказывали клинике медицинского института принять больного в стационар. Синие чернила были вчера, а красные — сегодня.

— Ну, что ж, — громко растолковывал я ему, как глухому. — В приемный покой вам надо, в первый корпус. Пойдете, вот, значит, прямо мимо этих... памятников...

Но тут я заметил, что у самой цели силы оставили его, что не только расспрашивать дальше и передвигать ноги по гладкому асфальту, но держать в руке полторакилограммовый затасканный мешочек ему было невмочь. И я решил:

— Ладно, папаша, провожу, пошли. Мешочек-то давай.

Слышал он хорошо. С облегчением он передал мне мешочек, налег на мою подставленную руку и, почти не поднимая ног, полозя сапогами по асфальту, двинулся. Я повел его под локоть через пальто, порыжевшее от пыли. Раздувшийся живот будто перевешивал старика к переду. Он часто тяжело вздыхал.

Так мы пошли, два обтрепыша, той самой аллеей, где я в мыслях брал под руку красивейших девушек Ташкента. Долго, медленно мы тащились мимо алебастровых бюстов.

Наконец свернули. По нашему пути стояла скамья с прислоном. Мой спутник попросил посидеть. Меня тоже начинало подташнивать, я перестоял лишку. Мы сели. Отсюда и фонтан было видно тот самый.

Еще по дороге старик мне сказал несколько фраз, и теперь, отдышавшись, добавил: ему нужно было на Урал, и прописка в паспорте у него уральская, в этом вся беда. А болезнь прихватила его где-то под Тахияташем (где, я помнил, начинали строить канал). В Ургенче его месяц держали в больнице, выпускали воду из живота и из ног, хуже сделали — и выписали. В Чарджоу он с поезда сходил, и в Урсатьевской — но нигде его лечить не принимали, слали на Урал, по месту

прописки. Ехать же в поезде никак ему сил не было, и денег не оставалось на билет. И вот теперь в Ташкенте добился за два дня, чтобы положили.

Что он делал на юге, зачем его сюда занесло — уж я и не спрашивал. Болезнь его была по медицинским справкам запетлистая, а если посмотреть на самого так по с л е д н я я болезнь. Наглядысь на многих больных, я различал ясно, что в нем уже не оставалось воли к жизни. Губы его расслабились, речь была маловнятная, и какая-то тускловатость находила на глаза.

Даже кепка томила его. С трудом подняв руку, он стянул ее на колени. Опять подняв руку, нечистым рукавом вытер со лба пот. Куполок его головы полысел, а кругом, по темени, сохранились нечесаные, сбитые пылью волосы, еще русые. Не старость его довела, а болезнь.

На его шее, до жалости потончавшей, цыплячей, висело много кожи лишней, и отдельно ходил спереди трехгранный кадык.

На чем было голове держаться? Едва мы сели, она свалилась к нему на грудь, упершись подбородком.

Так он замер, с кепкой на коленях, с закрытыми глазами. Он, кажется, забыл, что мы только на минутку присели отдохнуть, и что ему надо в приемный покой.

Вблизи перед нами серебряной нитью взвивалась почти бесшумная фонтанная струя. По ту сторону прошли две девушки рядом. Они мне очень понравились. Сосед мой слышно вздохнул, перекатил голову по груди и, приподняв желто-серые веки, посмотрел на меня снизу сбоку:

— А курить у вас не найдется, товарищ?

— И из головы выкинь, папаша! — прикрикнул я. — Нам с тобой хоть не куря бы еще землю сапогами погрести. В зеркало на себя посмотри. Курить! Я сам-то курить бросил месяц назад, еле оторвался.

Он засопел. И опять посмотрел на меня из-под желтых век, как-то по-собачьему.

— Все ж-таки, дай рубля три, товарищ!

Я задумался, дать или не дать. Что ни говори, я оставался еще зэк, а он был как-никак вольный. Сколько лет я там работал — мне ничего не платили. А когда стали платить, так вычитали: за конвой, за освещение зоны, за ищеек, за начальство, за баланду.

Из маленького нагрудного кармана своей шутовской курточки я достал клеенчатый кошелек, пересмотрел бумажки в нем. Вздохнул, протянул старику трешницу.

— Спасибо, — просипел он. С трудом держа руку приподнятой, взял эту трешницу, заложил ее в карман — и тут же его освобожденная рука шлепнулась на колено. А голова опять уперлась подбородком в грудь.

Помолчали.

Перед нами за это время прошла женщина, потом еще две студентки. Все три мне очень понравились.

Годами так бывало, что ни голоса их не услышишь, ни стука каблучка.

— Еще удачно получилось, что вам резолюцию поставили. А то б и неделю тут околачивались. Простое дело. Многие так.

Он оторвал подбородок от груди и повернулся ко мне. В глазах его просветился смысл, дрогнул голос, и речь стала разборчивее:

— Сынок! Меня кладут потому, что я заслуженный человек. Я ветеран революции. Мне Сергей Мироныч Киров под Царицыном лично руку пожал. Мне персональную пенсию должны платить.

Слабое движение щек и губ — тень гордой улыбки — выразилось на его небритом лице.

Я оглядел его тряпье и еще раз его самого.

— Почему ж не платят?

— Жизнь так полегла, — вздохнул он. — Теперь меня не признают. Какие архивы сгорели, какие потеряны. И свидетелей не собрать. И Сергей Мироныча

убили... Сам я виноват, справок не скопил... Одна вот только и есть...

Правую кисть — суставы пальцев ее были круглоопухшие, и пальцы мешали друг другу — он донес до кармана, стал туда втискивать, — но тут короткое оживание его прервалось, он опять уронил руку, голову, и замер.

Солнце уже западало за здания корпуса, и в приемный покой (до него оставалась сотня шагов) надо было поспешить: в клиниках никогда при мне не было легко с местами.

Я взял старика за плечо:

— Папаша! Очнись! Вон, видишь, дверь? Видишь? Я пойду подтолкну пока. А ты сможешь — сам дойди, нет — меня подожди. Мешочек твой я заберу.

Он кивнул, будто понял.

В приемном покое — куске большого обшарпанного зала, отгороженном грубыми перегородками (за ними где-то была здесь баня, переодевальня, парикмахерская), днем всегда теснились больные и измеряли долгие часы, пока не примут. Но сейчас, на удивление, не было ни души. Я постучал в закрытое фанерное окошечко. Его растворила очень молодая сестра с носом — туфелькой, с губами, накрашенными не красной, а густо-лиловой помадой.

— Вам чего? — Она сидела за столом и читала по всей видимости комикс про шпионов.

Быстренькие также у нее были глазки.

Я подал ей заявление с двумя резолюциями и сказал:

— Он еле ходит. Сейчас я его доведу.

— Не смейте никого вести! — резко вскрикнула она, даже не посмотрев на бумажку. — Не знаете порядка? Больных принимаем только с девяти утра!

Это она не знала «порядка». Я просунул в форточку голову и, сколько поместилось, руку, чтобы она меня не прихлопнула. Там, отвесив криво нижнюю

губу и скорчив физиономию гориллы, сказал блатным голосом, прошипячивая:

— Слушай, барышня! Между прочим, я у тебя не в шестерке.

Она оробела, отодвинула стул вглубь своей комнаты и сбавила:

— Приема нет, гражданин! В девять утра.

— Ты прочти бумажку! — очень посоветовал я ей низким недоброежелательным голосом.

Она прочла.

— Ну и что ж! Порядок общий. И завтра, может, мест не будет. Сегодня утром — не было.

Она даже как бы с удовольствием это выговорила, что сегодня утром мест не было, как бы укальывая этим меня.

— Но человек — проездом, понимаете? Ему деться некуда.

По мере того, как я выбирался из форточки назад и переставал говорить с лагерной ухваткой, лицо ее принимало прежнее жестокое выражение:

— У нас все приезжие! Куда их ложить? Пусть на квартиру станет!

— Но вы выйдите, посмотрите, в каком он состоянии.

— Еще чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка!

И гордо дрогнула своим носом-туфелькой. Она так бойко-быстро отвечала, как будто была пружиной заведена на ответы.

— Так для кого вы тут сидите?! — хлопнул я ладонью по фанерной стенке, и посыпалась мелкая пыльца побелки. — Тогда закройте двери!

— Вас не спросили! Нахал! — взорвалась она. Вскочила, обежала кругом и появилась из коридорчика. — Кто вы такой? Не учите меня! Нам скорая помощь привозит!

Если б не эти грубо-лиловые губы и такой же лиловый маникюр, она была бы совсем недурна. Носик

ее украшал. И бровями она водила очень значительно. Халат на груди был широко отложен из-за духоты, и виднелась косынка — розовенькая, славная, и комсомольский значок.

— Как? Если б он не сам к вам пришел, а его б на улице подобрала скорая — вы б его приняли? Есть такое правило?

Она высокомерно оглядела мою нелепую фигуру, я — оглядел ее. Я совсем забыл, что у меня портянки высовываются из ботинок. Она фыркнула, но приняла сухой вид и окончила:

— Да, б о л ь н о й ! Есть такое правило.

И ушла за перегородку.

Шорох послышался позади меня. Я оглянулся. Мой спутник уже стоял здесь. Он слышал и понял. Придерживаясь за стену и перетягиваясь к большой садовой скамье, поставленной для посетителей, он чуть помахивал правой кистью, держа в ней истертый бумажник.

— Вот... — изнеможенно выговорил он, — вот, покажите ей... пусть она... вот...

Я успел его поддержать — опустил на скамью. Он беспомощными пальцами пытался вытянуть из бумажника свою единственную справку и никак не мог.

Я принял от него эту ветхую бумажку, подклеенную по сгибам от рассыпания, и развернул. Пишущей машинкой отпечатаны были фиолетовые строчки:

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Справка.

Дана сия товарищу Боброву Н. К. в том, что в 1921 году он действительно состоял в славном -овском губернском Отряде Особого Назначения имени Мировой Революции и своей рукой много порубил оставшихся гадов.

Комиссар . . . . . (Подпись)»

И бледнела фиолетовая печать.

Поглаживая рукою грудь, я спросил тихо:

— Это что ж — «Особого Назначения»? Какой?

— Ага, — ответил он, едва придерживая веки не закрытыми. — Покажите ей.

Я видел его руку, его правую кисть — такую маленькую, со вздувшимися бурьми венами, с круглоопухшими суставами, почти не способную вытянуть справку из бумажника. И вспомнил, как пешего рубили с коня наотмашь. Наискосок.

Странно... На полном размахе рука доворачивала саблю и сносила голову, шею, часть плеча — эта правая кисть. А сейчас не могла удержать — бумажника...

Подойдя к фанерной форточке, я опять надавил ее. Регистраторша, не поднимая головы, читала свой комикс. На странице вверх ногами я увидел благородного военного, прыгнувшего на подоконник с пистолетом.

Я тихо положил ей надорванную справку поверх книги и, обернувшись, всё время поглаживая грудь от тошноты, пошел к выходу. Мне надо было лечь быстрее, головою пониже.

— Чего это бумажки раскладываете? Заберите, больной! — стрельнула девица через форточку мне вслед.

Ветеран глубоко ушел в скамью. Голова и даже плечи его как бы осели в туловище. Раздвинуто повисли беспомощные пальцы. Свисало распахнутое пальто. Круглый раздутый живот неправдоподобно лежал в сгибе на бедрах.

Крохотные рассказы

ДЫХАНИЕ

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка.

Я стою под яблоней, отцветающей — и дышу.

Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми легкими, ощущаю аромат всей грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми — не знаю, как лучше.

Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью.

Пусть это — только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов.

Я перестаю слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно еще дышать после дождя под яблоней — можно еще и пожить!

ОЗЕРО СЕГДЕН

Об этом озере не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку, над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка.

Человек или дикий зверь, кто увидит эту черточку

над своим путем — поворачивай! Эту черточку ставит земная власть. Эта черточка значит: ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя.

А близ дорог в сосновой чаще сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами.

Кружишь по лесу молчаливому, кружишь, ищешь, как просочиться к озеру — не найдешь, и спросить не у кого: напугали народ, никто в том лесу не бывает. И только вслед глуховатому коровьему колокольчику проберешься скотьей тропой в час полуденный, в день дождливый. И едва проблеснет тебе оно, громадное, меж стволов, еще ты не добежал до него, а уж знаешь: это местечко на земле излюбишь ты на весь свой век.

Сегденское озеро — круглое, как циркулем вырезанное. Если крикнешь с одного берега (но ты не крикнешь, чтоб тебя не заметили) — до другого только эхо размытое дойдет.

Далеко. Обомкнуто озеро прибрежным лесом. Лес ровен, дерево в дерево, не уступит ни ствола. Вышедшему к воде, видна тебе вся округность замкнутого берега: где желтая полоска песка, где серый камышок ощетинился, где зеленая мурава легла. Вода ровная-ровная, гладкая без ряби, кой-где у берега в раске, а то прозрачная белая — и белое дно.

Замкнутая вода. Замкнутый лес. Озеро в небо смотрит, небо — в озеро. И есть ли еще что на земле — неизвестно, поверх леса — не видно. А если что и есть — оно сюда не нужно, лишнее.

Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли.

Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальня его. Злоденята ловят рыбу, бьют уток с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода — выстрел.

Там, за лесами, горбит и тянет вся окружная область. А сюда, чтоб никто не мешал им, — закрыты до-

роги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них. Вот следы: кто-то костер раскладывал, притушили вначале и выгнали.

Озеро пустынное. Милое озеро.

Родина...

ПРАХ ПОЭТА

Теперь деревня Льгово, а прежде древний город Ольгов стал на высоком обрыве над Окою: русские люди в те века после воды, питьевой и бегучей, второй облюбовывали красоту.

Ингварь Игоревич, чудом спасшийся от братних ножей, во спасение свое поставил здесь монастырь Успенский.

Через пойму и пойму в ясный день далеко отсюда видно, и за тридцать пять верст на такой же крути — колокольня высокая монастыря Иоанна Богослова.

Оба их пощадил суеверный Батый.

Это место, как свое единственное, приглядел Яков Петрович Полонский и велел похоронить себя здесь. Всё нам кажется, что дух наш будет летать над могилой и озираться на тихие просторы.

Но — нет куполов, и церквей нет, от каменной стены половина осталась и достроена дощатым забором с колючей проволокой, а над всей древностью — вышки, пугала гадкие, до того знакомые... до того знакомые... в воротах монастырских — ВАХТА. Плакат: «За мир между народами!» — русский рабочий держит на руках африканенка.

Мы — будто ничего не понимаем. И меж бараков охраны выходной надзиратель в нижней сорочке объясняет нам:

— Монастырь тут был, в мире второй. Первый в Риме, кажется, а в Москве — уже третий. Когда детская колония здесь была, так мальчишки, они не раз-

бираются, все стены изгадили, иконы побили. А потом колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей — на кирпичи, хотел шестирядный коровник строить. Я тоже нанимался: пятьдесят копеек платили за целый кирпич, двадцать за половинку. Только плохо кирпичи различались: всё комками с цементом. Под церковью склеп открылся, архиерей лежал, сам — череп, а мантия цела. Вдвоем мы тут мантию рвали, порвать не могли...

— А вот скажите, тут по карте получается могила Полонского, поэта. Где она?

— К Полонскому нельзя. Он — в зоне. Нельзя к нему. Да что там смотреть? Памятник ободранный? Хотя постой, — надзиратель поворачивается к жене, — Полонского-то вроде выкопали?

— Ну. В Рязань увезли, — кивает жена с крылечка, щелкая семечки.

Надзирателю самому смешно:

— Освободился, значит...

УТЕНОК

Маленький, желтый утенок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих лапок, бегают передо мной и пищит: «где моя мама? где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела ровно всех.

Сейчас перед непогодой их домик — перевернутую корзину без дна, отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чем тут держится жизнь? Не весит нисколько, глазки черные — как бусинки, лапки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет.

А между тем — тепленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И нож-

ки уже перепончатые, и желт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмемся, — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! никогда, со всем нашим атомным могуществом мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать — не смонтируем вот этого невесомого, маленького, жалконького, желтенького утенка...

ОТРАЖЕНИЕ В ВОДЕ

В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни далеких: даже если не мутен он, даже если свободен от пены — в постоянной струйчатой ряби, в неугомной смене воды отражения неверны, неотчетливы, непонятны.

Лишь когда поток через реки и реки доходит до спокойного широкого устья, или в заводи остановившейся, или в озерке, где волна не продрогнет — лишь там мы видим в зеркальной глади и каждый листик прибрежного дерева, и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба.

Так и ты, так и я. Если до сих пор никак не увидим, все никак не отразим бессмертную чеканную истину — не потому ли, значит, что еще движемся куда-то? Еще живем?..

ГОРОД НА НЕВЕ

Преклоненные ангелы со светильниками окружают византийский купол Исаакия.

Три золотых граненых шпиля перекликаются через Неву и Мойку. Львы, грифоны и сфинксы там и здесь оберегают сокровища или дремлют. Скачет ше-

стерка Победы над коварной кривою аркою Росси. Сотни портиков, тысячи колонн, вздыбленные лошади, упирающиеся быки...

Какое счастье, что здесь уже ничего нельзя построить! — ни кондитерского небоскреба втиснуть в Невский, ни пятиэтажную коробку сляпить у канала Грибоедова. Ни один архитектор, самый чиновный и бездарный, употребив свое влияние, не получит участка под застройку ближе Черной речки или Охты.

Чуждое нам — и наше самое славное великолепие! Такое наслаждение бродить теперь по этим проспектам! Но стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту. Косточки наших предков слезались, сплывались, окаменели в дворцы — желтоватые, бурые, шоколадные, зеленые.

Страшно подумать — так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жен — всё это тоже забудется начисто? Всё это тоже даст вот такую законченную вечную красоту?

КОСТЕР И МУРАВЬИ

Я бросил в костер гнилое бревнышко, не досмотрел, что изнутри оно густо населено муравьями.

Затрепало бревно, вывалили муравьи и в отчаянии забегали. Забегали по верху и коржились, сгорая в пламени. Я зацепил бревнышко и откатил его на край. Теперь муравьи многие спасались — бежали на песок, на сосновые иглы.

Но странно: они не убегали от костра.

Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились и — какая-то сила влекла их назад, к покинутой Родине! — и были многие такие, кто опять взбегали на горящее бревнышко, металась по нему и погибали там.

ПРИСТУПАЯ КО ДНЮ

На восходе солнца выбежало тридцать молодых на поляну, расставились в разрядку все лицом к солнцу, и стали нагибаться, приседать, кланяться, ложиться ниц, простирать руки, воздевать руки, запрокидываться с колен. И так — четверть часа.

Издали можно было представить, что они молятся.

Никого в наше время не удивляет, что человек каждодневно служит терпеливо и внимательно телу своему.

Но оскорблены были бы, если бы так служил он своему духу.

Нет, это не молитва. Это — зарядка.

ГРОЗА В ГОРАХ

Она застала нас в непроглядную ночь перед перевалом. Мы выползли из палаток — и затаились.

Она шла к нам через Хребет.

Всё было — тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта. Но вспыхивала раздирающая молния, и отделялась тьма от света, выступали исполины горы Белолакая и Джугутурлючат, и черные сосны многометровые около нас ростом с горы. И лишь на мгновение показывалось нам, что есть уже твердая земля, — и снова всё было мрак и бездна.

Вспышки надвигались, чередовались блеск и тьма, сиянье белое, сиянье розовое, сиянье фиолетовое, и все на тех же местах выступали горы и сосны, поражая своей величиной — а когда исчезали, нельзя было поверить, что они есть.

Голос грома наполнил ущелья, и не слышен стал постоянный рев рек. Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет, и дробились в змейки, в струйки,

как бы разбрызгиваясь о скалы или поражая и разбрызгивая там что живое.

И мы... мы забыли бояться молнии, грома и ливня — подобно капле морской, которая не боится ведь урагана. Мы стали ничтожной благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня — на наших глазах.

ВЯЗОВОЕ БРЕВНО

Мы пилили дрова, взяли вязовое бревно — и вскрикнули: с тех пор, как ствол в прошлом году срезади, и тащили трактором, и распилили его на части, и кидали в баржи и кузова, и накатывали в штабеля, и сваливали на землю — а вязовое бревно не сдалось!

Оно пустило из себя свежий росток — целый будущий вяз или ветку густошумящую.

Уже бревно положили мы на козла, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой: как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно хочет жить — больше нас!

ШАРИК

Во дворе у нас один мальчик держит песика Шарика на цепи — кутенком его посадили с детства.

Понес я ему однажды куриные кости, еще теплые, пахучие, а тут как раз мальчик спустил беднягу побегать по двору. Снег во дворе пушистый, обильный. Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние ноги, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу.

Подбежав ко мне, лохматый, меня опрыгал, кости понюхал — и прочь опять, брюхом по снегу!

Не надо мне, мол, ваших костей — дайте только свободу!

НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

Четыре деревни одна за другой однообразно вытянуты вдоль улицы. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисаднички. Кой-где грубо-яркие цветные налчики. Многопудовая царственная свинья посреди улицы чешется о водопроводную колонку. Мерная вереница гусей разом обертывается вслед промчавшейся велосипедной тени и шлет ей дружный воинственный клич. Деятельные куры раскапывают улицу и зады, ища себе корму.

На хилый курятник похожа магазинная будка села Константинова. Селедка. Всех сортов. Конфеты — подушечки слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Черных буханок булгыи, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топору под стать.

В избе Есениных — убогие перегородки не до потолка, чуланчики, клетушки, даже комнатой не назовешь ни одну. В огороде — слепой сарайчик, да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи. За пряслами — обыкновенное польце.

Я иду по деревне этой, каких много, где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями, — и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и еще сегодня он обжигает мне щеки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать: «На бору со звонами плачут глухари...» и об этих луговых петлях спокойной Оки: «Скирды солнца в водах лонных»?

Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько материала для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..

КОЛХОЗНЫЙ РЮКЗАК

Когда вас в пригородном автобусе больно давят в грудь или в бок его твердым углом, — вы не бранитесь, а посмотрите хорошо на него, этот лубяной плетеный короб на широком брезентовом разлохмаченном ремне. В город возят в нем молоко, творог, помидоры за себя и за двух соседок, из города — полста батонов на три семьи.

Он емок, прочен и дешев, этот бабий рюкзак, с ним не сравниваются его разноцветные спортивные братья с карманчиками и блестящими пряжками. Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня навычное крестьянское плечо.

Потому и взяли бабы такую моду: плетенку вскидывают на середину спины, а ремень нахомучивают себе через голову. Тогда равномерно раскладывается тяжесть по двум плечам и груди.

Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули — езжайте в такси.

МЫ-ТО НЕ УМРЕМ

А больше всего мы стали бояться мертвых и смерти.

Если в какой семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем...

Даже стыдным считается называть кладбище как серьезное что-то. На работе не скажешь: «На воскресник я не могу, мне мол, мои х надо навестить на кладбище». Разве это дело — навестить тех, кто есть не просит?

Перевезти покойника из города в город? — блажь какая, никто под это вагона не даст. И по городу их

теперь с оркестром не носят, если мелочь, а быстро прокатывают на грузовике.

Когда-то на кладбищах наших по воскресеньям ходили между могил, пели светло и кадили душистым ладаном. Становилось на сердце примиренно, рубец неизбежной смерти не сдавливал его больно. Покойники словно чуть улыбались нам из-под зеленых холмиков: «Ничего!.. ничего!..»

А сейчас, если кладбище держится, то вывеска: «Владельцы могил! Во избежание штрафа убрать прошлогодний мусор!» Но чаще — закатывают их, равняют бульдозерами — под стадионы, под парки культуры.

А еще есть такие, кто умер за отечество — ну, как тебе или мне еще придется. Этим церковь наша отводила прежде день — поминовение воинов на поле брани убиенных. Англия их поминает в День Маков.

Все народы отводят день такой — думать о тех, кто погиб за нас. А за нас — за нас больше всего погибло, но дня у нас нет.

Если на всех погибших оглядываться — кто кирпичи будет класть? В трех войнах теряли мы мужей, сыновей, женихов — пропадите, постылые, под деревянной крашеной тумбой, не мешайте нам жить!

Мы-то, мы-то ведь никогда не умрем!

ЭТО И ЕСТЬ ВЕРШИНА ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА.

ПУТЕШЕСТВУЯ ВДОЛЬ ОКИ

Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа.

Он — в церквах. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, разными поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью — они издалека — издалека

кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу. И где бы ты в поле, на лугах ни брел, вдали от всякого жилья — никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки то из Горок Ловецких, то из Любичей, то из Гавриловского.

Но тыходишь в село и узнаешь, что не живые — убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви, а то свалены его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями.

На паперти — бочки с соляжкой, к ним разворачивается трактор. Или грузовик въехал кузовом в дверь притвора, берет мешки. В той церкви подрагивают станки. Эта — просто на замке, безмолвная. Еще в одной и еще в одной — клубы. «Добьемся высоких уроев!», «Поэма о мире», «Великий подвиг».

И всегда люди были корыстны и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом.

Напоминал он, что надо покинуть мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли — вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтобы опуститься (.....)* на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни.

Ковырай, Витька, долбай, не жалея!

Кино будет в шесть, танцы в восемь...

---

*) Пропуск одного слова. — Изд.

Пасхальный крестный ход

Учат нас знатоки, что маслом не надо писать всё, как оно точно есть. Что на то цветная фотография. Что надо линиями искривленными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи, вместо самой вещи. А я недоразумеваю, какая цветная фотография отберет нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции. Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников.

За полчаса до благовеста выглядит пригороде патриаршей церкви Преображения Господня как топталовка при танцплощадке далекого лихого рабочего поселка. Девки в цветных платочках и спортивных брюках (ну, и в юбках есть), голосистые, ходят по трое, по пятеро, то толкуются в церкви, но густо там в притворе, с вечера раннего старухи места занимали, девки с ними перетявкнутся и наружу; то кружат по церковному двору, выкрикивая развязно, кличутся издали и разглядывают зеленые, розовые и белые огоньки, зажженные у внешних настенных окон и у могил архиереев и протопресвитеров. А парни — здоровые и плюгавые — все с победительным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? — разве что шайбами в ворота), все почти в кепках (кто с головой непокрытой, так не тут снял), каждый четвертый выпивши, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да и противно как курит, прилепивши папиросу к нижней губе. И еще до ладана, вместо ладана, сизые клубы та-

бачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурных неподвижных тучах.

Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюгаются, несколько с транзисторными приемниками наяривают танцевалку, кто своих марух обнимает на самом проходе, и друг от друга этих девок тянут и петушисто просматривают, и жди как бы не выхватили ножи: сперва друг на друга ножи, а там и на православных. Потому что на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух. Всё же до ножей не доходит — три-четыре милиционера для прилика прохаживаются там и здесь. И мат — не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Потому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене. Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же она шапки с голов охлабучивать: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией.

Растесненные к ограде кладбища и к церковным стенам верующие не то, чтоб там возражать, а озираются, как бы еще не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христа. Здесь, вне храма, их, православных, и меньше гораздо, чем зубоскалящей, ворошащейся вольницы. Они напуганы и утеснены хуже, чем при татарах. Татары, наверное, не наседали так на Светлую заутреню.

Уголовный рубеж не перейден, а разбой бескровный, а обида душевная в этих губах, изогнутых по-блатному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупывании, курении, плевоте в двух шагах от Страстей Христовых. В этом победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как деды повторяют обряды пращуров.

Между верующими мелькают одно-два мягких ев-

рейских лица. Может крещеные, может сторонние. Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже. Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь.

А ведь кажется не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освященные вырывали из рук и улюлюкали под чертей, — нет! Это как бы любознательные: хоккейный сезон по телевидению кончился, футбольный не начинался, тоска, — вот и лезут к свечному окошечку, растолкав христиан, как мешки с соломой, и, ругая «церковный бизнес», покупают зачем-то свечи.

Одно только странно: все приезжие — а все знают друг друга, и по имени. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного ль они завода? Да может в эти часы как в дружину записываются?

Ударяет колокол над головой крупными ударами — но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных, глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход.

И тут-то! — не верующие, нет, опять эта ревущая молодость. Теперь вдвое и втрое навалила во двор. Они спешат, сами не зная, чего ищут, какую сторону захватывать, откуда будет ход. Зажигают красные пасхальные свечи, а от свечек-то — от свечек они прикуривают, вот что! Толпятся, как бы ожидая начала фокстрота; еще не хватает здесь пивного ларька, чтоб эти чубатые вытянувшиеся ребята — порода наша не мельчает! — сдували бы белую пену на могилы.

А с паперти уже сошла голова хода и вот заворачивает сюда под мелкий благовест. Впереди идут два деловых человека и просят товарищей молодых сколько-нибудь расступиться. Через три шага идет шестивенный пожилой мужчина вроде церковного ктитора и несет на шесте тяжеловатый граненый остекленный фонарь со свечой. Он опасливо смотрит вверх на фонарь, чтоб нести его ровно, и в стороны так же опасливо. И

вот отсюда начинается картина, которую так хотелось бы написать, если бы я мог: ктитор не того ль боится, что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить?.. Жуть передается зрителю.

Девки в брюках со свечками и парни с папиросами в зубах, в кепках и расстегнутых плащах (лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают и на пятак; и простогубые есть, доверчивые: много этих лиц должно быть на картине) плотно обставили и смотрят зрелище, какого за деньги не увидишь. За фонарем движутся двое хоругвей, но не раздельно, а тоже, как от испуга, стеснясь.

А за ними пять рядов по двое идут десять женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти — девушки, того самого возраста девушки, что столпились с парнями, однолетки — но как очищены их лица, сколько светлости в них! Десять женщин поют и идут сплоченным строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папиросным дымом, их уши завешены от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.

Так начинается подлинный крестный ход! Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного.

За женщинами следуют в светлых ризах священники и дьяконы, их человек восемь. Но как непросторно они идут, как сбились, мешая друг другу, почти кадиллом не размахнуться, орая не поднять. А ведь здесь, не отговорили б его, мог бы идти и служить патриарх всея Руси!..

Сжато и поспешно они проходят, а дальше — дальше хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться.

Молящихся нет, но тут-то и поперла, тут-то и поперла наша бражка! Как в проломленные ворота склада, спеша захватить добычу, спеша разворовать пайки, обтирать о каменные веревки, закружиться в вихре потока, — теснятся, толкаются, пробиваются парни и девки — а зачем? Сами не знают. Поглядеть, как будут попы чудаковать? Или просто толкаться — это и есть их задание?

Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди — первые ряды публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть в картину! И тогда она будет завершена! Старуха крестится в стороне и говорит другой: «В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько...» Ах, вот оно! Так это еще лучший год?..

Что ж будет из этих рожденных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия и обнадеженные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут!

Статьи

Читают „Ивана Денисовича“

(Обзор писем)

Эти письма я храню. Они дороги будут не только мне. Слишком редко наши соотечественники имеют случай высказаться по общественным вопросам, а бывшие зэки — тем более. Уж слишком разуверились, уж слишком обманывались, а тут поверили все-таки, что начинается эра правды и можно смело писать самим. И вырвался как бы общий слитный крик. (И обманулись, конечно, в который раз...)

Ну, да были и осторожные. Как писал один:

«Не называю себя, ибо берегу здоровье в оставшиеся дни моей жизни».

А кто еще поосторожнее — те не писали совсем (ведь и по почерку найдут, у нас, бывало; не хитро).

Мне кажется, уместно перелистать эти письма: по восприятию первого, еще куцего и приглушенного рассказа о лагере примерить, что это будет, когда грянет правда вся.

А. ЧИТАЮТ БЫВШИЕ ЗЭКИ

Когда бывшие зэки из трубных выкриков всех сразу газет узнали, что вышла какая-то повесть о лагерях и газетчики ее наперебой хвалят, — решили единодушно: «Опять брехня! Спроворились и тут соврать!» Что наши газеты с их обычной непомерностью вдруг

накинутся хвалить правду — ведь этого ж все-таки нельзя вообразить! Иные не хотели и в руки брать.

Но вот — *узнают*.

Маркелов: «Иван Денисович? Да это я, СЗ-209. И всех героев могу назвать не вымышленными, а подлинными именами. Какой лагерь? Ухта, 29 лагпункт. Или Степлаг, Балхаш, 8 лаг-отделение».

Мумриков: «Это воркутинская шахта № 8».

Ник. Андр. Иванов из Череповца: «Да мы с вами были в 104 бригаде, жили в одном бараке».

Войченко: «Тюрину Солженицын даже не заменил фамилии. Я его знал, да и в 104 бригаде работал... Также хорошо помню старшего надзирателя Полтора Ивана — из Западной Украины, искатель длинных рублей, детина двухметрового роста с черными устрашающе-выпуклыми глазами. Настоящая фамилия его Бурденюк... Невозможно забыть начальника режима Сородова, выведенного в повести под фамилией Волкового. По зоне он не ходил, а шествовал в дубленом полушубке, в постоянно новеньких щегольских бурках (выделанных эком) — картинка!.. Знал и Шухова под другой фамилией. В каждой бригаде был такой».

Ф. В. Шавирин: «Да, денек сфотографирован... Читая вашу повесть и сопоставляя лагерь, нельзя отделить одного лагеря от другого. Как две капли воды — устройство зон, БУРа и отношение к заключенным».

Б. Д. Голицын: «Прежде всего искал в повести фальши, надуманного, отсебятины — и не нашел ни на грош».

С. М. Рудковский: «Можно подумать, что вы были сами в лагере».

За Шухова признает себя и *Пося*: «Номер А-691 я носил 10 лет за то, что 2 дня был в плену у немцев, да и самих-то немцев не видел».

А кто-то еще — за кавторанга: «Кавторанг пострадал из-за подарка, — я из-за письма из США изгнан со службы в военно-морском флоте, дискриминация по всем направлениям, даже в личной жизни».

КАК ЧИТАЮТ

Рудковский: «С трудом прочел — сам был в этой шкуре».

Бельский: «Не мог спокойно сидеть. То и дело вскакивал, ходил, представлял все эти картины в образе того лагеря, где был сам».

Зарин: «Когда читал — буквально ощущал холод, как при выходе из барака на развод».

Войченко: «Читал — и руки дрожали».

Кравченко (Якутия): «Теперь читаю и плачу, а когда сидел в Ухте — 10 лет не было слез».

П. В. Шарапов (Барнаул): «Я хоть и плакал, читая, но чувствовал себя среди окружающих полноправным гражданином. А до сих пор чувствовал от них холодные взгляды, напоминающие Печору и Норильск».

Э. Я. Зайцева: «Получила на одну Новогоднюю ночь!»

Светлана Лесовик: «Я простая медсестра, а на очереди — профессора и доценты. Но потому, что у меня в библиотеке блат, и потому, что я сама была там, мне дали без очереди на Новый год... Казалось, вы пишете о том самом лагере, где была я».

Марк Иванович Кононенко: «В Харькове я видел всякие очереди — когда шла картина «Тарзан», за сливочным маслом, за женскими панталонами, куриными потрошками и конской колбасой. Но такой большой очереди, какая появилась за вашей повестью в библиотеках, я не помню... Ожидал по списку полгода — и все впустую. Случайно заимел на 48 часов».

Ольга Чавчавадзе: «После прочитанного остается вбить гвоздь в стенку, завязать узел и повеситься» (сама не сидела, — жена погибшего).

А молодая студентка, внучка двух дедов, погибших ТАМ, — «Я перелистала».

Кайданов из Дебальцево: «Купил «Роман-газету» вместо 12 коп. за 4 рубля... Здесь точно описывается моя личная жизнь... Одна пышно одетая дама с золотым кольцом: «Не нравится мне эта повесть, слишком тяжелая». Я ответил ей: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь».

Г. Венедиктова: «Это настолько жизнь, настолько боль, что кажется, может остановиться сердце. Люди, не бывшие там, ахают, даже говорят, что надо арестовать всех, кто доносил на людей... Эти люди начинают проникаться хоть маленьким сочувствием к тем, кто погиб. Растепливается холод отчуждения».

М. И. Калинина тоже давала читать другим, разным людям. «Воспитательница детсада прочла запоем, была потрясена, а завдетсадом, пожилая партийка: «Ну и ну, одна матерщина». Молодые рабочие из вечерней школы читали нарасхват, комсомольский секретарь сказал: «Не люблю такие книги». Мой сосед прочел, запил и пил всю неделю».

А В. И. Жуков, еще в 1941 г. осужденный «за террор против Сталина», за эти годы потерявший семью, имущество и квартиру, прочел даже не самого Ивана Денисовича, а рецензию в «Огоньке», и решился: дай напишу на реабилитацию! (по темноте он не верил, что давно уже может ее получить). Написал в Генеральную прокуратуру и получил быстро.

ОЦЕНКА

Г. Ф. Полев: «Неужели приходит время, когда люди начинают узнавать?»

Анна Матвеевна Лукьянова (Ярославль): «Радостно сознавать, что мечты Шухова — «Переживаем всё, даст Бог кончиться» — исполнились».

Шавирин: «Надеюсь, что повесть — предшественница других. Пусть будет больно и горько, но лишь бы правда!»

И. Добряк: «Повесть открыла глаза очень многим, для которых мы были загадкой».

Лиленков: «Правда восторжествовала, но поздно.¹⁾ Дальний Восток и Сибирь — их создали невинно-осужденные, погибшие на стройках».

П. Н. Птицын: «Ни в чем не повинный наш человек, низведенный на положение последнего скота, душу свою вкладывал в труд... И окончив дело (мост, тоннель, дорогу, дворец, аэродром) умирал на дерюге, исходя голодным кровавым поносом. Вечная хвала и память этим безвестным труженикам, положившим кости свои на диких хладных окраинах родины... Настоящие преступники не способны к подлинному труду. Именно Иваны Денисовичи вершили настоящее дело... Вот драма: враг народа — друг народа. Человека хотят стгноить, а он доброе дело делает».

Сушихин, военный инженер: «Некоторые критики издеваются над Иваном Денисовичем, что мельчил, подрабатывал. А мне, человеку с двумя высшими образованиями, но без посылок и денег, приходилось ремонтировать авторучки, сочинять прошения. Хотел бы я кого-нибудь из критиков увидеть в шкуре зэка!»

Рябинин Н. И.: «Люди, доведенные до полного физического и морального истощения, гибли сотнями тысяч. А те, кто творил произвол, в большинстве своем делали это высокосознательно. Да они и по сей день ходят на воле, хотя их место давно на том свете».

П. Р. Мартынюк: «При чтении этой повести напрашивается вопрос — как же могло так стать, что у власти стоит народ и народ допустил такую тиранию?.. Я построил Беломорканал и Волга-Москва, чудом жив остался. То, что описывается в по-

---

¹⁾ Где уж там до торжества!

вести, — очень маленькая доля того, что пришлось увидеть и пережить мне лично».

Л. Терентьева-Миронова (Ялуторовск) сама не сидела, — жена умершего. Двойная фамилия потому, что меняла из-за преследований. «Я вижу, слышу толпу этих голодных, замерзающих полулюдей-полуживотных, а среди них мой муж... Пишите еще, пишите правду, хоть и не печатают сейчас! Не зря столько было пролито наших слез — правда выплывет в реке этих слез...²⁾ Мой муж писал мне из Тайшета, что кто-нибудь из его товарищей по несчастью когда-нибудь придет ко мне и расскажет о нем, и передаст мне кольцо, которое он там, в застенке, сделал для меня. Но никто ко мне не приходил и теперь уже не придет...»

В. П. Тарновский:

«А вот он пайку разломил свою,
И вместе с ней вернул мне всю Россию».

Н. А. Виленчук: «Мы верили партии и МЫ НЕ ОШИБЛИСЬ (просидел 17 лет). Еще надо показать наши горячие дебаты».

М. Кононенко: «Вы описываете сравнительно сносный, не режимный лагерь. Из повести нельзя получить ответа на вопрос: почему из лагерей так много не возвратилось?»

В. М. Еременко: «Удивляюсь, как Волковой дал тебе напечатать эту повесть. Ответь, я волнуюсь, не в БУРе ли ты?»

Ф. Шульц: «Удивляюсь, как это вас обоих с Твардовским не упрятали?»

Сами удивляемся...

Б. ЧИТАЮТ ЗЭКИ НЫНЕШНИЕ (50-60-х годов)

Мы — как о прошлом, а для них это — сейчас. Мы отсидели (надолго ли?), а они-то сидят. Для них эта по-

---

²⁾ Ой, всплывет ли?..

весть, — не в повесть, правда — не в правду, если не будет продолжения, если не будет дальше сказано О НИХ: что и сегодня — то же. Чтобы сказано было — и изменилось! Если слово не о деле и не вызовет дела, — так и на что оно? — ночной лай собак на деревне?

Весь газетный шум вокруг повести, изворачиваясь для нужд воли и заграницы, трубился в том смысле, что «это было, но никогда не повторится!» Как всегда, в главном лгали: это — будто воз вытащили. А воз и ныне там. И это особенно раззадорило нынешних зэков.

Их письма тоже были общий слитный крик. Но крик: «А мы?!»

П. А. Лепехин: «Гражданин Солженицын! Помогите обновить порядки и административный состав в колониях! На основе моего письма прошу вас выступить в газете «Известия» с критикой на нормы проклятого прошлого режима».

И. Г. Писарев: «Непонятно одно — хотели ли вы сказать, что ЭТОГО больше нет? Или: что было, то и осталось?»

А. Д. Корзухин (ст. Решеты): «Описанный вами день не сошел с экрана жизни».

Ю. К-й: «С времен Ивана Денисовича ничего не изменилось, кроме внешней формы. З/к прочтет вашу книгу — и ему станет горько и обидно, что все осталось без изменения».

Братчиков: «Вчера прочитали вашу повесть, которая и впредь остается настоящей действительностью. Часто приходится слышать на суде: «Ты притаился, а в душе остаешься таким же преступником, как и десять лет назад». И я думаю, что эти слова относятся больше всего к тому, КТО говорит. О культе Сталина много говорят и пишут, но что изменилось, если остались в силе все законы 25-летнего заключения, выпущенные при нем?»

В. Д. Ч-н и др.: «Почему все-таки остались безнаказанными такие, как начальник режима Волковой и ему подобные, которые и в настоящее время, до сих пор в исправительно-тру-

довых учреждениях работают «воспитателями» с той лишь разницей, что сменили волчьи шкуры на овечьи?»

Княгинин В. И.: «Чтобы написать за настоящее время — наверно такого человека не найти».

Групповое письмо из Усть-Неры: «Нам сейчас гораздо хуже (т. е. чем в повести). Нас не бьют, но солдаты поговаривают, что надо нас уничтожить. Откуда такая ненависть у мальчишек 18-20 лет? Видно, кто-то их разжигает... В декабре 1962 г. (момент выпуска повести в свет) в зоне из 300 человек было 190 цинготников».

В. Е. Мильчихин: «Черная мгла закрыла нас, и нас не видят... У вас хоть разрешалось получать посылки, да и хлеб с выработки. А у нас 700 грамм и посылок нет... В настоящее время вы, писатели, вскрываете произволы времен Берии. Но почему ни единый из вас не коснется за жизнь БЫТОВИКОВ? Почему ни один писатель не заинтересовался нынешней жизнью заключенных? Почему не соизволят приехать в лагерь и посмотреть, кто сидит.³⁾ Конечно, вы можете меня культурно послать, но раз вы решили открыть правду, давайте будем доводить до конца... Например, мы, убийцы, за что сидим? (Лагерное убийство). По 58 освободились, что вешали и казнили советских граждан, а мы — сидим?»

Всё тут наворочено — и правда, и зависть, и чушь. До того своя боль стоит у сердца, что о прошлом писать вовсе не нужно (как будто о том ежедневной книги выйдут). Пятьдесят восьмую хоть и не освобождай, а только меня освободи!

А *Иван Алексеев*, тот прямо огорошил: «Такие умы, как ваш, сторонятся действительной помощи. Ваша позиция — арьергард».

---

³⁾ Такая простая мысль — но как дико в наше время звучит!!

Письма нынешних эзков и рассказывают о новейшем положении в лагерях. И берутся объяснять некоторые общие вопросы.

Лепехин: «Жалобы заключенных в высших судебных органах сплошь отклоняют. Ведь если разобраться в делах и освободить, то самим придется попасть под сокращение». (Определенно тут есть верное. Конечно, не судебная истина, а самосохранение важней всего для нынешней судебной системы.)

Ю. К-й: «Если выходят «шефы» (с производств), то их водят по лучшим баракам, показывая потемкинские деревни. Предварительно на них нагоняют страху, что тут столкнутся с ненормальными дегенератами... Нас чернят, как могут, чтобы оправдать свое существование и показать, что и им нелегко. Начиная с захудалого надзирателя и кончая начальником управления, все кровно заинтересованы в существовании лагерей. Надзорсостав за любую мелочь фабрикует громкое постановление; оперы чернят личные дела; начальник управления, подписывая сводку нарушений за квартал, добавляет их. Мы, двадцатипятилетники, — булка с маслом, которой насыщаются те, кто призван нас наставлять добродетели, хотя сами в корне порочны. Не так ли колонизаторы выдавали индейцев и негров за неполноценных людей?.. Против нас восстановить общественное мнение ничего не стоит. Достаточно написать в газете статью «Человек за решеткой» или описать, как дегенерат-уголовник изнасиловал пятимесячную девочку, — и народ завтра будет митинговать, чтобы нас сожгли в печах. То Никита Сергеевич за ручку с вором, то — полосатая шкура».

В. ЧИТАЮТ «ПРАКТИЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ» И БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ

Это кто же такие «практические работники»? А это, оказывается, так называемые лагерные хозяева и лагерный надзор. Слово-то золотое, а мы его прежде не знали.

Выслушаем, как полагается, и другую сторону. Точнее — получим руководящие указания.

Не все корреспонденты тут себя открывают; может среди них есть и такие, кто голубых погон не носил, а связку ключей только от квартиры, — но все они единомышленники, та же масть. Это те самые, чьих портретов не бывает в газетах, но в ком сила. (А один из них — С. И. Головин — говорит, что бывший зэк. Приходится поверить.)

Их за книгу эту не преследуют, у них есть время почитать, выписать, раздолбать по пунктам.

О ШУХОВЕ

«Иван Денисович — подхалим. В плену у немцев он мог бы заработать «птюху», хотя бы после этого не досчитались одного военнопленного в бараке» (*Олейник, Владимир Васильевич, Актюбинск*).

«Не хочу таких героев — только желудок, а мозга нет» (*Пастухова Т. С., г. Богородск*).

«Главный персонаж повести Шухов показан отрицательно, как и все другие, которые, как видно из повести, вносили дезорганизацию в лагерную жизнь» (*Григорьев А. И., Момино, Нелидовск. р-н, практический работник*).

«Если ему не дадут вернуться к семье, то на воле ему вообще нечего делать. Правдивый ли это образ советского человека 50-х годов? К Шухову не испытываешь ни сострадания, ни уважения, ни особенного гнева учиненного над ним произволом» (*Ю. Матвеев, Москва. Сам-то, небось, живет с семьей*).

«Вымыв полы, бросил невыжатую тряпку за печь, а грязную воду вылил на дорожку, туда именно, где ходило начальство. Это говорит о том, как он уважает коммунистов и как бережет социалистическую собственность... Только и надеется на санчасть. А ведь он находится в ИТЛ, пусть даже и невинный, — так он должен, как советский человек, показать всем пример,

как зажечь остальных, а не разлагаться!» (Захарова А. Ф., сотрудник МВД с 1950 г., Лесогорск, Иркутск. обл.).

«Шухов осужден правильно. При допросе его НИКТО ЗАСТАВИТЬ НЕ МОГ — ведь это не 1937 год. Расчет у него был: он боялся пойти обратно на фронт» (В. И. Силин, Свердловск, практический работник).

Но обстоятельнее всех набрасывается на Шухова Влад. Дмитриевич Успенский из Москвы (или следователь, или лагерщик). Пренебрегая текстом повести, как показаниями явно ложными, он *наматывает* дело Шухову совершенно в духе того времени:

— Шухов не болен сегодня, раз сумел работать. Но трясется за свое здоровье — к фельдшеру побежал!

— Только на своей избе работал хорошо, а всюду и везде — халтурщик.

— Он никогда ни с кем не поделится; он квалифицированный, изворотливый и безжалостный шакал. Законченный эгоист, живущий только ради брюха.

— Он приносит в лагерь нож, ЧТОБЫ продать его, а им потом зарежут человека.

— Он первый поднял руки и поспешил сдаться в плен; он настоящий изменник Родины.

Одним словом, Шухову десятки мало. Четвертную!

О ДРУГИХ ГЕРОЯХ

«Миллионы наших советских людей трудятся на лесоповале и восхваляют этот труд (!), а герои повести относятся к нему со страхом» (А. Ф. Захарова).

«Вы показываете капитана 2-го ранга приниженным, лишенным чувства человеческого достоинства. Почему он одинок в своем справедливом возмущении, а почему директор завода смирился?» (Олейник).

«А тюрини никогда в лагере не работали»... (П. А. Панков, Краматорск).

«За что сидит Тюрин? Сыновей кулаков не сажали (??). И эстонцев и латышей в лагерях было **СОВСЕМ МАЛО**, главным образом дезертиры из Красной армии» (*Успенский*).

«С каких пор «Новый мир» взял на себя миссию защиты буржуазных националистов, от пули которых погибли тысячи активистов?» (*Белюсов, Ужгород*).

Теперь О ЛАГЕРНЫХ ПОРЯДКАХ

«А зачем давать много питания тому, кто не работает? Сила у него остается неизрасходованной... Одевали эков ПО СЕЗОНУ, кормили не хуже, чем вольнонаемных... С преступным миром еще слишком мягко обращаются» (*Сергей Иван. Головин, Целиноград, отсидел 10 лет*).

«Как можно охаивать лагерные порядки? В лагерях меньше злоупотреблений, чем в каком-либо другом советском учреждении (! Патриотично). Утверждаю, что сейчас в лагерях стало строже» (*Караханов, прораб*).

«Ничего и сейчас не изменилось, скажем, в смысле проверки, или, выражаясь языком автора, «шмона» при выводе и входе. И повторные проверки, если не сходятся люди... И сейчас идут обязательно с автоматами наготове, на определенном расстоянии, так же идут и собаководы... А насчет норм питания не следует забывать, **ЧТО ОНИ НЕ НА КУРОРТЕ**. Поэтому должны искупить свою вину только честным трудом» (старшина *Базунов, Оймякон, 55 лет, состарился на лагерной службе*).⁴⁾

---

⁴⁾ Пространное письмо Базунова было направлено в ЗАКРЫТЫЙ журнал надзора и охраны с благородным названием «К новой жизни». В общем толчке этот журнал имел неосторожность поместить кисло-положительную рецензию на мою повесть и в ответ был засыпан возмущенными письмами читателей. И еще так велико было очарование, что редакция прислала мне письмо Базунова для ответа ему. Я охотно ответил, но тут времена изменились, и мой ответ заколодило.

«Как же не делать обыска, если з/к стремятся вынести из лагеря разные письма с клеветническим характером на советскую коммунистическую партию и советское правительство?..

(О плетке) Ведь мы все прекрасно знаем, что телесные наказания в нашей стране отменены с приходом советской власти... Солженицын так описывает всю работу лагеря, будто там и партийного руководства не было. А ведь и ранее, как сейчас, существовали партийные организации и направляли всю работу согласно совести» (Захарова).

«Раз лагерь, то возможен и произвол личности» (П. А. Панков).⁵⁾

О СТУКАЧАХ

«По Солженицыну выходит, что если кто-то из заключенных, более сознательный, скажет оперуполномоченному, то это «береженье на чужой крови». Вот это патриот, нечего сказать! Советский народ должен только сказать спасибо этим осознавшим заключенным» (Захарова).

«Описывают, что убивают «стукачей» — и как бы в заслугу. Все же знают, что такое РАЗВЕДЧИК-СТУКАЧ. В Советском Союзе ЭТИХ людей уважают, так как это передовые (!), сознательные люди, которые помогают выявить врагов советской власти, разоблачают изменников. В лагерях это те зэки, которые осознали свою вину. Если бы не было стукачей, — совершались бы побег. А что зэкам ДЕЛАТЬ НА ВОЛЕ?» (Силлин).

О КОНВОЕ

«Но главное, что поражает в этой, осмелюсь так выразиться, повести, — что автор так опошляет наших солдат и конвоиров. Солдат есть солдат, он верен присяге, выполняет все распоряжения командования, дисциплинированные, воспитан-

---

⁵⁾ Не стоворились!

ные воины... Ведь какая тяжелая и ответственная служба солдат, выводящих бригады на работу... Эта повесть оскорбляет солдат, сержантов и офицеров МООП.*) Народ — творец истории, но как показан этот народ в лице солдат, сержантов и офицеров? — в виде «попок», «остолопов», «дураков» в засаленных гимнастерках, в рваных шинелях» (*Базунов*).

«Мне кажется, не позорно охранять мирный труд советских людей. А по Солженицыну получается, что ниже позора быть не может. Народ возвеличил наши доблестные советские войска, а у Солженицына они стали попками... А если бы конвой перестал нести службу? — Народ страдай?!» (*Захарова*).

О САМИХ «ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТНИКАХ», О ЛАГЕРНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И НАДЗОРЕ

«Солженицын выступает против работников, выполняющих трудную, но почетную задачу. Весь день в повести насыщен отрицательным поведением заключенных без показа роли администрации, а если о ней говорится, то только отрицательно. Но содержание заключенных в лагере НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ ПЕРИОДА КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ, а связано с исполнением приговора...») Оперработник назван «кумом», как могут называть только отдельные отрицательные заключенные... Отрицательное отношение заключенных к администрации... не отвечает поставленным задачам в настоящее время» (*Григорьев А. И.*).

«Охрана не знала, кто за что сидит»⁶⁾ (*Караханов*).

«Чем виноваты сотрудники, офицерский состав? Тем, что они призваны партией и правительством нести самое тяжелое бремя нашего времени — работу с преступным миром?.. Мы, сотрудники, живя на периферии, лишены всех элементарных че-

---

*) Министерство охраны общественного порядка, так называлось министерство внутренних дел с 1962 по 1968 год. — И з д.

⁶⁾ «Мы только выполняли приказ», «мы не знали».

ловеческих условий против жителей городов и районов. У нас подчас нет достаточно питания (!)... Мы работаем с отходами общества, мы несем наитяжелейшую участь ради блага всего народа. Так почему же нас чернят?..

(Об администрации в повести). Они только выполняли, что с них требовали положения, инструкции, приказы. От себя на месте ничего не придумывали, пользуясь бесконтрольностью культа личности. **ВЕДЬ ЭТИ ЖЕ ЛЮДИ, ЧТО РАБОТАЛИ ТОГДА, РАБОТАЮТ И СЕЙЧАС (!).**⁷⁾ Может быть, добавилось процентов десять — и за хорошую работу поощрялись не раз, являются на хорошем счету, как работники (!).

Солженицын называет оперативного работника «кумом». Кто дал ему право оскорблять должность, назначенную по штатам МВД?.. И что значит «надзиратели дураки»? они службу несут...

В Озерлаге, я знаю, воровства не было.⁸⁾ А он всех подряд называет ворами» (*Захарова*).

«И зачем выражать недовольство, что дома строят эски, а живут вольные?» (*Базунов*).

Теперь О ПОВЕСТИ В ЦЕЛОМ

«Если ваша повесть — художественное произведение, то она должна ЗВАТЬ к чему-то.

Вместо того, чтобы нарисовать картину гибели преданнейших людей в 1937 г., автор избрал 1941 год, когда в лагерь, в основном, попадали шкурники.⁹⁾ В 37-ом не было Шуховых¹⁰⁾, а

---

⁷⁾ Очень важное свидетельство. То же самое говорят и сегодняшние заключенные.

⁸⁾ Может быть, именно поэтому так старательно искали письма на выходе?

⁹⁾ Ну да, простые ребята, военнопленные.

¹⁰⁾ Еще сколько!

¹¹⁾ Какая интеллектуальная глубина! Кстати, не так уж молча — с непрерывными раскаяниями и просьбами помиловать.

шли на смерть угрюмо и молча с думою О ТОМ, КОМУ ЭТО НУЖНО?¹¹⁾ ...Там не лизали миски» (Олейник).

«Не испытываю к этим эзкам жалости и сочувствия. Разве такими были коммунисты, попавшие в беду?» (Аноним)¹²⁾

«Ни один из невинно-пострадавших не обвинял в своих страданиях товарища Сталина — об этом даже не приходила мысль. Здесь и находится водораздел между невинно-пострадавшими и настоящими преступниками. Те, как правило, поносили и советскую власть и Сталина» (Винокур, инженер).

«У него фактически нет жертв 1937 г. — ТО ЕСТЬ безвинных» (Медне, Елгава).

«Не люди 1937 г., а все послевоенная братия. Жалости к ним я не испытываю.¹³⁾ Этих людишек с подленькой душой СУДИЛИ СЛИШКОМ МЯГКО. Темных личностей Отечественной войны (кроме пленных) мне не жаль» (Игнатович, г. Кимовск, работал десятником по транспорту в Караганде).

«Сколько чудовищных усилий прикладывают чекисты, чтобы возратить в общество потерянных людей! Почему бы не показать, как наши люди сутками работали не из-под палки, а потому, что знали, что такое вольфрам и молибден в военное время? В каком-то исступлении работали около тысячи человек 3 суток по колено и по пояс в холодной воде. Кто сумел вдохнуть такое великое чувство патриотизма? — Чекисты!»¹⁴⁾ (С. И. Головин).

«Не показан в повести положительно и трудовой процесс заключенных, как основа перевоспитания. Заключенные в повести творили произвол (!) не только в быту, но и на производстве... Повесть научает небрежному отношению к социалисти-

---

¹²⁾ На всякий случай тоже прячется: черт его знает, куда еще ветер рванет!

¹³⁾ Ну да, ведь это простой беспартийный народ.

¹⁴⁾ Читатель видит, что этот глубокий отзыв намечает и общие задачи литературы.

ческой собственности — «отломили проволоки на ложки, спрятали в углу»... Не в этом, по нашему мнению, должно быть содержание одного дня Шухова в лагере. Если эти отрицательные действия заключенных и имели место, то с ними велась большая работа по их искоренению, о чем ничего не сказано в повести. А сколько положительного было и есть в действительности? Разве можно было допускать таких недозволённых действий со стороны заключенных? Положительное влияние повесть имела бы в том случае, если бы она отвечала задачам, поставленным перед исправительно-трудовыми учреждениями»¹⁵) (Григорьев).

«Такой дряни еще не приходилось переваривать... Это не только мое мнение, много нас таких. ИМЯ НАМ ЛЕГИОН.»¹⁶)

Автор использует свое неудачное произведение, чтобы примазаться к тому большому делу, которое уже проведено нашей партией по разъяснению вреда и последствий культа личности» (Базунов. Он добавляет: «это не только мое мнение, но и всех военнослужащих, прочитавших повесть»).

«Возмущена до глубины души, как и все сотрудники МООП. Горячее негодование и возмущение у всех! Просто удивляешься, сколько желчи в этом произведении...» (Захарова).

Да короче: «Повесть Солженицына должна быть немедленно изъята из всех библиотек и читален!» (Кузьмин, Орел).

Так и сделано, только постепенно.

И наконец: «Эту книгу надо было не печатать, а передать материал в органы МГБ» (Аноним, ровесник Октября).

Да так почти и произошло, угадал ровесничек...

---

¹⁵) Вот и еще глубокий отзыв, намечающий общие задачи литературы.

¹⁶) Это верно, что легион. Только впопыхах не проверили по Евангелию. Легион-то — БЕСОВ...

Что же О САМОМ АВТОРЕ?

«Вы, будучи не в состоянии сами стоять твердо на ногах (?), топчете в грязь честных советских людей... Вы взялись за хорошую тему не с весьма чистой душой... Почему (в повести) никто не возмущается взяточничеством? Ведь это противно советскому человеку. Или вы САМИ ценой взятки спешили выйти на свободу?» (*Олейник*).

«А вы, товарищ Солженицын, нюни распустили, в вас не чувствуется веры в новую жизнь» (*Камзолова*).

«Этому Солженицыну злоба застилает глаза, и потому он не способен трезво оценить окружающее. Ему мерещится, что только его мелкая, прокисшая в безвольной злобе личность и есть типичное в литературе... Этот человек не способен понять великое» (*Н. Д. Марченко*, ст. Удельная).

«Он специально настраивает народ на органы МВД... И почему наши органы разрешают издеваться над работниками МООН? ЭТО НЕЧЕСТНО!» (*Захарова*).

Слушайте! Слушайте! Это нечестно! — вот крик души! 40 лет терзали зэков — и это было честно! А повесть напечатали — это нечестно!

Наконец и шире — философский взгляд.

«Вы этими язвами прошлого хотите заразить советского человека» (*Олейник*).

«ИСТОРИЯ НИКОГДА НЕ НУЖДАЛАСЬ В ПРОШЛОМ (!! а в будущем, что ли?) и тем более не нуждается в нем история социалистической культуры» (*А. Кузьмин*).

«За советскую власть мы слишком дорого заплатили, чтобы позволить опозлять ее действия» (*Головин*).

«Я бы не напечатала. Зачем и кому это нужно? Изъян на собственном теле стараешься прикрыть, а не выставить напоказ. Нам не нужно ни сочувствия, ни подаяния» (*Медне*).

«Критиковать период культа личности нужно и необходимо, что мы все и делаем сейчас. Но не нужно затрагивать тех, кто совершенно никакого отношения К ЭТОМУ НЕ ИМЕЕТ... Авторитет МООП окончательно подорван перед народом, и теперь его не восстановить»... (Захарова).

«Зачем нужно показывать с шумом то, что творилось в период культа? Как поветрие началось разоблачение незаконных, писатели и поэты стараются лягнуть мертвого льва... Может быть, и классового врага придумал Сталин и его поджалимы?..¹⁷⁾ Зачем копаться в грязном белье прошлого, канувшего навсегда в Лету?..

Ты слышишь, Россия,
На совести нашей
Единого пятнышка нет!»

(Аноним)

Опять это «инкогнито» проклятое! Только бы узнать — сам ли он расстреливал или только посылал на смерть, или обыкновенный ортодокс — и вот тебе аноним! Аноним без пятнышка!

И вот, наконец, самый общий исторический взгляд, первое научное объяснение всех наших несчастий:

«После первоначального (?) лозунга «сын за отца не отвечает», осколки разбитых классов устремились во все поры советского организма, не оставляя мысли отомстить за отнятые привилегии. Это они особенно свирепствовали в 1937 году (!)¹⁸⁾, это они стали полицией в 1941 году, это они, попав в армию, с первых же дней кричали «спасайся, кто может!», увлекая и других в плен» (Панков).

---

¹⁷⁾ Конечно! А разве нет?

¹⁸⁾ То есть на другой день после «первоначального лозунга» уже захватили все НКВД и подчинили партию?

Ну, наконец-то все понятно: и партию вырезал классовый враг, и Гитлера в Сталинград заманил классовый враг, после чего передал дела талантливым генералам и мудрому Генералиссимусу.

Вот это-то и страшно — что так пишут историю...

НЕ ОБЫЧАЙ ДЕГТЕМ ЩИ БЕЛИТЬ, НА ТО СМЕТАНА

Статья академика Виноградова («Литературная газета» от 19 октября с. г.*) рождает досадное ощущение: и тоном своим, и неудовлетворительным подбором примеров, и — в противоречие с содержанием — собственным дурным русским языком.

Тон ее высокомерен — без надобности и без оснований. Несправедливо истолкованы побуждения старейшего писателя К. И. Чуковского, отдавшего лучшие движения своего таланта прослеживанию жизни нашего языка и поддержке всего живого в нем, будь оно седое или только что рожденное. Тот же обидный тон взят автором и по отношению к Ф. Гладкову, С. Ожегову, Ф. Кузнецову.

Подбор примеров поспешен, поверхностен, лишен стройности. Одни примеры слишком наглядны, слишком школьны для статьи, наметившей себе глубокую и дальнюю цель, другие — несправедливы: Шукшин упрекается за воспроизведение живого диалога, Кетлинская — за употребление прекрасных русских слов «распадок» и «проран». И. Гофф — за изящное обыгрывание ошибки с иностранным неразговорным словом. Главное же: примеры эти все беспорядочно сгружены и не помогают нам усвоить положительную мысль автора — да и есть ли она в статье? — какие же главные пороки и как предлагает он нам преодолеть их в письменной русской речи?

Напротив, своей авторской речью он подает нам худой образец. Он не ищет выразительных, емких слов

---

*) 1965 года. — Изд.

и мало озабочен их гибким русским согласованием. Говорить о великом предмете нам бы стараться на уровне этого предмета. Если же «Заметки о стилистике» начинены такими выражениями, как «общесоциальные и эстетико-художественные перспективы», «структурно-стилистические точки зрения», «массовые коммуникации в современной мировой культуре», «в силу значительной интеграции», а для внезапностей устной речи не подыскано лучшего слова, чем «пилюли», — то такие «Заметки» угнетают наше чувство языка, затемняют предмет, вместо того чтобы его разъяснить, горчат там, где надо сдобрить.

Странно, в статье о русском языке, где нашлось место дважды процитировать дневник Жюлья Ренара, не назван никто из рачителей русского языка, предшественников академика Виноградова, указавших болезнь еще в прошлом столетии и уже тогда предложивших средства лечения.

Ведь об этом писал (и выдвигал сильные решения) Владимир Даль в статьях «Полтора слова о русском языке» и «Недовесок к статье «Полтора слова о русском языке»^{*)}. Этим был озабочен Александр Герцен — и во всем его письменном наследстве мы находим множество смелых образований, утверждающих поступь русского письма и нащупывающих неожиданные короткие, энергичные управления слов. Историки языка легко расширят этот перечень. В новейшее время удивительные находки (вместе с неудачами) достались Андрею Платонову.

Наша письменная речь еще с петровских времен то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих, знающих цену мысли и времени, но не слову, пострада-

---

^{*)} Статей этих теперь почти нигде не достать. Как славно было бы их насвежо опубликовать, особенно вторую!

ла; и в своем словарном запасе, и в грамматическом строе, и, самое главное, в *складе*.

Словарный запас неуклонно тощал; ленились выискивать и привлекать достойные русские слова, или стыдились их «грубости», или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль (а неспособность-то была в нетерпеливых авторах). Взамен уроненного наталкивали без удержу иностранных слов, иногда очень хороших (кто кинет камень в «энергию», «нерв», «процесс», «проблему»?), часто совсем никчемных. Об этом писано много.

Грамматический строй сохранял стойко то, что роднит наш язык с европейскими, но пренебрегал многими исконными своими преимуществами. Так, отглагольные существительные предпочитались среднего рода, долгие, на немецкий лад (когда их на -ение скопится кряду четыре-пять, вымалывается язык и чуть ли зубы не болят), а мужского и женского рода — краткие, сильные, поворотливые — опадали, терялись.

Кто скажет *убывь* (действие по глаголу), *нагромоздка*? Обязательно: «убывание», «нагромождение». Кто напишет *для сохрону*? Нам подай «для сохранения». И *приноровка* нам не свычна, то ли дело «приноравливание»! И *перетаск* мебели нам не так надежен, как «перетаскивание».

Образование существительных склейкой по два, по три вместе («речестрой» Югова. «Литературная газета» от 28 октября с. г.) — тоже ведь не наше. Со взгляду кажется: речестрой! Ах, как по-русски! Ан — по-немецки...

И избыток отвлеченных существительных — это тоже не наше, надо искать, как содержать их во фразе поменьше.

Оставалась втуне и чисто русская свобода образования наречий, в которых таится главный задаток краткости нашего языка.

Таких, как *впереверт*, *вприпорох* (о снеге, песке),

понять *дотонка́* (во всей тонкости), скакать *одвуконь* (то есть на одной лошади верхом, а другую ведя для смены рядом).

Мало использовалось преобразование глаголов приставками, почти от каждого застыло лишь несколько главных форм, и нас теперь поражает такое простое явление, как:

он *остегнулся* (нам понятнее: он застегнулся, попадая петлями на несоответствующие пуговицы). Мы усвоили, что можно *наклонить*, *отклонить*, *приклонить*, но нас почему-то удивляет *расклонить* (ветви); приняв «уклониться» мы чураемся *уклонить* (кого, что).

Но больше всего блекла наша письменная речь от потери подлинно русского *склада* («свойства языка для сочетания слов» по Далю), то есть способа управления слов словами, их стыковки, их расположения в обороте, интонационных переходов между ними. Эту третью беду трудно сколько-нибудь изъяснить в тесной газетной статье, но читатель безошибочно ощутит ее вкус, сопоставив фразы из какого-нибудь современного литературного документа (хотя бы из статьи академика Виноградова) с той особенной живостью, которая аукает нам почти из каждой русской поговорки — аукает, намекает, как можно фразы строить, а мы не слышим:

И на мах, да в горсти...

Репьем осеешь, не жито и взойдет.

В девках сижено — плакано: замуж хожено — выто.

Здравствуй женившись, да не с кем спать!

Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк.

Если возьмет верх подлинно русский склад, то и многие иностранные слова обживутся в нем, как свои, и будут запросто держаться, очень легко. И наоборот, предупреждал Даль, «в не русском обороте речи у слова нашего не только отымаются руки и ноги, а отымается язык: он коснеет и немеет».

Так что самый придирчивый отбор русских слов — это еще далеко не русская речь. Много важней русский *склад* — русское построение фразы.

Однако замечательно — и обнадеживает нас! — то, что все указанные пороки, сильно поразив письменную речь, гораздо меньше отразились на устной (тем меньше, чем меньше были говорящие воспитаны на дурной письменной). Это дает нам еще неоскудевший источник напоить, освежить, воскресить наши строки. (Да только и склад, и грамматическая свобода устной речи тоже годны не всякие, здесь-то и нужен вкус да вкус!)

Оговоримся, что словарный запас устной речи, хотя и переполняется множеством терминов науки и техники и преходящим жаргоном, он тоже скудеет; заметим за собой, что мы выражаемся малым числом все повторяющихся слов. Так в убыстренный век разговорный словарный запас общества становится (не считая терминов) клином, сужающимся во времени. Это тревожно. Нам бы суметь обернуть клин, перекинуть узкую часть назад, а вперед он пусть расширяется.

Мне кажется, что здесь писатели могли бы помочь письменной речи вернуть речи устной кое-какой должок. Под этим я понимаю очень осторожное *словарное расширение*: продуманное употребление (в авторской речи!) таких слов, которые хоть и не живут в современном разговорном языке, но настолько близко расположены за стёсами клина и настолько понятно употребляются автором, что могут прийтись по нраву говорящим, привлечь их — и так вернуться в язык. Похвальба же далеко отскочившими и потому безнадежно утерянными словечками здесь бесполезна.

Например, мы усвоили «отшатнуться», несколько дичимся формы «отшатнуть», а как хорошо употребить: *вышатнуть* (кол из земли), *пришатнуть* (столб к стене).

У нас затвержено «недоумевать», но мы зря бы оцетинились против *доумевать* (доходить упорным размышлением).

Как коротко: *узвать* (кого с собой); *призевался* мне этот телевизор; *перемкнуть* (сменить замок или перенести его с одной накладки на другую); мой *предместник* (кто раньше занимал мое место); ветер *слистнул* бумагу со стола (вместо: порывом ветра бумагу приподняло и снесло со стола); *перевильнуть* (в споре со стороны на сторону).

Употребии — и, пожалуй, зашумят, что словотворчество, что выдумывают какие-то новые слова. А ведь это только бережный подбор богатства, рассыпанного совсем рядом, совсем под ногами.

Я так понимаю, что обсуждение письменной русской речи, открытое «Литературной газетой», — не из тех обсуждений, которые ведутся месяц-другой, а потом редакцией же закрываются с однозначным решением. Это долгая, постоянная работа. И не из тех это обсуждений, где надо вытянуть десяток виновников и выпороть их при честном народе. Имена, конечно, называть придется, не обойтись, но больше для осязаемости ошибок (то бишь «для конкретности»), чем для личных упреков.

Я так понимаю, что, быть может, настали решающие десятилетия, когда еще в наших силах исправить беду — совместно обсуждая, друг другу и себе объясняя, а больше всего — строгостью к себе самим. Ибо главная порча русской письменной речи — мы сами, каждое наше перо, когда оно поспешно, когда оно скользит слишком незатрудненно.

Умедлим же и проверим его бег! Еще не упущено изгнать то, что есть публицистический жаргон, а не русская речь. Еще не поздно выправить склад нашей письменной (авторской!) речи, так чтоб вернуть ей разговорную народную легкость и свободу.

Опять же Даль говорит, что все мы и постепенно (никто — отдельно и сразу) сумеем заменить все дурное хорошим, все длинное коротким, все околичное прямым, темное ясным, пошлое выразительным, вялое сильным.

Статья «Не обычай дегтем щип белить...» перепечатана из «Литературной газеты» от 4 ноября 1965 года. — Изд.

ОТВЕТ ТРЕМ СТУДЕНТАМ

Ощущение такое, что я вам свою мысль не договорил, не дояснил. Вот еще несколько слов.

Справедливость есть достояние протяженного в веках человечества и не прерывается никогда — даже когда на отдельных «суженных» участках затмевается для большинства. Очевидно, это понятие человечеству врождено, ибо нельзя найти другого источника. Справедливость существует, если существуют хотя бы немногие, чувствующие ее. Любовь к справедливости мне представляется чувством отдельным от любви к людям (или совпадающим с нею лишь частично). И в те массово-развращенные эпохи, когда встает вопрос: «а для кого стараться? а для кого приносить жертвы?» — можно уверенно ответить: для справедливости. Она совсем не релятивна, как и совесть. Она, собственно, и есть совесть, но не личная, а всего человечества сразу. Тот, кто ясно слышит голос собственной совести, тот обычно слышит и ее голос. Я думаю, что по любому общественному (или историческому, если мы его не по наслышке, не по книгам только знаем, а как-то коснулись душой) вопросу справедливость нам всегда подскажет поступок (или суждение) не бессовестный.

И так как разума нашего обычно не хватает, чтобы объяснить, понять и предвидеть ход истории (а «планировать» ее, как вы сами говорите, оказалось бессмысленно), — то никогда не ошибетесь, если во всякой общественной ситуации будете поступать по справедливости (старинное русское выражение — *жить по правде*). Это дает нам возможность быть постоянно деятельными, не руки опустя.

И не возражайте мне, что «все понимают справед-

ливость по-разному». Нет! Могут кричать, за горло брать, грудь расцарапывать, но внутренний стукоток так же безошибочен, как и внушения совести (мы ведь и в личной жизни иногда пытаемся перекричать совесть). Например, я уверен, что лучшие из арабов и сейчас прекрасно понимают, что Израиль по справедливости имеет право жить и быть.

Рязань. Октябрь 1967

Жму руки!
Солженицын

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОГО ТОМА

ПЬЕСЫ

Олень и шалашовка	7
Свеча на ветру (<i>Свет, который в тебе</i>)	125

РАССКАЗЫ

Правая кисть	209
Крохотные рассказы	221
Пасхальный крестный ход	233

СТАТЬИ

Читают «Ивана Денисовича»	241
Не обычной дегтем щи белить, на то сметана	261
Ответ трем студентам	269